ЖИЗНЬ ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫХЪ ЛЮДЕЙ.
БІОГРАФИЧЕСКАЯ БИБЛІОТЕКА Ф. ПАВЛЕНКОВА.

М. Ю. ЛЕРМОНТОВЪ

ЕГО ЖИЗНЬ И ЛИТЕРАТУРНАЯ ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ.

БІОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ

А. М. Скабичевскаго.

Съ портретомъ М. Ю. Лермонтова гравированнымъ въ Петербургѣ К. Адтомъ и многими рисунками.

Изданіе 3-е.

ЦѢНА 25 КОП.

XII-30542

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Ю. Н. Эрлихъ (влад. А. Э. Коллинсъ), Мал. Дворянская, 19.
1912.

М. Ю. ЛЕРМОНТОВЪ.

М. Ю. Лермонтовъ

около 1823 г.

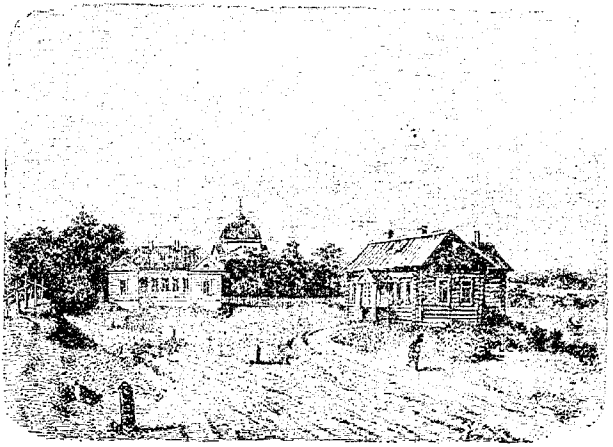
Елизавета Алексѣевна Арсеньева
(бабушка М. Ю. Лермонтова).

Юрій Петровичъ Лермонтовъ

(отецъ поэта).

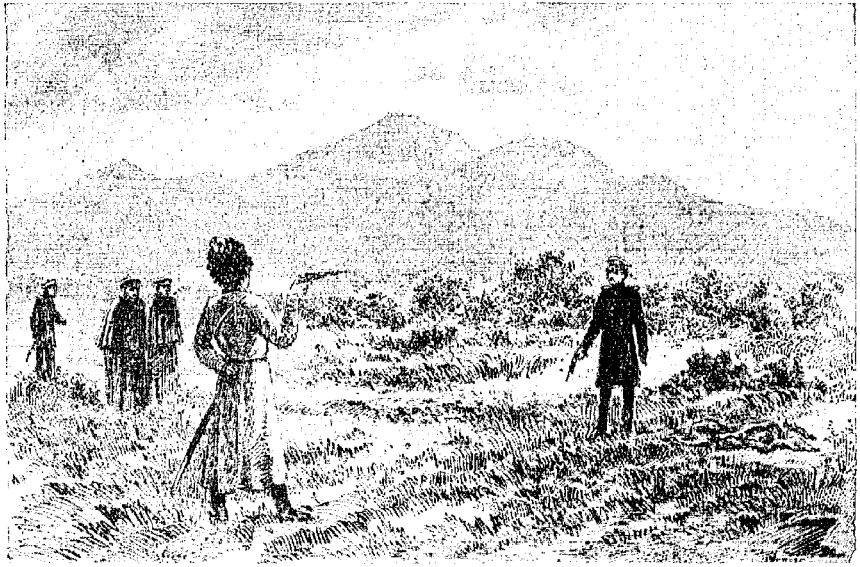
Марья Михайловна Лермонтова

(мать поэта).

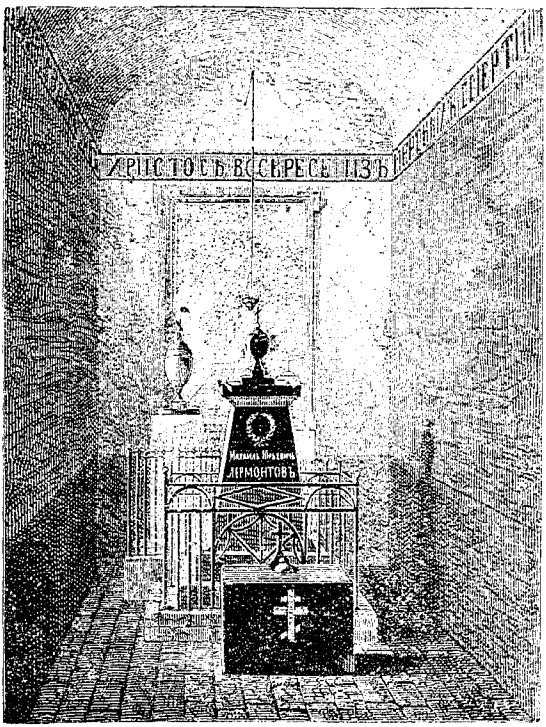


Село Тарханы.

Гротъ Лермонтова въ Пятигорскѣ.



Дуэль Лермонтова съ Мартыновымъ.



Памятникъ М. Ю. Лермонтову въ с. Тарханахъ.

Кто чашу вынесет небесного огня
Мне дерзкому в числе земных невольниц?
Чтоб грешных исцелить коварной
Мои пророческие руки?
Чтоб кудри обожгла струя
Неудержимая сего огня,
И грудь мою и
И сердце мне убила
Но свой неотразимый полет —
О нет! — преступного земного
Не остановит мысль моя,
Такой ничтожного удела
И ранней славы не хочу.

М. Лермонтовъ

Ст. Ставр.
Ив-Муж 1840.
Кн. Одоевскому

ГЛАВА I.

Рожденіе и дѣтскіе годы Лермонтова. Поѣздка на Кавказъ.

Бабушка Лермонтова по женской линіи, подъ крыломъ которой онъ провелъ все свое дѣтство, Елизавета Алексѣевна, урожденная Столыпина, а по мужу Арсеньева, была изъ стариннаго дворянскаго рода и представляла собою типическую личность помѣщицы стараго закала, въ родѣ Татьяны Марковны Бережковой въ «Обрывѣ» Гончарова: она была высока, стройна, со строгими, но весьма симпатичными чертами лица. Важная осанка, спокойная, умная, неторопливая рѣчь подчиняли всѣхъ окружающихъ ее. Она держалась прямо и ходила, слегка опираясь на трость, всѣмъ говорила «ты» и не стѣснялась высказывать въ глаза правду, хотя-бы самую горькую. Прямой, рѣшительный характеръ, привычка повелѣвать, доходившая порою до суроваго деспотизма, были причиною, что товарищи Лермонтова по юнкерской школѣ прозвали ее Марѳою Посадницею; въ обширномъ же кругѣ ея родства и свойства ее называли просто «бабушка».

Мужъ Елизаветы Алексѣевны, Михаилъ Васильевичъ Арсеньевъ, умеръ совершенно неожиданно отъ удара, въ самую веселую минуту, на святкахъ, въ костюмѣ могильщика въ шекспировскомъ Гамлетѣ, и она осталась вдовою съ единственною пятнадцати-лѣтнею дочкою Марьей. Это было крайне болѣзненное, хрупкое, эфемерное созданіе; тѣмъ не менѣе у нея нашелся женихъ, въ котораго она была страстно влюблена,—Юрій Петровичъ Лермонтовъ, жившій съ сестрами въ своемъ имѣніи Кропотовкѣ, Тульской губерніи, Ефремовскаго уѣзда, по сосѣдству съ родственниками Елизаветы Алексѣевны, Арсеньевыми. Онъ происходилъ отъ древней шотландской фамиліи, переселившейся въ Россію въ XVI в., и предки его занимали видныя должности при первыхъ царяхъ изъ дома Романовыхъ, но родъ ихъ обѣднѣлъ и средства оскудѣли. Самъ Юрій Петровичъ, получивъ

воспитаніе въ 1-мъ кадетскомъ корпусѣ, въ Петербургѣ, потомъ служилъ въ немъ, но принужденъ былъ выйти въ отставку въ 1811 г., съ чиномъ капитана, такъ какъ пять сестеръ его, проживавшія въ Кроптовкѣ, не могли однѣ справиться съ хозяйствомъ.

При такихъ условіяхъ Юрій Петровичь не представлялся блестящей партіей для дочери въ глазахъ Елизаветы Алексѣевны, и какъ сама она, такъ и вся богатая ея родня смотрѣли неблагосклонно на бракъ Маріи Михайловны съ бѣднымъ, отставнымъ армейскимъ офицеромъ. Тѣмъ не менѣе бракъ состоялся. Юрію Петровичу было предоставлено управлять имѣніями тещи, селомъ Тарханы и деревнею Михайловскою (Пенз. губ.); онъ и распоряжался этими имѣніями до смерти жены полнымъ хозяиномъ.

Когда молодая почувствовала себя беременною, она отправилась съ мужемъ и матерью изъ Тарханъ въ Москву, и здѣсь въ домѣ на Садовой, близъ Красныхъ воротъ, со 2-го на 3-е октября 1814 года, у нея родился сынъ Михаилъ. Малютка и мать были окружены всевозможными заботами; изъ Тарханъ заранѣе были высланы двѣ мамки, изъ которыхъ была выбрана Лукерья Алексѣевна, долго потомъ жившая на хлѣбахъ въ Тарханахъ: Лермонтовъ уже взрослымъ не разъ навѣщалъ ее и привозилъ ей подарки. Изъ Москвы Лермонтовы вернулись въ Тарханы, и Юрій Петровичъ выѣзжалъ изъ нихъ лишь по хозяйственнымъ дѣламъ то въ Москву, то въ тульское имѣнье.

Миръ, любовь и согласіе не долго царствовали въ семьѣ Лермонтовыхъ. Трудно въ точности опредѣлить, что было главною причиною семейнаго разлада. Юрій Петровичъ, красавецъ, блондинъ, сильно нравившійся женщинамъ, привлекательный въ обществѣ, веселый собесѣдникъ, «bon vivant» по выраженію воспитателя Лермонтова, Зиновьева, въ то же время вспыльчивый до самодурства и грубыхъ, дикихъ проявленій, совершенно выходящихъ изъ предѣловъ приличій, тѣмъ не менѣе былъ человѣкъ добрый, мягкій, и крѣпостные люди отзывались о немъ какъ о баринѣ «очень добромъ».

Неизвѣстно—женился ли онъ на Марьѣ Михайловнѣ по любви или по одному расчету; опостылѣла-ли она ему вслѣдствіе своей крайней болѣзненности и нервности, или же недоброжелательство тещи и ея властное вмѣшательство во всѣ семейныя дѣла были причиною его охлажденія,—но только у Юрія Петровича явилась вскорѣ новая связь. «Старожилы, — читаемъ мы въ біографіи Лермонтова г. Висковатаго,—разсказываютъ, что между супругами Лермонтовыми вышли недобрыя столкновенія изъ-за проживающей у Юрія Петровича особы, и что разгнѣванный Юрій Петровичъ весьма грубо

обошелся съ женою. Фактъ этого грубаго обращенія былъ послѣднею каплей полыни въ супружеской жизни Лермонтовыхъ. Она разстроилась, хотя супруги, избѣгая открытой распри, попрежнему оставались жить съ бабушкою въ Тарханахъ».

Слабая и болѣзненная отъ природы Марья Михайловна совсѣмъ была подкошена охлажденіемъ мужа и ссорою съ нимъ. «Она стала хворать,—читаемъ мы въ біографіи г. Висковатова:—въ Тарханахъ долго помнили, какъ тихая, блѣдная барыня сопровождаемая мальчикомъ-слугою, носившимъ за нею лекарственныя снадобья, переходила отъ одного крестьянскаго двора къ другому, съ утѣшеніемъ и помощью,—помнили, какъ возились она и съ болѣзненнымъ сыномъ. И любовь, и горе выплакала она надъ его головою. Посадивъ ребенка себѣ на колѣни, она заигрывалась на фортепіано, а онъ, прильнувъ къ ней головкой, сидѣлъ неподвижно; звуки какъ-бы потрясали его младенческую душу, и слезы катились по его личику».

Память о матери глубоко запала въ чуткую душу мальчика; какъ сквозь сонъ грезилась она ему потомъ. Въ дѣтствѣ звуки пѣсни, пѣтой ему матерью, всегда доводили его до слезъ; позже онъ не могъ уже вспомнить словъ ея, но утверждалъ, что если-бы услыхалъ эту пѣсню, она произвела-бы на него прежнее дѣйствіе.

День ото дня таяла убитая горемъ женщина. Пока она держалась на ногахъ, люди видѣли ее бродящею по комнатамъ господскаго дома съ заложенными назадъ руками. Трудно ей было напѣвать обычную пѣсню надъ колыбелью Миши. Наконецъ, она слегка въ злѣйшей чахоткѣ. Мужъ въ это время былъ въ Москвѣ. Ему дали знать; онъ прибылъ съ докторомъ, но спасти больную было уже поздно, и она скончалась на другой день по пріѣздѣ мужа.

Что произошло между Юріемъ Петровичемъ и тещею, неизвѣстно, но онъ по смерти жены оставался въ Тарханахъ всего 9 дней и затѣмъ уѣхалъ къ себѣ въ Кропотовку, оставивъ трехлѣтняго сына на попеченіи бабушки.

Со смертью дочери вся любовь Елизаветы Алексѣевны сосредоточилась на внукѣ; она не разставалась съ нимъ ни днемъ, ни ночью,—онъ и спалъ въ ея комнатѣ; наблюдала за каждымъ шагомъ его. Малѣйшее его нездоровье приводило ее въ крайнюю тревогу и было такимъ событіемъ въ домѣ, что даже дворовыя дѣвушки освобождались отъ работъ и должны были молиться объ исцѣленіи молодого барина. А здоровье мальчика дѣйствительно могло внушать опасенія: очевидно, онъ отъ матери наслѣдовалъ крайнее худосочіе, былъ ребенокъ и золотушный, и рахитическій, вѣчно былъ покрытъ

то сыпью, то мокрыми струпьями, такъ что рубашка прилипала къ его тѣлу. Кривизна ногъ, составлявшая впослѣдствіи источникъ сокрушеній Лермонтова при его претензіи на роль женскаго сердцеѣда и приравнивавшая его нѣсколько въ этомъ втношеніи къ колченогому Байрону, была прямымъ слѣдствіемъ англійской болѣзни.

Суровая и строгая ко всѣмъ окружающимъ, бабушка къ одному внучку выказывала безконечную нѣжность и доброту, безпрекословно исполняя всѣ его прихоти, ни въ чемъ ему не отказывая и ничего для него не жалѣя. Все ходило кругомъ да около Миши; всѣ должны были угождать ему, забавлять его. Зимою устраивалась гора, на ней катали Мишу, и вся дворня, собравшись, потѣшала его. Святками каждый вечеръ приходили въ барскіе покои ряженые изъ дворовыхъ, плясали, пѣли, играли, кто во что горазъ, нарочно для этого освобождаясь отъ урочныхъ работъ; на святой мальчика забавляли катаньемъ яицъ.

Положеніе всеобщаго баловня нельзя сказать, чтобы благотворно отражалось на характерѣ ребенка, развивая въ немъ деспотическія наклонности, необузданное своеволіе, привычку ни въ чемъ себѣ не отказывать, не терпѣть ни малѣйшаго отпора своимъ прихотямъ и капризамъ, и даже нѣкоторую жестокость. Такъ, во второмъ отрывкѣ изъ неоконченной повѣсти Лермонтовъ, описывая дѣтство Саши Арбенина и подразумѣвая въ немъ до нѣкоторой степени самого себя, изображаетъ своего героя «преизбалованнымъ и пресвоевольнымъ ребенкомъ»... «Онъ семи лѣтъ умѣлъ уже прикрикнуть на непослушнаго лакея. Принявъ гордый видъ, онъ умѣлъ съ презрѣніемъ улыбнуться на низкую лесть толстой ключницы. Между тѣмъ прирожденная всѣмъ склонность къ разрушенію развивалась въ немъ необыкновенно. Въ саду онъ то и дѣло ломалъ кусты и срывалъ лучшіе цвѣты, усыпая ими дорожки. Онъ съ истиннымъ удовольствіемъ давилъ несчастную муху и радовался, когда брошенный имъ камень сбивалъ съ ногъ бѣдную курицу». Нѣтъ сомнѣнія, что тѣми тяжелыми, антипатичными чертами характера, которыми впослѣдствіи отличался Лермонтовъ, онъ былъ обязанъ именно этой вредной системѣ воспитанія, весьма заурядной въ дворянскихъ, помѣщичьихъ семьяхъ того времени.

Но были въ дѣтствѣ Лермонтова и добрыя вліянія, до извѣстной степени парализовавшія дурныя наклонности и смягчавшія его душу. Такъ, со дня рожденія къ нему была приставлена бонна-нѣмка. Христина Осиповна Ремеръ, безотлучно находившаяся при немъ. Это была, по словамъ біографа Лермонтова, г. Висковатова, женщина

строгихъ правилъ, религіозная. Она внушила своему питомцу чувство любви къ ближнимъ, не исключая и крѣпостныхъ. Избави Богъ, если кого-либо изъ дворовыхъ онъ обзоветъ грубымъ словомъ или оскорбитъ. Не любила этого Христина Осиповна, стыдила ребенка и заставляла его просить прощенія у обиженнаго. Вся дворня высоко чтила эту женщину; для мальчика же ея вліяніе было какъ нельзя болѣе благодѣтельно. Вторымъ смягчающимъ вліяніемъ была болѣзненность мальчика. Самъ Лермонтовъ говоритъ о себѣ въ той же повѣсти и въ лицѣ того же Саши Арбенина, что «Богъ знаетъ, какое направленіе принялъ-бы его характеръ, еслибы не пришла на помощь корь—болѣзнь опасная въ его возрастѣ. Его спасли отъ смерти, но тяжелый недугъ оставилъ его въ совершенномъ разслабленіи; онъ не могъ ходить, не могъ приподнять ножки. Цѣлые три года оставался онъ въ самомъ жалкомъ положеніи и еслибъ не получилъ отъ природы желѣзнаго тѣлосложенія, то вѣрно отправился бы на тотъ свѣтъ. Болѣзнь эта имѣла важныя слѣдствія и странное вліяніе на умъ и характеръ Саши: онъ выучился думать. Лишенный возможности развлекаться обыкновенными забавами дѣтей, онъ началъ искать ихъ въ самомъ себѣ. Воображеніе стало для него новой игрушкой. Не даромъ учатъ дѣтей, что съ огнемъ играть не должно. Но, увы, никто и не подозрѣвалъ въ Сашѣ этого скрытаго огня, а между тѣмъ онъ охватывалъ все существо бѣднаго ребенка. Въ продолженіе мучительныхъ безсонницъ, задыхаясь между горячихъ подушекъ, онъ уже привыкъ побѣждать страданья тѣла, увлекаясь грезами души. Онъ воображалъ себя волжскимъ разбойникомъ, среди синихъ и студеныхъ волнъ, въ тѣни дремучихъ лѣсовъ, въ шумѣ битвъ, въ ночныхъ наѣздахъ, при звукѣ пѣсенъ, подъ свистомъ волжской бури».

Мечтательность мальчика была еще болѣе развита нѣмецкими сказками и легендами, которыя ему разсказывала Христина Осиповна. Русскихъ сказокъ почему-то онъ не слышалъ въ дѣтствѣ, если судить по тому сожалѣнію объ этомъ, которое онъ впослѣдствіи высказалъ въ одной изъ своихъ записныхъ тетрадей (1830 г.): «какъ жалко, что у меня мамушкой была нѣмка, а не русская—я не слыхалъ сказокъ народныхъ; въ нихъ вѣрно больше поэзіи, чѣмъ во всей французской словесности». Но очень странно, какъ это могло случиться съ русскимъ дворянскимъ мальчикомъ, окруженнымъ дворнею, и къ тому же самъ Лермонтовъ повидимому противорѣчитъ себѣ, говоря все о томъ же Сашѣ Арбенинѣ: «Саша Арбенинъ живетъ въ деревнѣ, окруженный женскимъ элементовъ, подъ руковод-

ствомъ няни. Няня эта завѣдуетъ хозяйствомъ, и съ нею странствуетъ Саша по дѣвичьимъ, или же дѣвушки приходятъ въ дѣтскую. Сашѣ было съ ними весело. Онѣ его ласкали и цѣловали наперерывъ, *разсказывали ему сказки про волжскихъ разбойниковъ*, и его воображеніе наполнялось чудесами храбрости и картинами мрачными и понятіями противообщественными. Онъ разлюбилъ игрушки и началъ мечтать. Шести лѣтъ онъ уже заглядывался на закатъ, усѣянный румяными облаками, и непонятно-сладостное чувство уже волновало его душу, когда полный мѣсяцъ свѣтилъ въ окно въ его дѣтскую кроватку»... «Когда я былъ малъ, говоритъ Лермонтовъ въ той же своей записной тетради 1830 г. я любилъ смотрѣть на луну, на разновидныя облака, которыя въ видѣ рыцарей со шлемами тѣснились будто вокругъ нея; будто рыцари, сопровождающіе Армиду въ ея замокъ, полные ревности и безпокойства».

Когда Лермонтовъ вступилъ въ отроческій возрастъ, къ нему были набраны однолѣтки изъ дворовыхъ мальчиковъ, обмундированы въ военное платье, и Миша занимался съ ними военными экзерцизами, играми въ войну и разбойники. Кромѣ дворовыхъ сверстниковъ друзьями дѣтства его были также родственники, жившіе по сосѣдству въ усадьбѣ Апалихѣ, дѣти племянницы бабушки, Марьи Акимовны Шанъ-Гирей,—дочь Екатерина и три сына, старшій изъ которыхъ, Акимъ Павловичъ, воспитывался съ Мишей и всю жизнь оставался съ нимъ въ дружескихъ отношеніяхъ.

«У бабушки,—говоритъ этотъ самый А. П. Шанъ-Гирей въ своихъ воспоминаніяхъ о Лермонтовѣ («Р. Обозр.», 1890 г., 8); было три сада, большой прудъ передъ домомъ, а за прудомъ роща; лѣтомъ простору вдоволь, зимой—немного тѣснѣе, зато на пруду мы разбивались на два стана и перекидывались снѣжными комьями; потомъ съ сердечнымъ замираніемъ смотрѣли, какъ православный людъ стѣна на стѣну (тогда еще не было запрету) сходился на кулачки, и я помню, какъ разъ расплакался Мишель, когда Василій садовникъ выбрался изъ свалки съ губой, рассѣченной до крови. Великимъ постомъ Мишель былъ мастеръ дѣлать изъ талаго снѣгу человѣческія фигуры въ колоссальномъ видѣ...»

Когда мальчику было 11 лѣтъ, въ 1825 году, бабушка, безпокоясь о его слабомъ здоровьѣ, повезла его на Кавказъ. Поѣхали многочисленнымъ обществомъ: съ ними были и кузины Столыпины, и родственникъ Пожогинъ, и докторъ Анзельмъ Левисъ, и гувернеръ-дядька, monsieur Капе. Въ началѣ лѣта пріѣхали въ Пятигорскъ. Впечатлительный, мечтательный, нервный ребенокъ съ чрезмѣрно-

развитымъ воображеніемъ былъ такъ сильно потрясенъ кавказскою природою, что потомъ на всю жизнь остались въ немъ глубоко врѣзанными эти первыя дѣтскія впечатлѣнія Кавказа, любимаго поэтомъ до гроба.

Въ то же время потрясенное красотами Кавказа отроческое сердце Лермонтова впервые забилось тогда недѣтскою страстью. Вотъ какъ онъ самъ описываетъ эту свою первую, столь преждевременную страсть:

«Кто мнѣ повѣритъ, что я зналъ любовь, имѣя 10 лѣтъ отъ роду?—Мы были большимъ семействомъ на водахъ кавказскихъ: бабушка, тетушка, кузины. Къ моимъ кузинамъ приходила одна дама съ дочерью, дѣвочкою лѣтъ девяти. Я ее видѣлъ тамъ. Я не помню, хороша собою была она или нѣтъ, но ея образъ и теперь еще хранится въ головѣ моей. Онъ мнѣ любезенъ, самъ не знаю почему. Одинъ разъ, помню, я вбѣжалъ въ комнату. Она была тутъ и играла съ кузиною въ куклы: мое сердце затрепетало, ноги подкосились. Я тогда ни о чемъ еще не имѣлъ понятія, тѣмъ не менѣе это была страсть сильная, хотя ребяческая; это была истинная любовь; съ тѣхъ поръ я еще не любилъ такъ. О, сія минута перваго безпокойства страстей до могилы будетъ терзать мой умъ. И такъ рано!... Надо мной смѣялись и дразнили, ибо примѣчали волненіе въ лицѣ. Я плакалъ потихоньку, безъ причины; желалъ ее видѣть; а когда она приходила, я не хотѣлъ или стыдился войти въ комнату, не хотѣлъ говорить объ ней и убѣгалъ, слыша ея названіе (теперь я забылъ его), какъ-бы страшась, чтобъ біеніе сердца и дрожащій голосъ не объяснили другимъ тайну, непонятную для меня самого. Я не знаю, кто была она, откуда? и понынѣ мнѣ неловко какъ-то спросить объ этомъ: можетъ быть, спросятъ и меня, какъ я помню, когда они позабыли; или тогда эти люди, внимая моему разсказу, подумаютъ, что я брежу, не повѣрятъ ея существованію, это было-бы мнѣ больно!.. Бѣлокурые волосы, голубые глаза, быстрые, непринужденность—нѣтъ, съ тѣхъ поръ я ничего подобнаго не видѣлъ, или это мнѣ кажется, потому что я никогда не любилъ, какъ въ этотъ разъ. — Горы кавказскія для меня священны... И такъ рано! Съ 10 лѣтъ. Эта загадка, этотъ потерянный рай—до могилы будутъ терзать мой умъ! Иногда мнѣ странно—и я готовъ смѣяться надъ этой страстью, но—чаще плакать.—Говорятъ (Байронъ), что ранняя страсть означаетъ душу, которая будетъ любить священныя искусства. Я думаю, что въ такой душѣ много музыки».

Предвѣдѣніе, что до могилы будетъ терзать умъ поэта эта дѣтская первая страсть, не была однако экзальтаціею. Дѣйствительно, образъ дѣвушки не оставлялъ поэта—и когда съ Кавказа онъ вернулся съ бабушкою въ Тарханы, и пять лѣтъ спустя, какъ мы можемъ судить объ этомъ по приведенной выпискѣ изъ его записной тетради 1830 г., и, наконецъ, за полтора года до смерти (см. стих. *Первое января 1840*).

ГЛАВА II.

Воспитаніе Лермонтова. — Поступленіе въ Московскій благородный пансіонъ. — Первые поэтическіе шаги.

Поѣздка на Кавказъ, ради укрѣпленія здоровья мальчика, была предпринята конечно въ тѣхъ видахъ, что наступали годы, въ которые надо было подумать о болѣе серьезномъ образованіи Миши. Въ умственномъ отношеніи къ десятилѣтнему возрасту онъ былъ совсѣмъ уже почти готовъ къ этому. Ничего не жалѣвшая для внука бабушка тратила на его воспитаніе до пяти тысячъ рублей, и когда отецъ его изъявлялъ претензію взять сына къ себѣ, она указывала ему на эту сумму, которую онъ не въ состояніи былъ-бы тратить на сына. Болѣе всего было обращено вниманіе, конечно ужъ по общедворянскому обычаю того времени, на языки. Въ то время какъ знакомая уже намъ Христина Осиповна обучала Мишу съ пеленокъ нѣмецкому, для другихъ языковъ нанимались гувернеры. Такъ, первый гувернеръ Кане былъ полковникъ наполеоновской арміи, взятый въ плѣнъ въ 1812 году и оставшійся въ Россіи. Миша болѣе всѣхъ гувернеровъ любилъ его, особенно за его восторженные разсказы о Наполеонѣ, о всѣхъ его войнахъ и сраженіяхъ, между прочимъ и о Бородинскомъ сраженіи. По смерти Кане поступилъ въ гувернеры еврей Леви, знакомившій питомца съ нѣмецкою словесностью. Онъ не ужился и долженъ былъ уступить мѣсто проживавшему въ Россіи со временъ первой французской революціи эмигранту Жандро. Послѣдній сумѣлъ понравиться избалованному питомцу, особенно же бабушкѣ и ея московскимъ родственницамъ, безукоризненностью манеръ и любезностью обращенія старой версальской школы. Пробывъ въ домѣ Лермонтовыхъ около двухъ лѣтъ и желая овладѣть воспитанникомъ, онъ сталъ мало-по-малу открывать ему «науку жизни». Безъ сомнѣнія, Лермонтовъ въ поэмѣ

«Сашка» изображаетъ Жандро подъ видомъ парижскаго «Адониса», сына погибшаго маркиза, пришедшаго въ Россію «поощрять науки». Юному впечатлительному питомцу нравился его разсказъ «про сборища народныя, про шумный напоръ страстей и про послѣдній часъ вѣнчаннаго страдальца»...

Изъ разсказовъ этихъ Лермонтовъ почерпнулъ свою нелюбовь къ парижской черни и симпатію къ неповиннымъ жертвамъ, изъ которыхъ на первомъ планѣ стоялъ конечно Андрей Шенье. Но вмѣстѣ съ тѣмъ этотъ же наставникъ внушалъ молодежи довольно легкомысленные принципы жизни, и это-то, кажется, выйдя наружу, побудило бабушку ему отказать, послѣ чего въ домъ былъ принятъ гувернеромъ англичанинъ Виндсонъ, бывшій гувернеръ въ домѣ гр. Уварова. Виндсонъ оставался у Арсеньевой нѣсколько лѣтъ; имъ очень дорожили, платили 3000 р. и помѣстили съ русской женой и дѣтьми въ особомъ флигелѣ. Отъ него Миша пріобрѣлъ знаніе англійскаго языка и впервые въ оригиналѣ познакомился съ Байрономъ и Шекспиромъ.

Не было пренебрежено и эстетическое развитіе мальчика. Онъ былъ обученъ игрѣ на фортепьяно и скрипкѣ, отлично рисовалъ, лѣпилъ изъ крашенаго воску цѣлыя фигуры, вродѣ охоты за зайцами съ борзыми, перехода черезъ Граникъ и сраженія при Арбелахъ со слонами, колесницами, украшенными стеклярусомъ, и косами изъ фольги. Въ то же время одной изъ любимыхъ забавъ его служилъ театръ маріонетокъ. Такъ мы видимъ, что въ письмѣ изъ Москвы онъ проситъ тетку выслать ему воску, потому что и въ Москвѣ онъ «дѣлаетъ театръ, который довольно хорошо выходитъ и гдѣ будутъ играть восковыя фигуры». Ак. П. Шанъ-Гирей хорошо помнилъ эти куклы, съ вылѣпленными Лермонтовымъ головами. Среди нихъ была кукла, излюбленная мальчикомъ-поэтомъ, носившая названіе «Berquin» и исполнявшая самыя фантастическія роли въ пьесахъ, которыя сочинялъ Лермонтовъ, заимствуя сюжеты или изъ слышаннаго, или изъ прочитаннаго.

Наконецъ, въ 1828 году бабушка повезла Лермонтова въ Москву, съ цѣлью отдать его въ благородный университетскій пансіонъ. Въ пансіонѣ существовалъ обычай, что каждый ученикъ отдавался на попеченіе одного изъ наставниковъ. Выборъ предоставлялся родителямъ. Родственники бабушки, Мещериновы, рекомендовали Александра Зиновьича Зиновьева, занимавшаго въ пансіонѣ должность надзирателя и учителя русскаго и латинскаго языковъ. Зиновьевъ приготовлялъ мальчика ко вступительному экзамену и затѣмъ, по

принятому выраженію, Лермонтовъ оставался «кліентомъ» Зиновьева во всю бытность свою въ пансіонѣ.

Поступивъ въ 4-й или 5-й классъ полупансіономъ, т. е. съ правомъ ночевать дома, Лермонтовъ учился блистательно, былъ вторымъ ученикомъ. «Какъ теперь смотрю на милаго моего питомца,—разсказываетъ Зиновьевъ въ своихъ воспоминаніяхъ о немъ,—отличившагося на пансіонномъ актѣ, кажется 1829 года. Среди блестящаго собранія онъ прекрасно произнесъ стихи Жуковскаго «Къ морю» и заслужилъ громкія рукоплесканія. Тутъ же Лермонтовъ удачно исполнилъ на скрипкѣ пьесу и вообще на этомъ экзаменѣ обратилъ на себя вниманіе, получивъ первый призъ въ особенности за сочиненіе на русскомъ языкѣ».

По традиціи, сохранявшейся со времени Новикова, въ пансіонѣ особенно процвѣтали между воспитанниками занятія литературою. Воспитанники собирались на общее чтеніе, издавался рукописный журналъ, въ которомъ многіе изъ нихъ принимали участіе. Лермонтовъ конечно ужъ явился дѣятельнымъ сотрудникомъ школьнаго журнала. Имъ тогда уже писались стихотворенія, на которыя было обращено вниманіе учителей. Такъ, онъ показывалъ свои переводы изъ Шиллера, любимому же своему учителю Александру Степановичу Солоницкому подарилъ тщательно-переписанную тетрадку своихъ стихотвореній. Особенно поощрялъ занятія литературою инспекторъ пансіона, извѣстный московскій профессоръ Михаилъ Григорьевичъ Павловъ. Онъ предполагалъ даже собрать лучшіе изъ опытовъ воспитанниковъ и издать въ видѣ альманаха. Намѣреніе это осталось невыполненнымъ, но Лермонтовъ въ 1829 году, въ письмѣ въ Апалиху къ теткѣ своей Екатеринѣ Алексѣевнѣ, съ восторгомъ говорилъ о немъ: «Инспекторъ хочетъ издавать журналъ Калліопу (подражая мнѣ), гдѣ будутъ помѣщаться сочиненія воспитанниковъ. Каково вамъ покажется: Павловъ мнѣ подражаетъ, перенимаетъ у... меня!.. Стало быть... стало быть... Но выводите заключенія, какія вамъ угодно»...

Кромѣ Павлова большое вліяніе на воспитанниковъ имѣлъ учитель словесности въ старшихъ классахъ, извѣстный поэтъ (авторъ пѣсни «Среди долины ровныя») Алексѣй Федоровичъ Мерзляковъ. Онъ отличался живою бесѣдой при критическихъ разборахъ русскихъ писателей и прекрасно читалъ стихи и прозу. Онъ тѣмъ болѣе долженъ былъ оказать большое вліяніе на Лермонтова, что давалъ ему частные уроки и былъ вхожъ въ домъ бабушки. О вліяніи этомъ можно судить по тому, что когда Лермонтовъ былъ аре-

стованъ по поводу стихотворенія своего на смерть Пушкина, бабушка воскликнула: «И зачѣмъ это я на бѣду свою еще брала Мералякова, чтобъ учить Мишу литературѣ! Вотъ до чего онъ довелъ меня!»

Къ эпохѣ поступленія въ благородный пансіонъ относятся и первыя проявленія творчества Лермонтова. Оставшіяся послѣ Лермонтова записныя тетради, которымъ г. Висковатовъ совершенно справедливо придаетъ важное біографическое значеніе, показываютъ намъ, съ какою органическою постепенностью развивался поэтическій талантъ Лермонтова, и какъ даже въ своихъ первоначальныхъ, дѣтскихъ подражаніяхъ онъ являлся уже вѣренъ характеру будущей своей поэзіи, и если бралъ чужое, то лишь то, что соотвѣтствовало этому характеру, было ему сродно. Такъ, первоначально онъ ограничивался лишь тѣмъ, что переписывалъ такія произведенія любимыхъ авторовъ, какія ему наиболѣе нравились. Такими любимыми авторами, впервые пробудившими въ мальчикѣ его поэтическій геній, конечно уже были Жуковскій и Пушкинъ. Но изъ Пушкина онъ переписалъ не что другое, какъ «Бахчисарайскій фонтанъ», изъ Жуковскаго — «Шильонскій узникъ» — послѣднее произведеніе представляется переводомъ поэмы Байрона; — первое написано въ Байроновскомъ стилѣ. Затѣмъ поэма Пушкина «Кавказскій плѣнникъ», пробудившая въ мальчикѣ личныя воспоминанія о Кавказѣ и тѣмъ болѣе очаровавшая его, побудила его уже не къ одной перепискѣ, а къ подражаніямъ. Первымъ такимъ подражаніемъ является поэма «Черкесы», которую Лермонтовъ писалъ въ 1828 г., когда ему не было еще и 14 лѣтъ, въ городѣ Чембарѣ, отстоящимъ въ 12 верстахъ отъ Тарханъ, за дубомъ, съ которымъ связывалось дорогое для мальчика воспоминаніе. По крайней мѣрѣ рукою поэта на самомъ заглавномъ листѣ переписанной имъ начисто поэмы помѣчено: «Въ Чембарѣ, за дубомъ». Здѣсь вы находите цѣлые стихи, взятые цѣликомъ изъ поэмы Пушкина. Вторымъ подражаніемъ поэмѣ Пушкина является «Кавказскій плѣнникъ», поэма, написанная имъ тоже въ 1828 году, но ужъ въ Москвѣ.— «Шильонскій узникъ» въ свою очередь не остался безъ подражанія, и къ тому же 1828 году относится поэма Лермонтова «Корсаръ», начинающаяся почти тѣми же словами:

Друзья, взгляните на меня!
Я блѣденъ, худъ, потухла радость!

Къ тому же періоду, т. е. къ четырнадцати годамъ, относитъ начало поэтической дѣятельности Лермонтова и Шанъ-Гирей въ

своихъ воспоминаніяхъ. «Тутъ, говоритъ онъ, я въ первый разъ увидѣлъ русскіе стихи у Мишеля, — Ломоносова, Державина, Дмитріева, Озерова, Батюшкова, Крылова, Жуковскаго, Козлова и Пушкина; тогда же Мишель прочелъ мнѣ своего сочиненія стансы Къ * * * (три звѣздочки); меня ужасно интриговало, что значитъ слово *стансы* и зачѣмъ три звѣздочки? однакожъ я промолчалъ, какъ будто понимаю. Вскорѣ была написана первая поэма «*Индіанка*» и началъ издаваться рукописный журналъ «*Утренняя Заря*», на манеръ «*Наблюдателя*» или «*Телеграфа*», какъ слѣдуетъ съ стихотвореніями и изящною словесностью; журнала этого вышло нѣсколько нумеровъ...»

Отъ Жуковскаго былъ одинъ шагъ до Шиллера, съ которымъ Лермонтову тѣмъ легче было познакомится въ подлинникѣ, что онъ зналъ нѣмецкій языкъ. И здѣсь онъ началъ переводами («Къ Нинѣ», «Встрѣча», «Перчатка», сцены трехъ вѣдьмъ изъ передѣлки Шиллера шекспировскаго «Макбета» и пр.), а затѣмъ онъ увлекся драмами Шиллера, особенно «Разбойниками» и «Коварствомъ и любовью», тѣмъ болѣе, что эти драмы около того времени давались въ Москвѣ съ участіемъ Мочалова, и Лермонтовъ видѣлъ ихъ на сценѣ. Это увлеченіе было такъ сильно, что затѣмъ все, что ни замышлялъ Лермонтовъ подъ впечатлѣніями различнаго чтенія, принимало драматическую форму. Прочитывалъ онъ «Аталу» Шатобріана, и въ тетрадяхъ является замѣтка: «Сюжетъ трагедіи.— Въ Америкѣ.—Дикіе, угнетаемые испанцами.—Изъ романа французскаго Атала». Знакомился-ли онъ съ русской исторіей, сейчасъ же являлся драматическій сюжетъ,—«Мстиславъ черный». Читалъ жизнеописаніе Марія, Плутарха,—задумывалъ «трагедію Марій», оканчивающуюся смертью Марія и самоубійствомъ его сына, и затѣмъ въ той же тетради говоритъ о желаніи написать трагедію «Неронъ».

Но всѣ эти замыслы оставались безъ исполненія, по всей вѣроятности потому, что были не подъ силу 15-лѣтнему мальчику, такъ какъ требовали знанія нравовъ, жизни, этнографіи, исторіи. Наконецъ, воображеніе юноши остановилось на Испаніи. «Ни одна страна,—по справедливому замѣчанію г. Висковатова,—не могла представить данныхъ, болѣе удобныхъ для составленія драмъ. Тутъ, казалось, и не требовалось особаго изученія нравовъ и жизни. Молодой фантазіи услужливо представлялись—гордый своими предками, закоренѣлый въ сословныхъ предразсудкахъ кастилецъ, инквизиторъ, іезуитъ, невинный убійца, преслѣдуемый жидъ. Тутъ убій-

ства, кровь, зарево костровъ и благородная отвага, луна, любовь и балконъ, съ ангеломъ на балконѣ и съ пѣвцомъ подъ нимъ». Къ тому же существовало преданіе, что родъ Лермонтовыхъ происходилъ отъ испанскаго герцога Лермы, который во время борьбы съ маврами бѣжалъ изъ Испаніи въ Шотландію. Съ этимъ преданіемъ носился въ это время Лермонтовъ, утѣшаясь имъ, когда окружающіе его люди пренебрежительно отзывались о его отцѣ, какъ о незнатномъ и бѣдномъ армейскомъ офицерѣ. Долгое время онъ и подписывался подъ письмами и стихотвореніями «Лерма».

Это увлеченіе Испаніей, сказавшись между прочимъ и въ первомъ наброскѣ «Демона», относящемся къ 1830 году и въ которомъ дѣйствіе происходитъ въ Испаніи, наиболѣе выразилось въ трагедіи «Испанцы». Въ драмѣ этой сказывается вліяніе не только «Разбойниковъ» и «Коварства и любви» Шиллера, но и «Натана Мудраго» Лессинга; вліяніе это ярко выразилось въ образахъ стараго еврея съ дочкою Ноэми и старухой Саррой, напоминающихъ семью Натана. Какъ у Лессинга въ «Испанцахъ», герой оказывается братомъ Ноэми, сначала относится съ брезгливостью и презрѣніемъ къ «жиду», а затѣмъ побѣждается мудростью отца и добродѣтелью дочери.

Вслѣдъ за «Испанцами» Лермонтовъ написалъ еще двѣ драмы—именно—«Menchen und Leidenschaften» (Люди и страсти), и «Странный человѣкъ», но, чтобы понять значеніе этихъ драмъ, имѣющихъ особенный автобіографическій интересъ, слѣдуетъ познакомиться намъ съ той страшной и мучительной драмой, которую в это время пережилъ Лермонтовъ въ самой жизни,—драмой, котора наложила глубокую печать на всю его жизнь, по общему мнѣнію всѣхъ біографовъ, обусловивъ и болѣзненную нервность его характера, и мрачность его произведеній. Къ этой драмѣ мы теперь и обратимся.

ГЛАВА III.

Борьба бабушки съ отцомъ Лермонтова, и какъ эта борьба отразилась на всей жизни поэта.

Драма заключалась въ той ожесточенной борьбѣ, которую вела бабушка съ отцомъ поэта, Юріемъ Петровичемъ, изъ-за него, и въ той страдательной роли, какую пришлось юношѣ играть въ этой борьбѣ своихъ родныхъ. Мы видѣли уже выше, что когда умерла

мать Лермонтова, отецъ недолго оставался въ усадьбѣ тещи; неизвѣстно, что было между ними, но онъ скоро уѣхалъ, оставивъ сына на попеченіи бабушки лишь временно, до тѣхъ поръ, пока мальчику нуженъ былъ женскій присмотръ. Но онъ не отказался совсѣмъ отъ своего сына, чувствуя къ нему живую привязанность. Разлука съ нимъ терзала его, и онъ началъ пріѣзжать порою въ Тарханы, чтобы видѣть сына и слѣдить за его воспитаніемъ. Но каждый разъ, когда онъ пріѣзжалъ, онъ встрѣчалъ самый недоброжелательный пріемъ со стороны бабушки и всѣхъ богатыхъ и знатныхъ родныхъ ея, высказывавшихъ не только пренебреженіе къ его незнатности и бѣдности, но и страхъ, какъ-бы не заявилъ онъ свои права на сына. Страстно привязавшаяся къ внуку бабушка постоянно трепетала за потерю его. Ей представлялось, что вотъ-вотъ нагрянетъ отецъ и увезетъ Мишу. Поэтому мальчика берегли и хранили очень строго. Когда Юрій Петровичъ пріѣзжалъ навѣстить сына, тотчасъ же посылали на почтовыхъ за Аѳанасіемъ Алексѣевичемъ Столыпинымъ, въ Саратовскую губернію, звать его на помощь для защиты на случай похищенія. Впечатлительный, вспыльчивый Юрій Петровичъ не могъ хладнокровно выносить такое отношеніе къ нему и, выходя изъ себя, позволялъ себѣ выходки, которыя еще болѣе увеличивали взаимныя недовѣрія и непріязнь; къ тому же и наговоры, нашептыванья и застращиванья услужливыхъ родственниковъ подливали масла въ огонь. Первоначально Юрію Петровичу было обѣщано, что онъ будетъ продолжать владѣть имѣніемъ, оставшимся послѣ жены, и сдѣлается опекуномъ своего сына, которому должно достаться это имѣніе. И вотъ родственники нашептали ему, что бабушка хочетъ отнять у него имѣніе, а бабушкѣ, что Юрій Петровичъ уступилъ ей сына только временно, пока не заберетъ денежки въ руки, а тамъ и Мишу возьметъ,—значитъ, силу изъ рукъ нельзя выпускать. Бабушка рѣшила, что Юрій Петровичъ дѣйствіями своими утратилъ право на данное ему обѣщаніе, и объявила, что если Юрій Петровичъ возьметъ сына, она лишитъ его наслѣдства.

Юрій Петровичъ сообразилъ, что воспитать ему сына не на что и что, если заупрямится, онъ сдѣлаетъ его нищимъ,—побѣдилъ въ себѣ гордость обиженнаго человѣка, смирился, затаилъ злобу и для блага сына рѣшилъ оставить его у бабушки до 16 лѣтъ, сохранивъ за собою лишь право слѣдить за его воспитаніемъ и чтобы по вопросамъ о воспитаніи во всемъ относились къ нему. Конечно въ первые годы, пока сынъ жилъ съ бабушкой въ Пензенской губерніи, а

Юрій Петровичъ въ Тульской, условія эти были невыполнимы. Но когда Мишу повезли въ Москву, отецъ началъ навѣдываться чаще. По разсказамъ Зиновьева, онъ наѣзжалъ въ Москву изъ Кропотовки съ двумя незамужними сестрами, Наталіей и Александрой, останавливался съ ними на особой квартирѣ, и сынъ навѣщалъ его, особенно же часто проводилъ у него праздничные дни. Воспитатели, можетъ быть подъ вліяніемъ бабушки, говорили, что отецъ баловалъ сына и имѣлъ на него дурное вліяніе. Сынъ же очень былъ привязанъ къ отцу. Отъ чуткаго, воспріимчиваго мальчика, столь быстро и преждевременно развивавшагося, не могъ укрыться семейный разладъ, и не могло не поразить его болѣзненно-рѣзкое различіе между гордою, богатою бабушкой и бѣднымъ, захудалымъ отцомъ, на котораго всѣ смотрѣли съ такимъ высокомѣрнымъ презрѣніемъ. Доброе отзывчивое сердце мальчика инстинктивно потянулось къ обижаемому и пренебрегаемому старику, а позже заговорила въ немъ и гордость, заставившая его, нарочно съ цѣлью возвысить отца въ глазахъ родныхъ, превозноситься древностью рода Лермонтовыхъ, выводя его не только изъ Шотландіи, но и изъ Испаніи. Какъ сильно любилъ мальчикъ отца, это мы видимъ изъ письма его къ теткѣ въ Апалиху, въ которомъ онъ между прочимъ пишетъ: «Папенька сюда пріѣхалъ, и вотъ уже двѣ картины извлечены изъ моего портфеля; слава Богу, что такими любезными мнѣ руками».

Но вотъ, наконецъ, пошелъ Лермонтову шестнадцатый годъ. Срокъ, на который Юрій Петровичъ оставилъ мальчика у бабушки, приходилъ къ концу, и онъ могъ потребовать сына обратно. Начались переговоры. Въ это время университетскій пансіонъ былъ превращенъ въ гимназію. Многіе поспѣшили взять изъ него дѣтей своихъ. Лермонтовъ, бывшій уже въ старшемъ отдѣленіи высшаго класса, тоже послалъ прошеніе объ увольненіи и получилъ его 16-го апрѣля 1830 года. Рѣчь зашла о томъ, гдѣ ему продолжать воспитаніе. Думая везти его заграницу, бабушка мечтала о Франціи, а отецъ о Германіи.

Чѣмъ болѣе приближался роковой для бабушки срокъ, тѣмъ болѣе обострялось взаимное нерасположеніе тещи и зятя. Въ Юріи Петровичѣ прорывалась накопившаяся годами злоба и желаніе вознаградить себя за долгую разлуку съ сыномъ; бабушка вся преисполнилась трепета за потерю самаго дорогого въ жизни. Борьба эта всецѣло обрушилась на 16-ти лѣтняго мальчика, находившагося какъ разъ въ такомъ переходномъ возрастѣ отъ отрочества къ юношеству, когда нервы бываютъ особенно чувствительны и раз-

дражительны, и ему пришлось выдержать страшную нравственную пытку, когда два любимыя имъ существа начали положительно разрывать его на части, такъ какъ каждый старался перетянуть его на свою сторону.

Лермонтова еще болѣе потянуло къ отцу, и онъ совершенно охладѣлъ въ это время къ бабушкѣ до такой степени, что въ трагедіи «Люди и страсти», изобразивъ всю эту пережитую имъ драму, онъ, обрисовывалъ свою бабушку самыми мрачными красками, а отца напротивъ того въ идеальномъ свѣтѣ. Отъ бабушки не могло скрыться это охлажденіе и, ревнуя внука своего къ отцу, глубоко огорченная, она жаловалась своей повѣренной: «все тамъ сидитъ, сюда и не заглянетъ! Экой какой онъ сдѣлался!.. Бывало прежде ко мнѣ онъ былъ очень привязанъ, не отходилъ отъ меня, какъ малъ былъ. И напрасно я его удаляла отъ отца,—таки умѣли его увѣрить, что я отняла у отца материнское имѣніе, какъ будто не ему же это имѣніе достанется... Кто станетъ покоить мою старость? И я ли жалѣла что-нибудь для его воспитанія! Носила сама Богъ знаетъ что, готова была отъ чая отказаться, а по четыре тысячи платила въ годъ учителю... И все пошло не въ прокъ... Ужъ, кажется, не всякимъ ли манеромъ старалась сберечься отъ нынѣшней бѣды... Ахъ, кабы дочь моя была жива, не то бы на міру дѣлалось»...

Наконецъ, вопросъ для Лермонтова, по словамъ біографа г. Висковатова, былъ поставленъ ребромъ. Бабушка и отецъ поссорились окончательно. Сынъ хотѣлъ было уѣхать съ отцомъ, но тутъ-то и началась самая тонкая интрига приближенныхъ съ одной стороны бабушки, съ другой—отца. Бабушка упрекала внука въ неблагодарности, угрожала лишить наслѣдства, описывала отца самыми черными красками и, наконецъ, сама подъ бременемъ горя сломилась. Ея слезы и скорбь сдѣлали то, что не могли сдѣлать упреки и угрозы,—вызвали глубокую жалость въ чувствительномъ сердцѣ юноши. Его стала терзать мысль, что, покидая старуху, онъ отнимаетъ у нея опору послѣднихъ дней; платитъ ей черною неблагодарностью за всю ея любовь, жертвы и попеченія, приблизивъ ее въ нѣсколько дней къ могилѣ. Свои сомнѣнія онъ высказываетъ отцу. Отецъ же, ослѣпленный негодованіемъ на тещу за ея высокомѣрное пренебреженіе и всѣ нанесенныя ему оскорбленія, сѣтуетъ въ свою очередь на сына, что тотъ его хочетъ покинуть и остаться у бабушки. Неизвѣстно, что произошло между всѣми лицами этой драмы, но въ концѣ концовъ побѣдительницею осталась опять ба-

бушка. Юрій Петровичъ уѣхалъ одинъ и вскорѣ умеръ въ разлукѣ съ сыномъ. Г. Висковатовъ слышалъ, будто смерть Юрія Петровича произошла въ Москвѣ и сынъ былъ на его похоронахъ, и высказываетъ при этомъ предположеніе, что очень можетъ быть, что стихотвореніе—«Эпитафія», находящееся въ черновой тетради 1830 г. относится къ отцу поэта. Г. Висковатовъ предполагаетъ также что разыгравшаяся въ семьѣ катастрофа чуть не довела Лермонтова до самоубійства, на томъ основаніи, что мысль о самоубійствѣ часто встрѣчается въ лирическихъ стихотвореніяхъ этого времени, въ записанныхъ сюжетахъ для драмъ, и обѣ драмы его «Люди и страсти» и «Странный человѣкъ» кончаются самоубійствомъ героя.

Когда прошло нѣкоторое время и острая боль улеглась, привязанность къ бабушкѣ снова воскресла. По всей вѣроятности и бабушка съ своей стороны употребляла всѣ усилія, чтобы снова привлечь къ себѣ сердце внука, а къ отцу охладить. По крайней мѣрѣ въ драмѣ «Странный человѣкъ» бабушка совсѣмъ уже не является, а отецъ выставленъ далеко уже не столь симпатично. Безъ сомнѣнія, поэту стало извѣстно отношеніе отца къ матери, не даромъ она выставлена доброю, любящею, загнанною.

Тѣмъ не менѣе вся эта пережитая Лермонтовымъ драма оставила глубокій слѣдъ въ его характерѣ. Онъ ушелъ въ себя, сосредоточился; въ немъ явилось обыкновеніе скрывать отъ людей все, что ему было особенно близко и свято, выставляя себя безпечнымъ весельчакомъ, шутникомъ и шалуномъ даже въ такія минуты, когда на душѣ его были самыя серьезныя или мрачныя мысли.

Къ бабушкѣ онъ сохранилъ до могилы сыновнее почтеніе и вниманіе. На слово его старушка всегда могла положиться. Такъ, г. Висковатовъ слышалъ отъ одного лица, близко знавшаго Лермонтова, что когда открылась первая на Руси желѣзная дорога въ Царское Село, старушка, боявшаяся этого нововведенія, какъ-то разъ вырвала у внука, бывшаго уже давно гусарскимъ офицеромъ, обѣщаніе не ѣздить по ней. Лермонтовъ свято хранилъ данное слово, и ѣздилъ въ Царское Село, гдѣ стоялъ его полкъ, на тройкахъ. Другой близкій родственникъ Лермонтова разсказывалъ г. Висковатову что бабушка такъ дрожала надъ внукомъ, что всегда, когда онъ выходилъ изъ дому, крестила его и читала надъ нимъ молитву. Онъ уже офицеромъ бывало спѣшитъ на ученье или парадъ, по службѣ, торопится, но бабушка задерживаетъ его и произноситъ обычное благословеніе, и такъ бывало по нѣскольку разъ въ день.

Тѣмъ не менѣе замѣчательно, что въ то время, какъ отцу Лер-

монтовъ посвятилъ нѣсколько стихотвореній, въ тетрадяхъ его вы не найдете ничего, что имѣло бы отношеніе къ бабушкѣ. Никогда не высказывалась горячая симпатія къ ней, словомъ, что-либо подобное тому, что чувствовалъ онъ къ отцу.

ГЛАВА IV.

Сердечныя увлеченія Лермонтова и ухаживаніе за кузинами въ отроческомъ возрастѣ.

Въ продолженіи ученія Лермонтова въ пансіонѣ, бабушка жила зимой на Молчановкѣ, а лѣто проводила въ подмосковномъ имѣніи брата своего Дм. Ан. Столыпина, селѣ Средниковѣ, въ 20-ти верстахъ отъ Москвы, по дорогѣ въ Ильинское, въ прекрасной мѣстности. По воскресеньямъ и праздникамъ, въ бытность бабушки, собиралось здѣсь обыкновенно большое и веселое общество, по большей части все близкіе и дальніе родные, и нѣкоторые сосѣди. Переживая ту тяжелую драму, съ которой мы познакомились въ предыдущей главѣ, Лермонтовъ въ то же время зачитывался своими любимыми поэтами, особенно Байрономъ, и подолгу бесѣдовалъ съ семинаристомъ Орловымъ, дававшимъ уроки словесности сыну владѣтельницы Средникова. Орловъ поправлялъ поэту ошибки, объяснялъ ему правила версификаціи, въ которой тотъ былъ слабъ, и знакомилъ его съ народными пѣснями.

Находилъ вмѣстѣ съ тѣмъ Лермонтовъ время и для волненій страсти нѣжной. Такъ, послѣ первой привязанности къ неизвѣстной дѣвочкѣ на Кавказѣ, второю любовью онъ загорѣлся двѣнадцати лѣтъ въ Ефремовской деревнѣ, въ 1827 г. Въ тетради 30-го года онъ вспоминаетъ объ этомъ увлеченіи слѣдующее: «Мнѣ 15 лѣтъ... я однажды (3 года назадъ) укралъ у одной дѣвушки, которой было 17 лѣтъ и потому безпредѣльно любимой мною, бисерный синій снурокъ; онъ и теперь у меня хранится. Кто хочетъ узнать имя дѣвушки, пускай спроситъ у двоюродной сестры моей.—Какъ я былъ глупъ!»

Третьей страстью, относящейся къ 16-лѣтнему возрасту, поэтъ загорѣлся къ своей сосѣдкѣ, Катѣ Сушковой. Катя Сушкова и подруга ея Сашенька Верещагина жили близъ Средникова, видались иногда по нѣскольку разъ въ день, и Лермонтовъ, спутникъ ихъ еще въ Москвѣ, бывалъ кавалеромъ ихъ на разныхъ пикни-

кахъ, катаньяхъ и кавалькадахъ. Ровесницы поэта, дѣвушки чувствовали, какъ всегда бываетъ въ этихъ случеяхъ, свое превосходство надъ нимъ, считая себя взрослыми невѣстами, а его мальчикомъ, пользовались его услугами и въ то же время потѣшались надъ нимъ и дразнили его. Онъ обижался, дулся, убѣгалъ отъ нихъ, уединялся; но одно ласковое слово шаловливыхъ пріятельницъ вновь привлекало его къ нимъ до новой ссоры.

Онъ былъ въ это время невысокаго роста, довольно плечистъ, съ неустановившимися еще чертами матоваго цвѣта, скорѣе смуглаго лица. Темные волосы, съ свѣтлымъ бѣлокурымъ клочкомъ чуть повыше лба, окаймляли высокій, хорошо развитый лобъ. Прекрасные, большіе, умные глаза легко мѣняли выраженіе и не теряли ничего отъ появлявшейся порою золотушной красноты. Слегка вздернутый носъ и большею частью насмѣшливая улыбка, тщательно старавшаяся скрыть мелькавшее изъ подъ нее выраженіе мягкости и страданія—вотъ какимъ, по словамъ г. Висковатова, рисуютъ Лермонтова знавшіе его въ эти годы. А вотъ какъ разсказываетъ Екат. Алекс. Хвостова въ своихъ «Запискахъ» о первомъ знакомствѣ съ Лермонтовымъ:

«У Сашеньки встрѣчала я въ это время ея двоюроднаго брата, неуклюжаго, косолапаго мальчика лѣтъ шестнадцати или семнадцати, съ красными, но умными, выразительными глазами, со вздернутымъ носомъ и язвительно-насмѣшливой улыбкой. Онъ учился въ университетскомъ пансіонѣ, но учебныя его занятія не мѣшали ему быть почти каждый вечеръ нашимъ кавалеромъ на гуляньѣ и на вечерахъ; всѣ его называли просто Мишель, и я также, какъ и всѣ, не заботясь ни мало о его фамиліи. Я прозвала его своимъ чиновникомъ по особымъ порученіямъ и отдавала ему на сбереженіе мою шляпу, мой зонтикъ, мои перчатки, но перчатки онъ часто затеривалъ, и я грозила отрѣшить его отъ ввѣренной ему должности.

«Сашенька и я, мы обращались съ Лермонтовымъ, какъ съ мальчикомъ, хотя и отдавали полную справедливость его уму. Такое обращеніе бѣсило его до крайности; онъ домогался попасть въ юноши въ нашихъ глазахъ, декламировалъ намъ Пушкина, Ламартина и былъ неразлученъ съ огромнымъ Байрономъ. Бродитъ, бывало, по тѣнистымъ аллеямъ и притворяется углубленнымъ въ размышленія, хотя ни малѣйшее наше движеніе не ускользало отъ его зоркаго взгляда. Какъ любилъ онъ подъ вечерокъ пускаться съ нами въ самыя сантиментальныя сужденія! а мы, чтобы подразнить его, въ отвѣтъ подадимъ ему воланъ или веревочку, увѣряя, что по его лѣтамъ ему свойственнѣе прыгать и скакать, чѣмъ прикидываться непонятымъ и неоцѣненнымъ снимкомъ съ первѣйшихъ поэтовъ.

«Еще очень посмѣивались мы надъ нимъ въ томъ, что онъ не только былъ неразборчивъ въ пищѣ, но никогда не зналъ, что ѣлъ телятину или свинину, дичь или барашка; мы говорили, что пожа-

луй онъ современемъ. какъ Сатурнъ, будетъ глотать булыжникъ. Наши насмѣшки выводили его изъ терпѣнія, онъ спорилъ съ нами почти до слезъ, стараясь убѣдить насъ въ утонченности своего гастрономическаго вкуса; мы побились объ закладъ что уличимъ его въ противномъ на дѣлѣ. И въ тотъ же самый день, послѣ долгой прогулки верхомъ, велѣли мы напечь къ чаю булочекъ съ опилками! И что-же? Мы вернулись домой утомленные, разгоряченные, голодные, съ жадностью принялись за чай, и нашъ то гастрономъ Мишель, не поморщась проглотилъ одну булочку, принялся за другую и уже придвинулъ къ себѣ третью, но Сашенька и я, мы остановили его за руку, показывая въ тоже время на неудобоваримую для желудка начинку. Тутъ не на шутку взбѣсился онъ, убѣжалъ отъ насъ, и не только не говорилъ съ нами ни слова, но даже не показывался нѣсколько дней, притворившись больнымъ.

Но подобныя минуты размолвки не мѣшали Лермонтову проводить время въ деревнѣ очень весело среди своихъ многочисленныхъ кузинъ.

«Всякій вечеръ,—говоритъ К. А. Хвостова въ своихъ «Запискахъ».—послѣ чтенія затѣвались игры, но нешумныя, чтобы не обезпокоить бабушки. Тутъ-то отличался Лермонтовъ. Одинъ разъ онъ предложилъ намъ сказать правду всякому изъ присутствующихъ въ стихахъ или въ прозѣ, что-нибудь такое, что бы приходилось кстати. У Лермонтова былъ всегда злой умъ и рѣзкій языкъ, и мы, хотя съ трепетомъ, но согласились выслушать его приговоры. Онъ началъ съ Сашеньки.

«Что можно наскоро стихами молвить ей?
Мнѣ истина всего дороже;
Подумать не успѣвъ: ты всѣхъ милѣй!
Подумавъ, я скажу все то-же».

«Мы всѣ одобрили à propos и были одного мнѣнія съ Мишелемъ. Потомъ дошла очередь до меня. У меня чудные волосы, и я до сихъ поръ люблю ихъ выказывать; тогда ихъ носили просто заплетенные въ одну огромную косу, которая два раза обвивала голову.

«Вокругъ покойнаго чела
Ты косу дважды обвила;
Твои плѣнительныя очи
Яснѣе дня, чернѣе ночи».

Мишель, почтительно поклонясь Дашенькѣ, сказалъ.

«Ужъ ты чего не говори,
Моя почтенная Dariе.
Къ твоей постели одинокой
Черкесъ младой и черноокой
Не крался въ тишинѣ ночной».

Къ обыкновенному нашему обществу присоединился въ этотъ вечеръ необыкновенный родственникъ Лермонтова. Его звали Иваномъ Яковлевичемъ; онъ былъ и глупъ, и рыжъ, и на свою же голову обидѣлся тѣмъ, что Лермонтовъ ничего ему не сказалъ. Не ходя въ карманъ за острымъ словцомъ, Мишель скороговоркой проговорилъ ему: «Vous êtes Jean, vous êtes Jacques, vous êtes roux, vous êtes sot, et cependant vous n'êtes point Jean Jacques Rousseau».

«Еще была тутъ одна барышня, сосѣдка Лермонтова по Чембарской деревнѣ, и упрашивала его не терять словъ для нея и для воспоминанія написать ей хоть строчку правды для ея альбома. Онъ ненавидѣлъ попрошаекъ и, чтобы отдѣлаться отъ ея настойчивости, сказалъ: «ну, хорошо, дайте листъ бумаги, я вамъ выскажу правду». Сосѣдка поспѣшно принесла бумагу и перо; онъ началъ:

«Три граціи»...

«Барышня смотрѣла черезъ плечо на рождающіяся слова и воскликнула: «Михаилъ Юрьевичъ, безъ комплиментовъ, я правды хочу».

— Не тревожьтесь, будетъ правда, отвѣчалъ онъ, и продолжалъ

«Три граціи считались въ древнемъ мірѣ,
Родились вы... все три, а не четыре!»

«За такую сцену можно было-бы платить деньги; злое торжество Мишеля, душившій насъ смѣхъ, слезы воспѣтой и утѣшенія Jean Jacques, все представляло комическую картину»...

Такими же шутками, экспромптами эпиграммами, и нѣжными посланіями къ предмету страсти сопровождалось веселое путешествіе цѣлымъ обществомъ въ Воскресенскій монастырь и Сергіевскую лавру въ концѣ лѣта (таково стихотвореніе «Черноокой»). Во время этой же поѣздки было написано Лермонтовымъ стихотвореніе «У вратъ обители святой», внушенное ему нищимъ, который, когда ему спутники поэта подали милостыню, замѣтилъ: «Подай вамъ Богъ счастья, господа добрые! Намедни вотъ насмѣялись надо мною тоже господа молодые,—замѣсто денегъ положили камешковъ».

Всѣ эти ухаживанія за кузинами и старанія казаться совершенно взрослымъ и къ тому же разочарованнымъ не мѣшали Лермонтову во многихъ отношеніяхъ быть еще ребенкомъ: такъ, онъ забавлялся тѣмъ, что клеилъ съ сыномъ Столыпиной, Аркадіемъ, изъ папки латы и, вооружась самодѣльными мечами и копьями, ходилъ съ нимъ въ глухія мѣста воевать съ воображаемыми духами. Особенно привлекали ихъ воображеніе развалины старой бани, кладбище и такъ называемый «Чортовъ мостъ». Товарищемъ ночныхъ посѣщеній кладбищъ и прочихъ страшныхъ мѣстъ бывалъ нѣкто Лаптевъ, изъ семьи, жившей по близости въ своемъ имѣніи.

ГЛАВА V.

Пребываніе Лермонтова въ Московскомъ университетѣ.

Мы уже видѣли въ третьей главѣ, что по выходѣ Лермонтова изъ благороднаго пансіона, 16 апрѣля 1830 года, былъ поднятъ вопросъ о продолженіи его воспитанія заграницей, но, къ сожалѣнію, почему-то этотъ вопросъ былъ отклоненъ, а рѣшено было приготовить юношу ко вступительному экзамену въ Московскій университетъ, что и было исполнено, и 21 августа 1830 года Лермонтовъ подалъ прошеніе о принятіи его въ число своекоштныхъ студентовъ въ нравственно-политическое отдѣленіе; а 1-го сентября, послѣ вступительнаго экзамена, онъ былъ принятъ, причемъ въ скоромъ времени перемѣнилъ нравственно-политическій факультетъ на словесный, какъ болѣе соотвѣтствующій его вкусамъ и наклонностямъ. Несмотря на семнадцать лѣтъ поэта, въ это время характеръ его представляется уже вполнѣ сформированнымъ и обнаруживаетъ всѣ хорошія и дурныя стороны. Такъ, уже въ это время мы видимъ въ Лермонтовѣ ту печальную раздвоенность, которая, составляя удѣлъ всѣхъ людей его поколѣнія, наиболѣе обострялась въ немъ какъ вслѣдствіе особенности воспитанія, обстоятельствъ, такъ и самой натуры. Съ одной стороны это былъ юноша, обладавшій добрымъ, нѣжнымъ, любвеобильнымъ сердцемъ, крайне впечатлительнымъ и отзывчивымъ на всякую привязанность и ласку, жаждавшимъ любви и дружбы, вмѣстѣ съ порывистою пылкостью соединявшимъ въ себѣ сантиментальную мечтательность. Славянская мягкость натуры Лермонтова достаточно выяснилась передъ нами въ его нерѣшительной роли между отцомъ и бабушкою, когда ему и папеньку было до слезъ жалко, и бабушку покинуть совѣстно и больно.

Не по лѣтамъ умственно-развитый, горячій поклонникъ Байрона, Шиллера и Руссо, Лермонтовъ преисполненъ былъ уже въ это время необузданныхъ романтическихъ порывовъ къ безграничной свободѣ, вслѣдствіе чего не только всѣ общественныя условія и порядки, но и сама образованность казалась ему нестерпимыми рабскими цѣпями, и въ первомъ варіантѣ стихотворенія «Отворите мнѣ темницу» онъ возглашалъ:

Я пущусь по дикой степи,
И надменно сброшу я
Образованности цѣпи
И вериги бытія.

Врагъ всякаго стѣсненія и рабства, Лермонтовъ конечно ужъ былъ ожесточеннымъ врагомъ крѣпостного права. Онъ уже въ дѣтствѣ, по словамъ г. Висковатова, напускался на бабушку, когда она бранила крѣпостныхъ, выходилъ изъ себя, когда кого-нибудь вели наказывать, и бросался на отдавшихъ приказаніе съ палкой, съ ножомъ,—что подъ руку попадало. На скамьѣ университета это инстинктивное чувство созрѣло въ сознательный протестъ противъ крѣпостничества, который онъ не замедлилъ выразить въ своей драмѣ «Странный человѣкъ», написанной имъ въ 1831 году, на второй годъ пребыванія въ университетѣ.

Въ то же время не замедлили увлечь его европейскія событія 1830 года, о чемъ мы можемъ судить по встрѣчающимся въ его записныхъ тетрадяхъ этого времени стихотвореніямъ: «Ты могъ быть лучшимъ королемъ», «Опять вы, гордые, возстали», «Привѣтъ Новгороду» и мрачное «Предсказаніе», начинающееся стихами «Настанетъ годъ, Россіи черный годъ»... Подъ тѣми же впечатлѣніями Лермонтовъ въ томъ же году задумалъ написать повѣсть («Повѣсть безъ названія»), оставшуюся неоконченною, въ которой описывается начало кровавыхъ неурядицъ въ Россіи, гдѣ между прочимъ казакъ поетъ пѣсню, еще раньше встрѣчавшуюся въ тетрадяхъ поэта подъ заглавіемъ «Воля»...

Но такимъ Лермонтовъ былъ только въ самомъ себѣ, въ затаенныхъ думахъ, которыя онъ выражалъ порою въ своихъ записныхъ тетрадяхъ, да въ тѣсномъ, интимномъ кружкѣ нѣсколькихъ друзей и пріятелей. Для всѣхъ же постороннихъ это былъ совсѣмъ другой человѣкъ, сосредоточенный въ себѣ, несообщительный, холодный; высокомѣрно-презрительное отношеніе его къ людямъ смѣнялось лишь язвительно-насмѣшливымъ, и разъ овладѣвалъ имъ бѣсъ иронiи и саркастическаго смѣха, онъ былъ безпощаденъ въ своихъ убійственныхъ колкостяхъ и насмѣшкахъ.

Сознаніе геніальности рано пробудилось уже въ немъ, когда онъ и не думалъ еще выступать въ свѣтъ, и уже тогда онъ сравнивалъ (въ стих. «Нѣтъ, я не Байронъ») душу свою съ «огромнымъ океаномъ». Но заносчивое самолюбіе его не могло удовлетвориться этимъ гордымъ сознаніемъ, а влекло его къ стремленію блистать и первенствовать въ свѣтскомъ обществѣ, высоко стоя надъ головами всѣхъ ничтожныхъ въ его глазахъ смертныхъ. Это суетное тщеславіе зависѣло не отъ одного сознанія Лермонтовымъ своихъ колоссальныхъ умственныхъ силъ, а было привито ему тою кастовою замкнутостью и чванствомъ, въ духѣ которыхъ онъ былъ воспитанъ въ домѣ своей бабушки

Какъ бы то ни было, а эта мрачная сторона характера Лермонтова принесла ему величайшій вредъ въ томъ отношеніи, что отвлекла его отъ всѣхъ лучшихъ элементовъ, какіе были въ то время въ средѣ студентовъ Московскаго университета; не сблизился онъ ни съ кружкомъ Бѣлинскаго, голосъ котораго гремѣлъ тогда въ 11-й камерѣ казенныхъ студентовъ, ни съ философствующимъ кружкомъ Станкевича, ни съ фрондировавшимъ кружкомъ Герцена, а примкнулъ къ группѣ студентовъ изъ такъ называемыхъ аристократическихъ домовъ, державшихся въ сторонѣ отъ всей прочей студенческой братіи и отпугивавшихъ отъ себя ее своимъ фатовствомъ и напускнымъ высокомѣріемъ. Ближайшими друзьями Лермонтова были товарищи по университетскому пансіону или молодежь изъ общества бабушки и многочисленныхъ родственниковъ. Время, проводимое въ этомъ обществѣ, состояло изъ свѣтскихъ удовольствій, вечеровъ, баловъ и кутежей золотой молодежи. Каково же было въ то же время отношеніе Лермонтова къ студентамъ плебеямъ, не принадлежавшимъ къ избранному кругу, —объ этомъ мы можемъ судить по слѣдующимъ воспоминаніямъ о немъ одного изъ студентовъ того времени—Вистенгофа:

«Мы стали замѣчать, что въ средѣ нашей аудиторіи, между всѣми нами, одинъ только человѣкъ какъ-то рельефно отличался отъ другихъ; онъ заставилъ насъ обратить на себя особенное вниманіе. Этотъ человѣкъ, казалось, самъ никѣмъ не интересовался, избѣгалъ всякаго сближенія съ товарищами, ни съ кѣмъ не говорилъ, держалъ себя совершенно замкнуто и въ сторонѣ отъ насъ, даже и садился онъ постоянно на одномъ мѣстѣ, всегда отдѣльно, въ углу аудиторіи, у окна; по обыкновенію, подпершись локтемъ, онъ читалъ съ напряженнымъ, сосредоточеннымъ вниманіемъ, не слушая преподаванія профессора. Даже шумъ, происходившій при перемѣнѣ часовъ, не производилъ на него никакого впечатлѣнія. Онъ былъ небольшого роста, некрасиво сложенъ, смуглъ лицомъ, имѣлъ темные приглаженные на головѣ и вискахъ волосы и пронзительные темно-каріе (скорѣе сѣрые) большіе глаза. презрительно глядѣвшіе на все окружающее. Вся фигура этого человѣка возбуждала интересъ и вниманіе, привлекала и отталкивала. Мы знали только, что фамилія его—Лермонтовъ. Прошло около двухъ мѣсяцевъ, а онъ неизмѣнно оставался съ нами въ тѣхъ же неприступныхъ отношеніяхъ. Студенты не выдержали. Такое обособленное, исключительное положеніе одного изъ среды нашей возбуждало толки. Однихъ подстрекало любопытство, или даже сердило, нѣкоторыхъ обижало. Каждому хотѣлось ближе узнать этого человѣка, снять маску, скрывавшую затаенныя его мысли, и заставить высказаться.

«Однажды студенты, близко ко мнѣ стоявшіе, считая меня за болѣе смѣлаго, обратились ко мнѣ съ предложеніемъ отыскать какой-

нибудь предлогъ для начатія разговора съ Лермонтовымъ и тѣмъ вызвать его на какое-нибудь сообщеніе. «Вы подойдите, Вистенгофъ, къ Лермонтову и спросите его, какую это онъ читаетъ книгу съ такимъ постояннымъ напряженнымъ вниманіемъ. Это предлогъ для разговора самый основательный»,—сказалъ мнѣ студентъ Красовъ, кивая головой въ тотъ уголъ, гдѣ сидѣлъ Лермонтовъ. Умные и серьезные студенты, Ефремовъ и Станкевичъ, одобрили совѣтъ этотъ. Не долго думая, я отправился. «Позвольте спросить васъ, Лермонтовъ, какую это книгу вы читаете? Безъ сомнѣнія, очень интересную, судя по тому, какъ углубились вы въ нее. Нельзя-ли ею подѣлиться и съ нами?»—обратился я къ нему, не безъ нѣкотораго волненія, подойдя къ его одинокой скамейкѣ. Мелькомъ взглянувъ въ книгу, я успѣлъ только распознать, что она была англійская. Онъ мгновенно оторвался отъ чтенія. Какъ ударъ молніи сверкнули его глаза; трудно было выдержать этотъ насквозь пронизывающій, непривѣтливый взглядъ. «Для чего это вамъ хочется знать? Будетъ безполезно, если удовлетворю вашему любопытству. Содержаніе этой книги васъ нисколько не можетъ интересовать, потому что вы не поймете тутъ ничего, если я даже и сообщу вамъ содержаніе ея»—отвѣтилъ онъ мнѣ рѣзко, принявъ прежнюю свою позу и продолжая опять читать. Какъ-бы ужаленный, бросился я отъ него».

Такое высокомѣрное отчужденіе сохранялъ Лермонтовъ въ продолженіе всего времени, пока находился въ университетѣ.

«Видимо было,—продолжаетъ воспоминать о немъ Вистенгофъ,—что Лермонтовъ имѣлъ грубый, дерзкій, заносчивый характеръ, смотрѣлъ съ пренебреженіемъ на окружающихъ его, считалъ ихъ всѣхъ ниже себя. Хотя и всѣ отъ него отшатнулись, а между прочимъ—странное дѣло—какое-то непонятное, таинственное настроеніе влекло къ нему и невольно заставляло вести себя сдержанно въ отношеніи къ нему, въ то же время и завидуя стойкости его угрюмаго нрава. Иногда въ аудиторіи нашей, въ свободные отъ лекцій часы, студенты громко вели между собой оживленныя бесѣды о современныхъ животрепещущихъ вопросахъ. Нѣкоторые увлекались, возвышая голосъ; Лермонтовъ бывало оторвется отъ своего чтенія и только взглянетъ на ораторствующихъ,—но какъ взглянетъ!.. Говорящій невольно, будто струсивъ, или умалитъ свой экстазъ, или совсѣмъ замолчитъ. Доза яда во взглядѣ Лермонтова была поразительна. Сколько презрѣнія, насмѣшки и вмѣстѣ съ тѣмъ сожалѣнія изображалось тогда на его строгомъ лицѣ.

«Внѣ стѣнъ университета Лермонтовъ точно также чуждался насъ. Онъ посѣщалъ великолѣпные балы тогдашняго московскаго благороднаго собранія, являлся на нихъ изысканно одѣтымъ, въ обществѣ прекрасныхъ свѣтскихъ барышень, къ коимъ относился такъ же фамильярно, какъ къ почтеннымъ вліятельнымъ лицамъ, во фракахъ со звѣздами или ключами назади, прохаживавшимися съ нимъ по заламъ. При встрѣчѣ съ нами онъ дѣлалъ видъ, будто не знаетъ насъ; не похоже было, что мы съ нимъ были въ одномъ универси-

тетѣ, факультетѣ и на одномъ и томъ же курсѣ. Наконецъ, мы совершенно отвернулись отъ Лермонтова и перестали имъ заниматься».

Но замѣчательно при этомъ, что при всемъ отчужденіи Лермонтова отъ товарищей, каждый разъ, какъ только затѣвалась какая-нибудь общая исторія или скандалъ, онъ приставалъ къ массѣ, какая-бы опасность не угрожала ему. Такъ, онъ принялъ участіе въ извѣстной Маловской исторіи. Профессоръ Маловъ, читавшій исторію римскаго законодательства или теорію уголовнаго права, вывелъ студентовъ изъ терпѣнія своею грубостью и придирчивостью, и они рѣшились сдѣлать ему скандалъ; собрались съ этою цѣлью въ его аудиторію цѣлою массою изъ всѣхъ факультетовъ и, когда онъ началъ читать, вскочили на лавки, раздались свистки, шиканье, крики; «вонъ его, вонъ!..» Затѣмъ студенты провожали его по корридору, по лѣстницѣ, по университетскому двору и вышли даже за нимъ на улицу. Дѣло такимъ образомъ получило серьезный характеръ. Можно было ожидать строгихъ каръ, вродѣ отдачи въ солдаты или отдаленныхъ ссылокъ, и особенно грозила опасность тѣмъ изъ участниковъ, которые принадлежали къ другимъ факультетамъ. Въ этомъ числѣ былъ и Лермонтовъ. Чувствуя надъ собою грозу, онъ, сидя поздно вечеромъ у своего товарища Поливанова, написалъ ему слѣдующіе стихи:

Послушай, вспомни обо мнѣ,
Когда, закономъ осужденный,
Въ чужой я буду сторонѣ—
Изгнанникъ мрачный и презрѣнный.
И будешь ты когда-нибудь
Одинъ, въ безсонный часъ полночи,
Сидѣть съ свѣчой и... тайно грудь
Вздохнетъ и вдругъ заплачутъ очи,
И молвишь ты: когда-то онъ
Здѣсь, въ это самое мгновенье,
Сидѣлъ тоскою удрученъ,
И ждалъ судьбы своей рѣшенье.

Но гроза миновала. Университетское начальство, боясь, чтобы не было назначено особой слѣдственной комиссіи и дѣлу не придали-бы преувеличенное значеніе, отъ чего могли возникнуть непріятности и для него, поспѣшило само подвергнуть наказанію нѣкоторыхъ изъ студентовъ и по возможности уменьшить вину ихъ. Самъ Маловъ былъ сдѣланъ отвѣтственнымъ за безпорядокъ и въ тотъ же годъ получилъ увольненіе. Изъ студентовъ лишь нѣкоторые (напр. Герценъ) были приговорены къ заключенію въ карцеръ, Лермонтова же

ректоръ Двигубскій, избѣгавшій затрогивать студентовъ съ вліятельной родней, не подвергнулъ взысканію. Онъ былъ лишь оставленъ на замѣчаніи.

Но Лермонтовъ не замедлилъ подтвердить составленное о немъ дурное мнѣніе. Тотъ высокомѣрно-презрительный тонъ, съ которымъ относился къ товарищамъ, онъ не замедлилъ перенести и на профессоровъ, чему впрочемъ давало поводъ низкое состояніе уровня преподаванія въ Московскомъ университетѣ того времени. Надо замѣтить при этомъ, что первый годъ пребыванія Лермонтова въ университетѣ прошелъ даромъ, такъ какъ по случаю холеры университетъ былъ закрытъ и экзаменовъ въ немъ не было. Но на второй годъ уже на рождественскихъ репетиціяхъ началось у Лермонтова столкновеніе съ профессорами.

«Передъ рождественскими праздниками—разсказываетъ Вистенгофъ,—профессора дѣлали репетиціи, т. е. повѣряли знанія своихъ слушателей за пройденное полугодіе; и, согласно отвѣтамъ, ставили баллы, которые брались въ соображеніе на публичныхъ переходныхъ экзаменахъ. Профессоръ Побѣдоносцевъ, читавшій изящную словесность, задалъ какой-то вопросъ Лермонтову; на этотъ вопросъ Лермонтовъ началъ отвѣчать бойко и съ увѣренностью. Профессоръ сначала слушалъ его, а потомъ остановилъ и сказалъ:

— Я вамъ этого не читалъ. Я-бы желалъ, чтобы вы мнѣ отвѣчали именно то, что я проходилъ. Откуда могли вы почерпнуть эти знанія?

— Это правда, господинъ профессоръ,—отвѣтилъ Лермонтовъ,—вы намъ этого, что я сейчасъ говорилъ, не читали, и не могли читать, потому что это слишкомъ ново и до васъ еще не дошло. Я пользуюсь научными пособіями изъ своей собственной библіотеки, содержащей все вновь выходящее на иностранныхъ языкахъ.

Мы переглянулись. Отвѣтъ въ этомъ родѣ былъ данъ уже и прежде профессору Гостену, читавшему геральдику и нумизматику».

Дерзкими выходками этими профессора обидѣлись о припомнили это Лермонтову на публичномъ экзаменѣ. Вистенгофъ замѣчаетъ при этомъ, что эти столкновенія съ профессорами открыли товарищамъ глаза относительно Лермонтова. «Теперь человѣкъ этотъ намъ вполнѣ открылся. Мы поняли его, то-есть уразумѣли, какъ полагаетъ Вистенгофъ, заносчивый и презрительный нравъ Лермонтова».

При такихъ условіяхъ Лермонтовъ не могъ сдать благополучно экзамена на второй курсъ, и было рѣшено, какъ имъ, такъ и его родными, чтобъ онъ вышелъ изъ Московскаго университета и поступилъ въ Петербургскій. 18 іюня 1832 года ему и было выдано увольнительное свидѣтельство, въ которомъ не было означено, на

которомъ курсѣ числился Лермонтовъ, а лишь глухо сказано, что онъ поступилъ въ число студентовъ 1 сентября 1830 г. и слушалъ лекціи по словесному отдѣленію.

Трудно судить о томъ, могъ-ли дать что-либо университетъ Лермонтову при незавидномъ своемъ состояніи въ то время и при отчужденіи поэта какъ отъ университетской науки и лекцій, такъ и отъ студенческихъ кружковъ. Тѣмъ не менѣе талантъ Лермонтова въ продолженіе двухъ лѣтъ пребыванія его въ университетѣ, можетъ быть, благодаря лишь личнымъ, самостоятельнымъ усиліямъ, успѣлъ сдѣлать большой шагъ въ своемъ развитіи и обнаружить такіе орлиные полеты, которые впослѣдствіи поставили Лермонтова на высоту первостепенныхъ русскихъ поэтовъ. Довольно сказать, что среди массы лирическихъ стихотвореній, относящихся къ этому времени, мы видимъ уже такіе перлы, какъ «Ангелъ» и «Парусъ», относящіеся къ лучшимъ его произведеніямъ. Кромѣ того этому же періоду принадлежатъ, кромѣ драмы «Странный человѣкъ»,—и такія крупныя его произведенія, какъ «Ангелъ смерти» и «Измаилъ-Бей», стоящія въ ряду лучшихъ его поэмъ.

Кромѣ всего этого, университетскій періодъ жизни Лермонтова ознаменовался новою страстью къ Варварѣ Лопухиной, опять кузинѣ и опять сверстницѣ (ей было 16 лѣтъ). По словамъ г. Висковатова, «эта была привязанность уже болѣе глубокая, всю жизнь сопровождавшая поэта, и хотя мы знаемъ о взаимныхъ отношеніяхъ ихъ мало, но образъ этой дѣвушки, а потомъ замужней женщины, является во множествѣ произведеній нашего поэта и раздваивается потомъ въ «Героѣ нашего времени», въ лицахъ княжны Мэри и особенно Вѣры». Варинькѣ Лопухиной посвящено большое число стихотвореній, ей посвященъ между прочимъ «Демонъ», ей писана молитва: «Я, Матерь Божія». Къ этой-же личности относится «Любовь мертвеца», «Сонъ», а къ ея дочкѣ—стихотвореніе «Къ ребенку».

Это была любовь тѣмъ болѣе идеальная, чистая, что поэтъ не могъ и помышлять о ея полномъ удовлетвореніи. Шестнадцатилѣтняя барышня была уже невѣстою, имѣя массу поклонниковъ, и родители заботились о ея замужествѣ. Студенту-кузену ея лѣтъ оставалось только тайно вздыхать о ней и ревновать ее къ каждому претенденту. Между ними не было даже никакихъ объясненій; молодые люди безъ словъ понимали другъ друга. Затѣмъ она вышла замужъ. Затая въ сердцѣ горечь и изливая ее порою лишь на мужа любимой женщины, Лермонтовъ въ то же время продолжалъ мо-

литься на свою кузину и, питая къ ней все ту же глубокую привязанность, посвящая ей стихи, избѣгалъ называть ея имя, и даже въ письмахъ едва касался его.

ГЛАВА VI.

Пребываніе Лермонтова въ школѣ гвардейскихъ юнкеровъ.

Получивъ увольнительное свидѣтельство изъ Московскаго университета, Лермонтовъ съ бабушкой, лѣтомъ 1832 года, отправились въ Петербургъ, гдѣ помѣстились въ квартирѣ на Мойкѣ близъ Синяго моста. Пріѣхали они съ цѣлью поступленія Лермонтова въ Петербургскій университетъ; но этому намѣренію не суждено было осуществиться. Петербургскій университетъ отказался зачесть Лермонтову годы пребыванія въ Московскомъ университетѣ; къ тому же какъ разъ въ это время заговорили объ увеличеніи университетскаго курса на четырехгодичный, вмѣсто прежняго трехгодичнаго. При такихъ условіяхъ Лермонтову предстояло поступить снова на первый курсъ и выйти изъ университета лишь въ 1836 году. Лермонтова испугала перспектива оставаться такъ долго на школьной скамьѣ. Ему хотѣлось сдѣлаться скорѣе независимымъ человѣкомъ, душа его рвалась на широкій просторъ жизни. Къ тому же неудачный опытъ пребыванія въ Московскомъ университетѣ не только не привлекъ юношу къ университетскому образованію, а наоборотъ оттолкнулъ и разочаровалъ его въ немъ. Въ то же время уже съ дѣтскихъ лѣтъ романтическая голова поэта была преисполнена воинственныхъ порывовъ; онъ постоянно жаждалъ сильныхъ ощущеній, борьбы съ опасностями, бредилъ боями и геройскими подвигами и питалъ страсть къ военнымъ людямъ и военному быту. Ко всему этому заразительно дѣйствовалъ на него примѣръ многихъ друзей и товарищей по университетскому пансіону и Московскому университету, которые какъ разъ въ это время перешли въ школу гвардейскихъ кавалерійскихъ юнкеровъ. Такъ, еще за годъ вступилъ въ нее любимѣйшій изъ товарищей Лермонтова по университетскому пансіону Михаилъ Шубинъ, Поливановъ изъ Московскаго университета, Алексѣй Столыпинъ, Николай Юрьевъ и сосѣдъ по пензенскому имѣнію Михаилъ Мартыновъ. Примѣру ихъ вознамѣрился послѣдовать и Лермонтовъ.

Это рѣшеніе внука такъ опечалило бабушку, что она даже захворала при мысли, что, поступивъ въ военную службу, внукъ ея рискуетъ подвергаться всѣмъ ужасамъ и опасностямъ войны. Въ то же время родные и знакомые въ Москвѣ всполошились, и между ними стала ходить сплетня, будто Лермонтовъ имѣлъ непріятности и въ Петербурскомъ университетѣ, и былъ исключенъ и оттуда. Это побудило лучшаго и неизмѣннаго друга Лермонтова, Сашеньку Верещагину, написать ему изъ Москвы, отъ 13 октября, встревоженное письмо: «Аннетъ Столыпина пишетъ П., что вы имѣли непріятность въ университетѣ и что тетка моя (т. е. бабушка) отъ этого захворала; ради Бога напишите мнѣ, что это значитъ? У насъ все дѣлаютъ изъ мухи слона,—ради Бога успокойте меня! Къ несчастію, я васъ знаю слишкомъ хорошо, чтобы быть спокойною. Я знаю, что вы способны рѣзаться съ первымъ встрѣчнымъ изъ-за перваго вздора. Фи, стыдъ какой!.. Съ такимъ дурнымъ характеромъ вы никогда не будете счастливы».

Лермонтовъ отвѣчалъ на это письмо: «Несправедливая и легковѣрная женщина! (Замѣтьте, что я въ полномъ правѣ такъ называть васъ, дорогая кузина!) Вы повѣрили словамъ и письму молодой дѣвушки, не подвергнувъ ихъ критикѣ. Annette говоритъ, что она никогда не писала, что я имѣлъ непріятность, но что мнѣ не зачли, какъ это было сдѣлано для другихъ, годы, проведенные мною въ Московскомъ университетѣ. Дѣло въ томъ, что вышла реформа для всѣхъ университетовъ, и я опасаюсь, чтобъ отъ нея не пострадалъ также и Алексисъ (Лопухинъ), ибо къ прежнимъ тремъ невыносимымъ годамъ прибавили еще одинъ».

И вотъ, несмотря на огорченіе бабушки и общее неудовольствіе всѣхъ родныхъ, смотрѣвшихъ на переходъ юноши въ военную службу, какъ на неоправданіе возлагавшихся на него блестящихъ ожиданій, въ концѣ октября или началѣ ноября Лермонтовъ выдержалъ пріемный экзаменъ въ юнкерской школѣ и приказомъ по школѣ отъ 14 ноября 1832 года былъ зачисленъ въ лейбъ-гвардіи гусарскій полкъ на правахъ вольноопредѣляющагося унтеръ-офицера.

Огорченіе бабушки, равно какъ и неудовольствіе всѣхъ родныхъ, имѣли глубокое основаніе, такъ какъ поступленіе Лермонтова въ школу юнкеровъ было роковымъ шагомъ, печально отразившимся на всей его послѣдующей жизни, шагомъ, въ которомъ и самъ поэтъ не замедлилъ разочароваться. Свободолюбивый, избалованный юноша, привыкшій, чтобы каждая прихоть его безпрекословно исполнялась, не знавшій удержа своимъ романтическимъ порывамъ, ко-

торому даже и университетскіе порядки казались цѣпями, попалъ вдругъ въ обстановку, сдавливавшую всякую индивидуальную свободу. Суровая военная дистиплина школы была тѣмъ чувствительнѣе, что, какъ разъ передъ поступленіемъ Лермонтова въ школу, начальство, съ цѣлью подтянуть воспитанниковъ, начало примѣнять ее съ особенною строгостью, придираясь ко всякимъ мелочамъ. Лермонтовъ сразу долженъ былъ почувствовать себя связаннымъ по рукамъ и ногамъ, и сверхъ того его гордой душѣ на каждомъ шагу пришлось терпѣть самыя унизительныя оскорбленія. Но отступать было поздно, да и самолюбіе поэта въ виду тѣхъ судовъ и пересудовъ, какіе подняли всѣ его родные по случаю его поступленія въ школу, не позволило-бы ему измѣнить своего рѣшенія. Оставалось сдавить на сколько возможно свою необузданную натуру и утѣшаться мыслію, что эта каторга продлится недолго, всего лишь два года.

И дѣйствительно, Лермонтовъ смирился, вполнѣ доказавъ этимъ что дѣйствительно онъ былъ не Байронъ, а съ «русскою душой»; смирился не только передъ военною дисциплиною, но и передъ всею средою, въ которой онъ очутился. Вмѣсто прежней толпы учащейся молодежи, жадной до всякихъ умныхъ и новыхъ книгъ, вѣчно волновавшейся и кипятившейся въ ожесточенныхъ спорахъ по поводу самыхъ животрепещущихъ философскихъ, литературныхъ и общественныхъ вопросовъ, онъ попалъ теперь въ среду, въ которой не существовало никакихъ умственныхъ интересовъ, книги были большою рѣдкостью, да къ тому же и чтеніе ихъ запрещалось; на первомъ же планѣ стояло молодечество и ухарство грубою физическою силою. Восхищались тѣми, кто быстро выказывалъ «закалъ», т. е. неустрашимость при товарищескихъ предпріятіяхъ, обманѣ начальства и выкидываніи разныхъ чисто школьническихъ «смѣлыхъ штукъ». И вотъ тотъ же самый Лермонтовъ, который съ презрительнымъ высокомѣріемъ смотрѣлъ на философствовавшихъ студентовъ и чуждался ихъ, теперь напротивъ того спѣшитъ заискать передъ своими новыми товарищами, идти съ ними рука въ руку, ни въ чемъ не отставать отъ нихъ, а быть впереди во всѣхъ ихъ лихихъ предпріятіяхъ. Онъ ужасно разсердился на бабушку, когда та приказала служившему ему человѣку потихоньку приносить барину изъ дома всякія явства и поутру рано будить его до «барабаннаго боя», изъ опасенія, что пробужденіе отъ внезапнаго треска разстроитъ нервы его. Досталось за это и слугѣ. Страхъ попасть въ число «маменькиныхъ сынковъ» и желаніе поскорѣй

снискать репутацію «лихого юнкера» побудили Лермонтова, обладавшаго большою силою въ рукахъ, покуситься даже на состязаніе съ первымъ силачемъ школы, Карачевскимъ, который гнулъ шомпола и вязалъ изъ нихъ узлы, какъ изъ веревокъ. Однажды, когда они оба забавлялись пробою силы, въ залъ вошелъ директоръ школы Шлиппенбахъ. Вспыливъ, онъ сталъ выговаривать обоимъ юнкерамъ: «Ну, не стыдно ли вамъ такъ ребячиться! Дѣти, что-ли вы, чтобы шалить?.. Ступайте подъ арестъ!» Оба высидѣли сутки. Разсказывая затѣмъ товарищамъ про выговоръ, полученный отъ начальника, Лермонтовъ съ хохотомъ замѣтилъ: «Хороши дѣти, которыя могутъ изъ желѣзныхъ шомполовъ вязать узлы!» Самолюбивое желаніе не отстать отъ товарищей было причиною случая, едва не имѣвшаго весьма печальныхъ послѣдствій. Вотъ какъ разсказываетъ о немъ товарищъ поэта по школѣ: «Вступленіе Лермонтова въ юнкера не совсѣмъ было счастливо. Сильный душою, онъ былъ силенъ и физически, и часто любилъ выказывать свою силу. Разъ послѣ ѣзды въ манежѣ, будучи еще, по школьному выраженію, новичкомъ, подстрекаемый старыми юнкерами, онъ, чтобы показать свое знаніе въ ѣздѣ, силу и легкость, сѣлъ на молодую лошадь, еще не выѣзженную, которая начала бѣситься и вертѣться около другихъ лошадей, находившихся въ манежѣ. Одна изъ нихъ ударила Лермонтова въ ногу и расшибла ему ее до кости. Его безъ чувствъ вынесли изъ манежа. Долго лежалъ онъ потомъ больнымъ въ квартирѣ бабушки».

Въ письмѣ отъ 25 февраля 1833 г. Лопухинъ просилъ его: «Напиши мнѣ, что въ школѣ остаешься или нѣтъ, и позволитъ-ли тебѣ нога продолжать службу военную». Лермонтовъ проболѣлъ нѣсколько мѣсяцевъ, но поправился, хотя потомъ всю жизнь едва замѣтно прихрамывалъ, еще болѣе уподобляя себя этимъ Байрону. Такимъ образомъ, въ первый годъ своего поступленія въ школу онъ пробылъ въ ней лишь два мѣсяца. 18 іюня 1833 г. онъ пишетъ Лопухиной: «Надѣюсь, вамъ пріятно будетъ знать, что, побывавъ въ школѣ всего два мѣсяца, я выдержалъ экзаменъ въ первый классъ и теперь одинъ изъ первыхъ. Это все же питаетъ надежду близкой свободы».

Не понравились Лермонтову ни Петербургъ съ его прямыми улицами и казенными домами, окрашенными въ желтую форменную краску, съ сѣрымъ небомъ и вѣчными дождями и туманами, ни петербургское общество, которое произвело на него «впечатлѣніе французскаго сада, узкаго и незамысловатаго, но въ которомъ съ перваго раза можно потеряться, до того хозяйскія ножницы уничто-

жили въ немъ все самобытное», ни даже море, которое обмануло поэта, и онъ не почерпнулъ великихъ думъ въ роковомъ его просторѣ. Это заставило его еще болѣе замкнуться въ тѣсномъ кругу ухарей-товарищей. Воротился въ школу послѣ болѣзни онъ уже не новичкомъ, а равноправнымъ старымъ юнкеромъ. Особенно сблизила Лермонтова съ молодежью лагерная жизнь, причемъ ближайшими товарищами его оставались старые московскіе знакомые—Поливановъ, Шубинъ и родственники Столыпинъ и Юрьевъ. Изъ новыхъ товарищей наиболѣе сошелся онъ съ Вонлярлярскимъ, впослѣдствіи извѣстнымъ романистомъ. Тщательно скрывая отъ товарищей свои умственные интересы, мало ихъ занимавшіе, Лермонтовъ со всѣми былъ одинаково хорошъ, выказывалъ себя веселымъ и хотя не принадлежалъ къ числу отъявленныхъ шалуновъ, но любилъ иногда пошкольничать. Единственно, что подчасъ вооружало противъ него юнкеровъ, это его злой языкъ, страсть преслѣдовать людей остротами и колкими шутками за все, что Лермонтову не нравилось въ другихъ. Самъ Лермонтовъ ни чуть не обижался, когда на его остроты ему отвѣчали тѣмъ же, и отъ души смѣялся ловкому слову, направленному противъ него. Такъ, онъ не только не оскорблялся даннымъ ему прозвищемъ Маешка, взятымъ изъ французскаго романа, гдѣ фигурируетъ косолапый горбунъ «Mayeux», но въ одной поэмѣ выставилъ самого себя подъ этимъ именемъ, не щадя юмористическихъ красокъ. Но не всѣ имѣли его великую душу. Мелкія самолюбивыя натуры глубоко оскорблялись остротами и насмѣшками Лермонтова; поэтъ и не подозрѣвалъ, сколько злобы копилось противъ него.

Въ свободное отъ занятій время юнкера порою собирались около рояля, который сами брали на прокатъ. Одинъ изъ товарищей акомпанировалъ на немъ пѣвшимъ разныя пѣсни. Лермонтовъ присоединялся къ поющимъ, но запѣвалъ совсѣмъ другую пѣсню и сбивалъ всѣхъ съ такта; разумѣется при этомъ поднимался шумъ, хохотъ и нападки на Лермонтова. Пѣвались романсы и нескромнаго содержанія, которые наиболѣе нравились. Лермонтовъ для забавы юнкеровъ передѣлывалъ разныя пѣсни, примѣняя ихъ ко вкусамъ товарищей. Такъ была имъ передѣлана для нихъ извѣстная, ходившая тогда по рукамъ въ рукописи пѣсня Рылѣева «Ахъ, гдѣ, тѣ острова». Группировались въ свободное время и около Вонлярлярскаго, который привлекалъ къ себѣ неистощимыми забавными разсказами. Лермонтовъ соперничалъ съ нимъ, никому не уступая въ остротахъ и веселыхъ шуткахъ. Часто же по вечерамъ Лермонтовъ

тайкомъ отъ товарищей забирался въ пустые классы и писалъ тамъ до поздней ночи. Но, увы, это была поэзія совсѣмъ другого сорта. Все, что было задумано, начато и набросано въ теченіе двухъ лѣтъ пребыванія въ университетѣ, все это было теперь заброшено, забыто. Въ продолженіе пребыванія въ юнкерской школѣ единственнымъ произведеніемъ въ прежнемъ духѣ, вылившимся изъ-подъ его пера, была поэма «Хаджи-Абрекъ», въ которую поэтъ внесъ мотивы и строфы изъ «Каллы», «Аула-Бастунджи» и даже «Измаила-Бея», такъ что она скорѣе принадлежитъ прежнимъ годамъ творчества поэта. Замѣчательна эта поэма тѣмъ, что это было первое произведеніе Лермонтова, явившееся въ печати, такъ какъ товарищъ его Николай Юрьевъ тайкомъ отъ поэта снесъ копію поэмы Сенковскому, и тотъ, одобривъ ее, напечаталъ въ «Библіотекѣ для чтенія» 1835 г. за полною подписью автора.

Совсѣмъ другое и очень прискорбное направленіе получило творчество поэта съ поступленіемъ въ юнкерскую школу. Въ 1834 году кому-то пришло въ голову издавать еженедѣльный рукописный журналъ подъ заглавіемъ «Школьная Заря». Желавшіе участвовать клали свои статьи въ опредѣленный для того ящикъ одного изъ столиковъ, стоявшихъ возлѣ кроватей. Статьи эти вынимались изъ ящика по средамъ, сшивались и затѣмъ прочитывались въ собраніи товарищей при общемъ смѣхѣ и шуткахъ. Всѣ эти литературныя упражненія носили крайне скабрезный характеръ. Тутъ-то Лермонтовъ и помѣстилъ рядъ своихъ скоромныхъ поэмъ, каковы «Петергофскій праздникъ», «Уланша», «Госпиталь»; поэмы эти были подписаны псевдонимомъ «графъ Діарбекиръ» и «Степановъ».—Онѣ принесли поэту очень много вреда во всѣхъ отношеніяхъ. Во-первыхъ, юнкера, покидая школу и поступая въ гвардейскіе полки, разносили въ спискахъ эти поэмы въ холостые кружки «золотой молодежи», и такимъ образомъ, прежде чѣмъ снискать славу великаго русскаго поэта, Лермонтовъ получилъ уже извѣстность новаго Баркова. Когда затѣмъ стали появляться въ печати его истинно высокія произведенія, знавшіе Лермонтова подъ подобною позорною кличкою негодовали, что этотъ гусарскій корнетъ «смѣлъ выходить со своими твореніями». Бывали случаи, что сестрамъ и женамъ запрещали говорить о томъ, что они читали произведенія Лермонтова,—это считали компрометирующимъ. И во-вторыхъ, по мѣрѣ того, какъ расходились эти поэмы, изображенныя въ нихъ въ комическомъ видѣ личности, игравшія смѣшную, глупую или обидную роль, негодовали на Лермонтова. Негодованіе это росло вмѣстѣ

со славою поэта, и такимъ образомъ многіе изъ его школьныхъ товарищей обратились въ злѣйшихъ его враговъ. Люди эти, отказывавшіе Лермонтову во всякомъ талантѣ и съ презрѣніемъ отзывавшіеся о немъ, какъ о «посредственномъ подражателѣ Байрона», вредили ему въ его служебной карьерѣ, которую сами проходили успѣшно. Къ нимъ вѣроятно относится стихотвореніе поэта, извѣстное лишь въ нѣмецкомъ переводѣ Боденштедта и слѣдующемъ переводѣ на русскій языкъ Д. Минаева:

Всегда я чувствовалъ къ вамъ полное презрѣнье,
Названіемъословъ клеймилъ васъ, шельмовалъ,
И вы же у меня просили извиненья
Въ томъ, что я васъ ослами называлъ.
Когда я въ обществѣ блисталъ, вы съ малолѣтства,
Льстецы, позоръ которымъ не въ позоръ,
Употребляли все искусство и всѣ средства,
Чтобъ мнѣ понравиться, поймать одинъ мой взоръ.
Теперь совсѣмъ не то. Вы въ санѣ, вы въ почетѣ,
Въ блестящихъ орденахъ; у васъ и видъ иной,
И вы уже меня въ толпѣ не узнаете,
Хоть пресмыкались такъ недавно предо мной.

Какъ тяжело отразилось въ самомъ сознаніи Лермонтова время пребыванія его въ юнкерской школѣ, мы можемъ судить по тому, что онъ самъ въ письмѣ отъ 23 декабря 1834 года называетъ два года эти страшными.

ГЛАВА VII.

Лермонтовъ-офицеръ. —Лагерная жизнь и свѣтскія развлеченія. Эпизодъ съ Кат. Ал. Сушковой.

Высочайшимъ приказомъ 22 ноября 1834 года Лермонтов былъ произведенъ въ корнеты лейбъ-гусарскаго полка, расположеннаго въ Царскомъ Селѣ. Бабушка не замедлила роскошно экипировать своего возлюбленнаго внука и окружить его обстановкою, считавшейся необходимою для блестящаго гвардейскаго офицера. Поваръ, два кучера, слуга (всѣ четверо крѣпостные изъ Тарханъ) были отправлены въ Царское Село. Нѣсколько лошадей и экипажей стояли на конюшнѣ. Кромѣ денегъ выдаваемыхъ въ разное время ему было ассигновано по 10.000 рублей въ годъ.

Все это давало возможность Лермонтову закружиться въ вихрѣ

свѣтскихъ развлеченій и отчаянныхъ кутежей и шалостей золотой гвардейской молодежи. Это былъ рядъ непрестанныхъ оргій, исполненныхъ разныхъ рискованныхъ выходокъ и проказъ, иногда остроумнаго, а по большей части довольно грубоватаго, ухарскаго характера. «Насмѣшливый, ѣдкій, ловкій,—вспоминаетъ о Лермонтовѣ гр. Евд. Ростопчина,—вмѣстѣ съ тѣмъ полный ума самаго блестящаго, богатый, независимый, онъ сдѣлался душою общества молодыхъ людей высшаго круга; онъ былъ запѣвалой въ бесѣдахъ, въ удовольствіяхъ, въ кутежахъ, словомъ, всего того, что составляло жизнь въ эти годы».

До самой высылки на Кавказъ въ 1837 году, Лермонтовъ жилъ то въ Царскомъ Селѣ, то въ Петербургѣ, причемъ въ Царскомъ Селѣ сожителемъ его былъ родственникъ, товарищъ и другъ дѣтства Алексѣй Аркадьевичъ Столыпинъ, а въ Петербургѣ тоже родственникъ и другъ Святославъ Аѳанасьевичъ Раевскій, получившій хорошее образованіе въ университетѣ, имѣвшій знакомство въ литературномъ кругу и служившій въ военномъ министерствѣ.

Что касается Столыпина, воспѣтаго Лермонтовымъ въ шуточной поэмѣ «Монго» подъ этой кличкой, неизвѣстно по какому случаю данной ему поэтомъ,—по отзыву одного изъ современниковъ, онъ славился баснословною красотою и благородствомъ.

Съ дѣтства Столыпина, приходившагося Лермонтову двоюроднымъ дядей, но по равенству лѣтъ считавшагося его двоюроднымъ братомъ, соединяла съ поэтомъ тѣсная дружба, сохранившаяся непарушимой до смерти. Близко знавшій душу своего друга, Столыпинъ всегда защищалъ его отъ нападокъ многочисленныхъ враговъ. Два раза сопровождалъ онъ его на Кавказъ, какъ-бы охраняя горячую, увлекающуюся натуру его отъ опасныхъ въ его положеніи выходокъ, а когда онъ умеръ, Столыпинъ же закрылъ ему глаза.

Лермонтовъ былъ въ это время также очень близокъ съ товарищемъ по школѣ Константиномъ Булгаковымъ, офицеромъ Преображенскаго и затѣмъ Московскаго полка. Въ концѣ 30-хъ и началѣ 40-хъ годовъ много разсказывали о его нелишенныхъ остроумія, отчаянныхъ проказахъ, доставившихъ ему особую милость великаго князя Михаила Павловича, отечески его журившаго и сажавшаго подъ арестъ и на гауптвахту. Лермонтовъ любилъ «хороводиться» съ этимъ Костькой Булгаковымъ, какъ называли его товарищи, когда у него являлась фантазія учинить шалость, выпить или покутить на славу,—и вслѣдъ за своимъ собутыльникомъ и самъ то и дѣло былъ сажаемъ на гауптвахту: то за несвоевременное воз-

вращеніе изъ Петербурга, то за разныя шалости и отступленія отъ дисциплины и формы. Однажды онъ явился на разводъ съ маленькою, чуть не дѣтскою игрушечною саблею, несмотря на присутствіе великаго князя Михаила Павловича, который тутъ же далъ поиграть ею маленькимъ великимъ князьямъ, Николаю и Михаилу Николаевичамъ, которыхъ привели посмотрѣть на разводъ, а Лермонтова приказалъ выдержать на гауптвахтѣ. Послѣ этого Лермонтовъ завелъ себѣ саблю большихъ размѣровъ, которая, при его маломъ ростѣ, казалась еще громаднѣе и, стуча о камень или мостовую, производила ужасный шумъ, что было не въ обычаѣ у благовоспитанныхъ гвардейскихъ кавалеристовъ, носившихъ оружіе свое съ большою осторожностью, не позволяя ему гремѣть. За эту несоразмѣрную саблю Лермонтовъ опять-таки попалъ на гауптвахту. Точно также великій князь Михаилъ Павловичъ съ бала, дававшаго царскосельскими дамами офицерамъ лейбъ-гусарскаго и кирасирскаго полковъ, послалъ Лермонтова подъ арестъ за неформенное шитье на воротникѣ и обшлагахъ вицъ-мундира. Точно также не разъ доставалось ему за то, что онъ свою форменную треугольную шляпу носилъ «съ поля», что преслѣдовалось. Впрочемъ арестованные жили на гауптвахтахъ весело. Къ нимъ приходили товарищи, устраивались пирушки, и лишь при появленіи начальства бутылки и снадобья исчезали при помощи услужливыхъ сторожей. Все это было причиною, что начальство уже тогда не благоволило къ Лермонтову, и онъ считался дурнымъ фронтовымъ офицеромъ.

Но полковая жизнь со всѣми ея попойками и шалостями не исчерпывала всего времени Лермонтова и не могла вполнѣ удовлетворить его самолюбіе. Онъ жаждалъ успѣховъ въ большомъ свѣтѣ, которые въ его глазахъ казались тѣмъ привлекательнѣе, чѣмъ были для него недостижимѣе. Молодой, некрасивый гусарскій корнетъ изъ бѣднаго захудалаго рода, онъ ничѣмъ не могъ привлечь къ себѣ вниманія въ гостиныхъ и на балахъ. Положеніе, которое другіе пріобрѣтали легко, безъ всякихъ нравственныхъ преимуществъ, Лермонтову приходилось завоевывать, борясь съ большими трудностями. Его принимали лишь какъ танцора, благодаря связямъ бабушки. Сознаніе некрасивости больно уязвляло его душу. И вотъ, чтобы быть замѣченнымъ, чтобы имъ заинтересовались и заговорили о немъ, онъ вознамѣрился сдѣлаться героемъ дня, прослывя отчаяннымъ и дерзкимъ донъ-жуаномъ. Жертвою этого шага онъ избралъ свою кузину, къ которой былъ нѣкогда неравнодушенъ, Кат. Ал. Сушкову.

Здѣсь мы имѣемъ дѣло съ эпизодомъ, представляющимъ во всякомъ случаѣ темное пятно въ жизни Лермонтова и свидѣтельствующимъ о всей той прискорбной испорченности, къ какой привела Лермонтова воспитавшая его среда и особенно тѣ зачерствившіе его сердце и ожесточившіе его два года, которые онъ провелъ въ юнкерской школѣ.

Эпизодъ этотъ, весьма обстоятельно и краснорѣчиво разсказанный самимъ Лермонтовымъ въ письмѣ его къ Сашенькѣ Верещагиной, весною 1835 г., заключался въ томъ, что, встрѣтившись въ Петербургѣ со своею кузиною, къ которой онъ былъ пять лѣтъ тому назадъ неравнодушенъ, онъ началъ снова ухаживать за нею, сумѣлъ покорить ея сердце, несмотря на то, что былъ моложе ея года на два на три, и публично обращался съ нею, какъ съ личностью, весьма къ нему близкою, а потомъ вдругъ публично покинулъ ее, сталъ съ нею жестокъ и дерзокъ, насмѣшливъ и холоденъ; началъ ухаживать за другими и подъ секретомъ разсказывать имъ тѣ стороны исторіи, которыя представлялись въ его пользу; а когда онъ сознался, что надо порвать съ нею въ глазахъ свѣта, написалъ ей предостерегательное анонимное письмо, въ которомъ выставилъ самого себя самымъ отчаяннымъ донъ-жуаномъ, погубившимъ уже не одну жертву, и такъ ловко отправилъ ей это письмо, что оно непремѣнно должно было попасть въ руки роднымъ и произвести скандалъ.

Единственно, что хоть сколько-нибудь оправдываетъ Лермонтова во всей этой неблаговидной исторіи, это то, что Ек. Ал. Сушкова до нѣкоторой степени заслужила такое отношеніе къ ней. Гордое и самолюбивое сердце Лермонтова было уже уязвлено воспоминаніями о томъ, какъ нѣкогда она забавлялась съ нимъ чисто кошачьими заигрываньями и безжалостно насмѣялась надъ пятнадцатилѣтнимъ, влюбленнымъ въ нее мальчикомъ. Теперь ей было уже двадцать три года, родные вывозили ее на балы съ очевиднымъ намѣреніемъ выдать замужъ. Сама она въ своихъ запискахъ разсказываетъ о цѣломъ рядѣ своихъ обожателей въ Москвѣ. Отъ любви къ нѣкоему Г. она даже захворала.

Осенью 1834 года она пріѣхала изъ деревни въ Петербургъ; немного погодя пріѣхалъ изъ Москвы близкій другъ Лермонтова Алексѣй Александровичъ Лопухинъ, за котораго родные очень желали выдать Катерину Алекс. и къ которому сердце дѣвушки, по собственному ея разсказу, было полно страсти еще прежде. На балу, 4 декабря, она встрѣтилась съ Лермонтовымъ, только что произве-

денным въ офицеры, и, несмотря на то, что любила другого и считала себя почти его невѣстою, она тотчасъ же начала вызывающе кокетничать и съ Лермонтовымъ. И вотъ, 23 декабря 1834 г., т. е. вскорѣ послѣ встрѣчи съ нею, Лермонтовъ пишетъ уже Екатеринѣ Александровнѣ Лопухиной о ея братѣ: «Скажите, я замѣтилъ, что онъ какъ будто чувствуетъ слабость къ m-lle Catharine Souchkoff... Извѣстно-ли это вамъ?.. Дяди барышни кажется желали-бы очень поженить ихъ! да сохрани Господь!.. Эта женщина—летучая мышь, крылья коей зацѣпляются за все встрѣченное! Было время, когда она мнѣ нравилась. Теперь она почти принуждаетъ меня ухаживать за нею. Но не знаю, есть въ ея манерахъ, въ ея голосѣ что-то жестокое, отрывистое, отталкивающее. Стараясь ей понравится, въ то же время ощущаешь удовольствіе скомпрометировать ее, запутавшуюся въ собственныя сѣти»... «Вы видите,—пишетъ онъ въ другомъ письмѣ,—что я мщу за слезы, которыя пять лѣтъ тому назадъ заставляло проливать меня кокетство m-lle Сушковой. О! наши счеты еще не кончены! Она заставила страдать сердце ребенка, а я только мучаю самолюбіе старой кокетки!»

Въ то же время Лермонтова побуждали въ его интригѣ съ Сушковой отношенія ея къ Алексѣю Лопухину. Лермонтова выводило изъ себя то обстоятельство, что друга его дѣтства, съ которымъ онъ до конца жизни оставался въ самыхъ задушевныхъ отношеніяхъ, старается завлечь и, что называется, окрутить дѣвушка, которая, по его мнѣнію, ничего не могла принести ему, кромѣ несчастія. Вопросъ такимъ образомъ шелъ о цѣлой жизни друга, и Лермонтовъ началъ свою интригу отчасти съ благородною цѣлью—открыть глаза другу и тѣмъ спасти его.

Какъ-бы то ни было, но цѣль была достигнута: друга онъ вырвалъ изъ лапъ коварной кокетки, за себя отомстилъ и вмѣстѣ съ тѣмъ, путемъ скандала, заставилъ свѣтъ замѣтить его и заговорить о немъ. Сама жертва всей этой исторіи разсказываетъ, какъ теперь имъ заинтересовался цѣлый рядъ лицъ, и Саша Ж. и Лиза Б. Заинтересовались и другіе мужчины и женщины. «Мнѣ случалось слышать, разсказываетъ Ростопчина, признанія нѣсколькихъ изъ жертвъ Лермонтова, и я не могла удержаться отъ смѣха, даже прямо въ лицо, при видѣ слезъ моихъ подругъ, не могла не смѣяться надъ оригинальными и комическими развязками, которыя онъ давалъ своимъ злодѣйскимъ, донъ-жуанскимъ подвигамъ»...

ГЛАВА VIII.

Литературныя занятія и знакомства. — Стихи на смерть Пушкина и дѣло о нихъ.

Во всякомъ случаѣ, все, что разсказано нами въ предыдущей главѣ, заставляетъ невольно сжиматься сердце, если подумать, сколько молодыхъ, горячихъ силъ и дорогого времени растрачено было Лермонтовымъ на безпутныя оргіи и пошлое свѣтское ловеласничанье. Остается лишь удивляться, какъ онъ уцѣлѣлъ физически и нравственно, какъ не сломилось его желѣзное здоровье и вмѣстѣ съ тѣмъ не угасъ огонь его геніальнаго духа.

И тѣмъ болѣе поражаетъ необъятность могучихъ силъ Лермонтова, что, какъ оказывается, Лермонтовъ далеко не былъ весь поглощенъ недостойными его высоты великосвѣтскими и лагерными похожденіями, какими онъ въ это время увлекался. Онъ жилъ положительно двойною жизнью и находилъ какимъ-то образомъ время и возможность, уединяясь отъ товарищей и отъ свѣта, творить свои дивныя произведенія. Такъ, сверхъ массы мелкихъ стихотвореній, ко времени его первой ссылки онъ успѣлъ окончить «Демона», написать поэму «Бояринъ Орша», повѣсть «Казначейша» и драму «Маскарадъ». Подобно Пушкину, онъ скрывалъ отъ своихъ свѣтскихъ друзей и знакомыхъ свои литературныя занятія, выставлялъ себя лишь паркетнымъ шаркуномъ, шалуномъ-гусаромъ, бонвиваномъ и донъ-жуаномъ, и обнаруживалъ свой поэтическій даръ лишь убійственными эпиграммами-экспромптами, которыми пугалъ, злилъ и вооружалъ противъ себя въ большомъ свѣтѣ всѣхъ, кто попадался ему на зубокъ. Но въ то же время онъ не упускалъ случая завязывать различныя литературныя знакомства. Такъ, мы видѣли уже, что его родственникъ Юрьевъ пристроилъ въ «Библіотеку для чтенія» его «Хаджи-Абрека». Другой родственникъ, С. А. Раевскій, познакомилъ Лермонтова съ А. А. Краевскимъ, издававшимъ тогда «Прибавленія къ Русскому Инвалиду». Впослѣдствіи Лермонтовъ имѣлъ довольно обширныя знакомства въ кругу писателей, особенно вліятельныхъ и великосвѣтскихъ: онъ былъ знакомъ съ Жуковскимъ, кн. Одоевскимъ, Плетневымъ, А. Н. Муравьевымъ (авторомъ «Путешествія по святымъ мѣстамъ»).

Вотъ что разсказываетъ Муравьевъ въ своей книжкѣ «Знакомство съ русскими поэтами» о своемъ знакомствѣ съ Лермонтовымъ:

«Однажды его товарищъ по школѣ, гусаръ Цейдлеръ, приноситъ мнѣ тетрадь стиховъ неизвѣстнаго поэта, и не называя его по имени, проситъ только сказать мое мнѣніе о самыхъ стихахъ. Это была первая поэма Лермонтова, «Демонъ». Я былъ изумленъ живостью разсказа и звучностью стиховъ, и просилъ передать это неизвѣстному поэту. Тогда лишь, съ его дозволенія, рѣшился онъ мнѣ назвать Лермонтова, и когда гусарскій юнкеръ надѣлъ эполеты, онъ не замедлилъ ко мнѣ явиться. Лермонтовъ проживалъ у меня по цѣлымъ вечерамъ: живая и остроумная его бесѣда была увлекательна, анекдоты сыпались, но громкій и пронзительный его смѣхъ былъ непріятенъ для слуха, какъ бывало у Хомякова, съ которымъ во многомъ имѣлъ онъ сходство. Часто читалъ мнѣ молодой гусаръ свои стихи, въ которыхъ отзывались пылкія страсти юношескаго возраста, и я говорилъ ему: «отчего онъ не изберетъ болѣе высокаго предмета для столь блестящаго таланта?» Пришло ему на мысль написать комедію въ родѣ «Горе отъ ума», рѣзкую критику на современные нравы, хотя и далеко не въ уровень съ безсмертнымъ твореніемъ Грибоѣдова. (Дѣло идетъ конечно о «Маскарадѣ»). Лермонтову хотѣлось видѣть ее на сценѣ, но строгая цензура III отдѣленія не могла ее пропустить. Авторъ съ негодованіемъ прибѣжалъ ко мнѣ и просилъ убѣдить начальника сего отдѣленія, моего двоюроднаго брата, Мордвинова, быть снисходительнымъ къ его творенію; но Мордвиновъ оставался неумолимъ; даже цензура получила неблагопріятное мнѣніе о заносчивомъ писателѣ, что ему вскорѣ отозвалось непріятнымъ образомъ».

Въ этихъ заключительныхъ словахъ Муравьевъ намекаетъ конечно на извѣстный эпизодъ съ стихотвореніемъ на смерть Пушкина.

Думалъ-ли Лермонтовъ, когда онъ заводилъ недостойную его интригу съ Сушковой съ цѣлью обратить на себя вниманіе большого свѣта, что онъ и безъ столь предосудительнаго средства могъ заставить заговорить о себѣ, силою одного своего высокаго таланта, и притомъ заговорить не два-три петербургскіе салона, а всю Россію. Эпизодъ, о которомъ сейчасъ пойдетъ рѣчь, служитъ наглядньмъ примѣромъ, какое дѣйствіе производятъ крупныя общественныя событія на литературныя силы, которыя, будучи даже столь могучими, какъ у Лермонтова, обыкновенно дремлютъ въ годы всеобщаго застоя и пошлости.

Такимъ событіемъ, сильно взволновавшимъ все русское общество, была неожиданная смерть Пушкина, павшаго на дуэли жертвою коварной и низкой интриги. Извѣстно, что происходило, какъ только по Петербургу разнеслась вѣсть о дуэли. Передъ домомъ, гдѣ жилъ Пушкинъ, съ утра до ночи стояли толпы, ожидавшія извѣстій о положеніи поэта; люди всѣхъ званій тѣснились по-

томъ въ его квартирѣ, чтобы поклониться его праху. Опасались волненія, взрыва народной ненависти противъ убійцы; принимались мѣры предосторожности.

Вмѣстѣ со всею молодежью, несчастное событіе сильно подѣйствовало и на Лермонтоваа, который, какъ говорятъ, незадолго передъ тѣмъ имѣлъ случай познакомиться съ обожаемымъ поэтомъ.

Юрьевъ, товарищъ и родственникъ Лермонтова, разсказываетъ, что и несчастное событіе, и симпатія высшаго общества къ Дантесу, къ которому особенно благоволили великосвѣтскія барыни, сильно раздражали Лермонтова. Всегда исполненный деликатнаго почтенія къ своей бабушкѣ, поэтъ съ трудомъ воздержалея отъ раздраженнаго отвѣта, когда старушка стала утверждать, что Пушкинъ сѣлъ не въ свои сани и не умѣлъ управлять конями, которые и увлекли его въ пропасть. Не желая спорить съ бабушкой, Лермонтовъ уходилъ изъ дома. Бабушка, замѣтя, какъ на внука дѣйствуютъ свѣтскіе толки о смерти Пушкина, стала избѣгать говорить о нихъ. Но говорили другіе, весь Петербургъ, и все это, наконецъ, такъ повліяло на поэта, что онъ захворалъ нервнымъ разстройствомъ. Ему приходило даже на мысль вызвать Дантеса и отмстить за гибель русской славы. Результатомъ этого возбужденія и было стихотвореніе на смерть Пушкина, въ которомъ Дантесъ былъ выставленъ, какъ искатель приключеній. Умы немного утихли, когда разнесся слухъ, что Государь желаетъ строгаго разслѣдованія дѣла и наказанія виновныхъ. Тогда-то эпиграфомъ къ стихамъ своимъ Лермонтовъ поставилъ:

Отмщенья, Государь, отмщенья
Паду къ ногамъ твоимъ:
Будь справедливъ и накажи убійцу.
Чтобъ казнь его въ позднѣйшіе вѣка
Твой правый судъ потомству возвѣстила,
Чтобъ видѣли злодѣи въ ней примѣръ.
(Изъ трагедіи).

Стихотвореніе первоначально не имѣло шестнадцати заключительныхъ етрокъ и кончалось стихомъ: «И на устахъ его печать». Оно прочтено было Государемъ и другими лицами и удостоились высокаго одобренія и даже выраженія надежды, что Лермонтовъ замѣнитъ Россіи Пушкина. Жуковскій призналъ въ стихотвореніи проявленіе могучаго таланта, а кн. Вл. Ѳ. Одоевскій наговорилъ комплиментовъ по адресу Лермонтова при встрѣчѣ его съ бабушкой. Толковали, что Дантесъ страшно разсердился на Лермонтова и что

командиръ л.-гв. гус. полка утверждалъ, что, не сиди убійца Пушкина на гауптвахтѣ, онъ непремѣнно послалъ-бы вызовъ Лермонтову за его стихи.

Безпокоясь о болѣзни внука, бабушка послала за лейбъ-медикомъ Арендомъ, который, какъ очевидецъ послѣднихъ минутъ жизни Пушкина, разсказалъ Лермонтову всю печальную эпопею двухъ съ половиною сутокъ, съ 27-го по 30-е января, которые прострадалъ Пушкинъ. Въ это самое время вошелъ къ Лермонтову родственникъ Николай Арсеньевичъ Столыпинъ (братъ Монго-Столыпина). Онъ служилъ въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ и принадлежалъ къ высшему обществу. Онъ разсказалъ больному, что толкуется въ великосвѣтскихъ салонахъ, сообщилъ, что вдова Пушкина едвали долго будетъ носить трауръ и называться вдовою, что ей вовсе не къ лицу и т. п. Расхваливая стихи Лермонтова, Столыпинъ находилъ, что, напрасно апоѳеозируя Пушкина, Лермонтовъ слишкомъ нападаетъ на невольнаго убійцу, который, какъ всякій благородный человѣкъ, не могъ не стрѣляться: honneur oblige. Лермонтовъ отвѣчалъ, что чисто-русскій человѣкъ, не офранцуженный, неиспорченный, снесъ-бы отъ Пушкина всякую обиду во имя любви къ славѣ Россіи, не могъ-бы поднять руки на нее. Споръ сталъ горячѣе—и Лермонтовъ утверждалъ, что Государь накажетъ виновниковъ интриги и убійства. Столыпинъ настаивалъ на томъ, что тутъ была затронута честь и что иностранцамъ дѣла нѣтъ до поэзіи Пушкина, что судить Дантеса и Геккерна по русскимъ законамъ нельзя, что ни дипломаты, ни знатные иностранцы не могутъ быть судимы на Руси. Тогда Лермонтовъ прервалъ его, крикнувъ: «Если надъ ними нѣтъ закона и суда земного, если они палачи генія, такъ есть Божій судъ».

Запальчивость поэта вызвала смѣхъ со стороны Столыпина, который тутъ же замѣтилъ, что у «Мишеля слишкомъ раздражены нервы». Но поэтъ уже былъ въ полной ярости, онъ не слушалъ собесѣдника и, схвативъ листъ бумаги сердито поглядывая на Столыпина, что-то быстро чертилъ, ломая карандаши, по обыкновенію, одинъ за другимъ. Увидавъ это, Столыпинъ полушепотомъ и улыбаясь замѣтилъ: «la poésie enfante!» (поэзія зарождается!). Наконецъ, раздраженый поэтъ напустился на собесѣдника, назвалъ его врагомъ Пушкина и, осыпанъ упреками, кончилъ тѣмъ, что закричалъ, чтобы онъ сію же минуту убирался, иначе онъ за себя не отвѣчаетъ. Столыпинъ вышелъ со словами; «Mais il est fou à lier». (Да онъ дошелъ до бѣшенства, его надо связать!). Четверть часа

спустя, Лермонтовъ прочелъ Юрьеву заключительныя 16 строкъ своего стихотворенія.

С. Аѳ. Раевскій сожитель Лермонтова, возвратясь домой, пришелъ въ восторгъ отъ новаго окончанія стихотворенія на смерть Пушкина, и сталъ распространять эти сильные стихи. Ни ему, ни самому поэту и въ голову не приходило, что за нихъ можно пострадать.

Между тѣмъ на многолюдномъ раутѣ, у графини Ферзенъ, А. М. Хитрово, разносчица всевозможныхъ сенсаціонныхъ вѣстей, обратилась къ гр. Бенкендорфу съ злобнымъ вопросомъ: «А вы читали, графъ, новые стихи на всѣхъ насъ, въ которыхъ la crême de la noblesse отдѣлывается на чемъ свѣтъ стоитъ молодымъ гусаромъ Лермонтовымъ». Она пояснила, что стихи, начинающіеся словами: «А вы надменные потомки», составляютъ оскорбленіе всей русской аристократіи и довела графа до того, что онъ увидалъ необходимость разузнать дѣло ближе. Гр. Бенкендорфъ зналъ и уважалъ бабушку Лермонтова, бывалъ у ней, ему была извѣстна любовь ея къ внуку, но при всемъ желаніи дать дѣлу благопріятный оборотъ, онъ ничего уже не былъ въ состояніи сдѣлать. На другое-же утро онъ замѣтилъ Л. В. Дубельту, говоря о слышанномъ на вечерѣ, что «если Анна Михайловна (Хитрово) знаетъ о стихахъ, то не остается ничего болѣе дѣлать, какъ доложить о нихъ Государю». И дѣйствительно, когда графъ явился къ императору, чтобы доложить о стихахъ въ самомъ успокоительномъ смыслѣ, Государь уже былъ предупрежденъ, получивъ по городской почтѣ экземпляръ стиховъ съ надписью: «Возваніе къ революціи». Подозрѣніе тогда же пало на г-жу Хитрово.

Арестъ Лермонтова произошелъ слѣдующимъ образомъ. Посланный въ Царское Село осмотрѣть бумаги поэта и арестовать его, Вейморнъ нашелъ квартиру нетопленную, ящики стола и комодовъ пустыми. Отсутствіе Лермонтова прикрыли внезапною болѣзнью его, приключившеюся при посѣщеніи внукомъ престарѣлой бабки, и ограничились затѣмъ только выговоромъ ближайшему виновнику недосмотра, полковнику Саломирскому, допустившему офицера самовольно отлучиться отъ полка и проживать въ Петербургѣ.— Затѣмъ обратились въ Петербургскую квартиру Лермонтова, и 21 февраля Лермонтовъ былъ подвергнутъ домашнему аресту; сожитель же его Раевскій былъ посаженъ на гауптвахту въ Петропавловской крѣпости.

Того же дня съ Раевскаго было снято показаніе. Рѣшившись

взять на себя вину въ распространеніи стиховъ друга и для того, чтобы показаніе Лермонтова не разнилось съ его показаніемъ, онъ черновую, писанную карандашомъ, положилъ въ пакетъ, адресовавъ его на имя крѣпостного человѣка Лермонтова, Андрея Иванова. Къ черновой приложена была записка:

«Андрей Ивановичъ! Передай тихонько эту записку и бумаги Мишелю. Я подалъ записку министру. Надобно, чтобы онъ отвѣчалъ согласно съ нею, и тогда дѣло кончится ничѣмъ. А если онъ станетъ говорить иначе, то можетъ быть хуже. Если самъ не сможешь завтра же по утру передать, то черезъ Аѳанасія Алексѣевича (Столыпина). И потомъ непремѣнно сжечь ее».

Доставить пакетъ этотъ Раевскій поручилъ одному изъ сторожей. Пакетъ былъ перехваченъ и не мало усугублялъ виновность Раевскаго передъ судьями.

Послѣ допроса, сдѣланнаго Лермонтову дома, его посадили въ одну изъ комнатъ верхняго этажа Главнаго штаба. Къ нему пускали только камердинера, приносившаго обѣдъ. Поэтъ велѣлъ завертывать хлѣбъ въ сѣрую бумагу, и на этихъ клочкахъ, съ помощью вина, печной чажи и спички написалъ нѣсколько стихотвореній, а именно: «Когда волнуется желтѣющая нива», «Я, Матерь Божія», «Сосѣдъ», «Узникъ».

Февраля 25-го послѣдовало высочайшее повелѣніе, а 27-го вышелъ «приказъ», по которому Лермонтовъ переводился тѣмъ же чиномъ (корнетомъ) въ Нижегородскій драгунскій полкъ—на Кавказъ. Раевскій же, по выдержаніи на гауптвахтѣ одинъ мѣсяцъ, былъ высланъ въ Олонецкую губернію на службу по усмотрѣнію тамошняго губернатора. Онъ поплатился такимъ образомъ болѣе самого поэта, былъ возвращенъ изъ ссылки позднѣе, и Лермонтовъ сильно скорбѣлъ за своего друга. Дѣло въ томъ, что допрашивавшій Лермонтова графъ Клейнмихель обѣщалъ, что если Лермонтовъ назоветъ виновника распространенія, то избѣгнетъ разжалованія въ солдаты, названное же лицо будетъ прощено. Лермонтовъ и назвалъ Раевскаго; когда же онъ былъ выпущенъ изъ-подъ ареста и узналъ, что Раевскій сидитъ въ заключеніи, онъ пришелъ въ отчаяніе, не зная, что участіе Раевскаго было извѣстно до признанія Лермонтова, и допросъ съ Раевскаго былъ снятъ днемъ раньше допроса Лермонтова. Однако поэтъ долго не могъ простить себѣ, что въ показаніи заявилъ, что никому кромѣ Раевскаго не показывалъ стиховъ, и что Раевскій вѣроятно по необдуманности показалъ ихъ другому, и такимъ образомъ они распространились. Еще въ іюнѣ 1838 г., воз-

вращенный съ Кавказа и вновь опредѣленный въ лейбъ-гвардіи гусарскій полкъ, Лермонтовъ пишетъ въ Петрозаводскъ Раевскому о томъ, что повергло его въ несчастіе. Очевидно услужливые люди пытались вызвать между друзьями вражду или хоть недоразумѣніе, и поэтъ съ негодованіемъ отвергаетъ навѣты. Когда Раевскій въ декабрѣ 1838 г. получилъ, наконецъ, прощеніе и вернулся изъ ссылки въ Петербургъ, гдѣ жили его мать и сестра, уже черезъ нѣсколько часовъ по пріѣздѣ вбѣжалъ въ комнату Лермонтовъ и бросился на шею къ Раевскому.

«Я помню,—разсказываетъ сестра послѣдняго, г-жа Соловцева, какъ Михаилъ Юрьевичъ цѣловалъ брата, гладилъ его и все приговаривалъ: «прости меня, прости меня, милый!..»

«Я была ребенкомъ и не понимала, что это значило; но какъ теперь вижу растроганное лицо Лермонтова и большіе, полные слезъ глаза. Братъ былъ тоже растроганъ до слезъ и успокаивалъ друга».

ГЛАВА IX.

Первая ссылка на Кавказъ.—Переводъ въ Гродненскій полкъ.— Странствія.— Знакомство съ декабристами и отзывъ о Лермонтовѣ декабриста Назимова.— Пріѣздъ въ Петербургъ. — Успѣхи въ свѣтѣ и популярность. — Литературные труды и цензурныя непріятности.—Знакомство съ Жуковскимъ.—Сближеніе съ Красвскимъ.

Нѣсколько дней спустя послѣ состоявшагося приказа, Лермонтовъ отправился на восточный берегъ Чернаго моря, гдѣ должны были открыться военныя дѣйствія противъ горцевъ подъ начальствомъ генерала Вельяминова.

Прибывъ туда, онъ остановился въ Тамани въ ожиданіи почтоваго судна, которое перевезло-бы его въ Геленджикъ. Тутъ поэтъ испыталъ страшнаго рода столкновеніе съ казачкою Царицихой, принявшей его за соглядатая, желавшаго выслѣдить контрабандистовъ, съ которыми она имѣла сношенія. Эпизодъ этотъ послужилъ поэту темою для повѣсти «Тамань». Въ 1879 году, по словамъ г. Висковатова, описываемая въ этой повѣсти хата еще была цѣла; она принадлежала казаку Миснику и стояла невдалекѣ отъ нынѣшней пристани надъ обрывомъ.

О пребываніи на Кавказѣ Лермонтовъ сообщаетъ въ нижеслѣ-

дующемъ письмѣ къ Раевскому, писанномъ передъ возвращеніемъ въ Петербургъ:

«Съ тѣхъ поръ какъ я выѣхалъ изъ Россіи,—читаемъ мы между прочимъ въ этомъ письмѣ,—повѣришь-ли, я находился до сихъ поръ въ безпрерывномъ странствованіи, то на перекладной, то верхомъ; изъѣздилъ линію всю вдоль отъ Кизляра до Тамани, переѣхалъ горы, былъ въ Шушѣ, въ Кубѣ, въ Камакѣ, въ Кахетіи, одѣтый по-черкесски, съ ружьемъ за плечами; ночевалъ въ чистомъ полѣ, засыпалъ подъ крикъ шакаловъ, ѣлъ чурекъ, пилъ кахетинское даже...

«Простудившись дорогой, я пріѣхалъ на воды весь въ ревматизмахъ; меня на рукахъ вынесли люди изъ повозки, я не могъ ходить—въ мѣсяцъ меня воды совсѣмъ поправили; я никогда не былъ такъ здоровъ, зато веду жизнь примѣрную, пью вино только когда гдѣ-нибудь въ горахъ ночью прозябну, то, пріѣхавъ на мѣсто, грѣюсь... Здѣсь, кромѣ войны, службы нѣтъ; я пріѣхалъ въ отрядъ слишкомъ поздно; ибо Государь нынче не велѣлъ дѣлать вторую экспедицію, и я слышалъ только два-три выстрѣла; зато два раза въ моихъ путешествіяхъ отстрѣливался; разъ ночью мы ѣхали втроемъ изъ Кубы,—я, одинъ офицеръ нашего полка и черкесъ (мирный разумѣется),—и чуть не попались въ плѣнъ лезгинъ. Хорошихъ ребятъ здѣсь много, особенно въ Тифлисѣ есть люди очень порядочные, а что здѣсь истинное наслажденіе, такъ это татарскія бани! Я снялъ на скорую руку виды всѣхъ примѣчательныхъ мѣстъ, которыя посѣщалъ, и везу съ собою порядочную коллекцію; однимъ словомъ, я вояжировалъ. Какъ перевалился черезъ хребетъ въ Грузію, такъ бросилъ телѣжку и сталъ ѣздить верхомъ: лазилъ на снѣговую гору (Крестовая) на самый верхъ, что не совсѣмъ легко; оттуда видна половина Грузіи, какъ на блюдечкѣ, и право я не берусь объяснить или описать этого удивительнаго чувства; для меня горный воздухъ—бальзамъ, хандра къ чорту, сердце бьется, грудь высоко дышетъ—ничего не надо въ эту минуту; такъ сидѣлъ-бы да смотрѣлъ цѣлую жизнь.

«Началъ учиться по-татарски, языкъ, который здѣсь и вообще въ Азіи необходимъ, какъ французскій въ Европѣ.—Да жаль, теперь не доучусь, а впослѣдствіи могло-бы пригодиться. Я уже составлялъ планы ѣхать въ Мекку, въ Персію и проч., теперь остается только проситься въ экспедицію въ Хиву съ Перовскимъ.

«Ты видишь изъ этого, что я сдѣлался ужаснымъ бродягой, а право я расположенъ къ этого рода жизни. Если тебѣ вздумается отвѣчать мнѣ, то пиши въ Петербургъ; увы, не въ Царское Село; скучно ѣхать въ новый полкъ, я совсѣмъ отвыкъ отъ фронта, я серьезно думалъ выйти въ отставку».

«Прощай, любезный другъ, не забудь меня; и вѣрь все-таки, что самой большой печалью было то, что ты черезъ меня пострадалъ. Вѣчно тебѣ преданный М. Лермонтовъ».

Новый полкъ, о которомъ говоритъ Лермонтовъ въ этомъ письмѣ, былъ Гродненскій, стоявшій въ Новгородѣ, и куда былъ переведенъ поэтъ высочайшимъ приказомъ Императора Николая, даннымъ въ

Тифлисѣ, въ 1837 году октября 11-го, по ходатайству гр. Бенкендорфа.

До отъѣзда въ Россію Лермонтовъ успѣлъ побывать въ мѣстахъ, памятныхъ ему въ дѣтствѣ: такъ онъ посѣтилъ въ Шелкозаводскѣ Ак. Ак. Хостатова, сына сестры бабушки, Екатерины Алексѣевны. Хостатовъ былъ извѣстный всему Кавказу храбрецъ; похожденія его переходили изъ устъ въ уста. Случаи изъ жизни его послужили Лермонтову матеріаломъ для повѣсти «Бэла», въ которой изображенъ эпизодъ, бывшій съ Хостатовымъ, и для «Фаталиста», списаннаго съ происшествія, бывшаго съ Хостатовымъ же въ станицѣ Червленой.

Старая военно-грузинская дорога особенно поразила поэта своими красотами и массой легендъ. Тутъ именно зародилась въ немъ мысль перенести мѣсто дѣйствія поэмы «Демонъ» на Кавказъ. До сей поры оно было въ Испаніи.

Въ Пятигорскѣ и Ставрополѣ Лермонтовъ познакомился съ кружкомъ декабристовъ, находившихся въ отличныхъ отношеніяхъ съ докторомъ Н. В. Майеромъ. Майеръ былъ замѣчательный человѣкъ, группировавшій около себя лучшихъ людей и имѣвшій на многихъ самое благотворное вліяніе. Съ этого доктора Майера Лермонтовъ списалъ въ повѣсти своей «Княжна Мери» доктора Вернера, съ которымъ Печоринъ тоже знакомится въ С., т. е. Ставрополѣ.

Кстати вотъ какими словами передаетъ г. Висковатовъ воспоминаніе о Лермонтовѣ декабриста Назимова, съ которымъ поэтъ познакомился въ Пятигорскѣ:

«Лермонтовъ сначала охотно захаживалъ къ намъ и охотно и много говорилъ намъ о разныхъ вопросахъ личнаго, соціальнаго и политическаго міровоззрѣнія. Сознаюсь, мы плохо другъ друга понимали. Передать теперь черезъ сорокъ лѣтъ разговоры, которые мы вели, невозможно. Но насъ поражала какая-то словно сбивчивость, неясность его воззрѣній. Онъ являлся подъ-часъ какимъ-то реалистомъ, прилѣпленнымъ къ землѣ, безъ полета, тогда какъ въ поэзіи онъ рѣялъ высоко на могучихъ своихъ крылахъ. Надъ нѣкоторыми распоряженіями правительства, коимъ мы отъ души сочувствовали и о которыхъ мы мечтали въ нашей несчастной молодости, онъ глумился. Статьи журналовъ, особенно критическія, которыя являлись будто наслѣдіемъ лучшихъ умовъ Европы и заживо задѣвали насъ и вызывали восторги, что въ Россіи можно такъ писать, не возбуждали въ немъ удивленія. Онъ или молчалъ на прямой вопросъ, или отдѣлывался шуткой и сарказмомъ. Чѣмъ чаще мы видѣлись, тѣмъ менѣе клеилась серьезная бесѣда. А въ немъ теплился огонекъ оригинальной мысли—да впрочемъ и молодъ же онъ былъ еще»:

Странствіе Лермонтова передъ отправленіемъ въ Гродненскій полкъ продолжалось болѣе четырехъ мѣсяцевъ. Сначала по нездоровью онъ жилъ въ Пятигорскѣ; потомъ въ Ставрополѣ, Елисаветградѣ и другихъ городахъ; побывалъ въ Москвѣ и Петербургѣ. Здѣсь онъ былъ принятъ начальствомъ благосклонно. Его не торопили выѣздомъ въ полкъ, и онъ жилъ у бабушки, посѣщая общество и театры.

Въ то время въ большомъ свѣтѣ онъ былъ предметомъ общаго интереса. Онъ самъ говорилъ въ письмахъ, что въ первое время онъ былъ рѣшительно въ модѣ, его вырывали другъ отъ друга, и что весь народъ, котораго онъ оскорблялъ въ стихахъ своихъ, осыпалъ его ласкательствами. Это подтверждаетъ и Муравьевъ въ своихъ воспоминаніяхъ.

«Ссылка Лермонтова на Кавказъ, — говоритъ онъ, — надѣлала много шума; на него смотрѣли, какъ на жертву, и это быстро возвысило его поэтическую славу. Съ жадностью читали его стихи съ Кавказа, который послужилъ для него источникомъ вдохновенія.

«Лермонтовъ,—читаемъ мы далѣе въ тѣхъ же воспоминаніяхъ,— возвращенный съ Кавказа и преисполненный его вдохновеніями, принятъ былъ съ большимъ участіемъ въ столицѣ, какъ-бы преемникъ славы Пушкина, которому принесъ себя въ жертву; на Кавказѣ было дѣйствительно гдѣ искать вдохновенія: не только чудная красота исполинской его природы, но и дикіе нравы его горцевъ, съ которыми кипѣла жестокая борьба, могли воодушевить всякаго поэта, даже и съ меньшимъ талантомъ, нежели Лермонтовъ, ибо въ то время это было единственное мѣсто ратныхъ подвиговъ на шей гвардейской молодежи, и туда были устремлены взоры и мысли высшаго свѣтскаго общества. Юные воители, возвращаясь съ Кавказа, были принимаемы, какъ герои. Помню, что конно-гвардеецъ Глѣбовъ, выпущенный изъ плѣна горцевъ, сдѣлался предметомъ любопытства всей столицы. Одушевленные разсказы Марлинскаго рисовали Кавказъ въ самомъ поэтическомъ видѣ; пѣсни и поэмы Лермонтова гремѣли повсюду».

Будучи принятъ такимъ образомъ во многихъ петербургскихъ салонахъ, наиболѣе дружескій пріемъ Лермонтовъ находилъ въ домѣ Карамзиныхъ, у г-жи Смирновой, князя Одоевскаго и графини Ростопчиной. Въ то же время, поощренный своими успѣхами, съ особеннымъ жаромъ принялся онъ за перо, и это была эпоха самой плодотворной его дѣятельности. Такъ, кромѣ массы лирическихъ произведеній, въ «Современникѣ» 1837 и 38 годовъ были помѣщены «Бородино» и «Казначейша». Разсказъ Панаева о томъ, что «Казначейша» была напечатана безъ его спроса, опровергается письмомъ Лермонтова, изъ котораго видно, что онъ самъ отослалъ

эту пьесу Жуковскому, но онъ могъ быть недоволенъ какими-нибудь редакторскими или цензурными сокращеніями, такъ какъ поэма была напечатана съ очень многими пропусками. Неудовольствіе это, по словамъ Панаева, выразилось въ томъ, что, будучи у Краевскаго, онъ готовъ былъ разорвать книжку «Современника», гдѣ была напечатана «Казначейша», но Краевскій не допустилъ этого.

— Это чортъ знаетъ что такое! позволительно-ли дѣлать такія вещи!—говорилъ Лермонтовъ, размахивая книжкою... Это ни на что не похоже!

Онъ подсѣлъ къ столу, взялъ толстый красный карандашъ и на оберткѣ «Современника» набросалъ какую-то каррикатуру...

Но это была очевидно одна минутная вспышка противъ Жуковскаго, такъ какъ именно къ этому времени относится сближеніе Лермонтова съ послѣднимъ. Жуковскій пожелалъ видѣть новое восходящее свѣтило; Лермонтова представили ему, и принявъ дружественно молодого поэта, Жуковскій подарилъ ему экземпляръ «Ундины» съ собственноручной надписью. Около того же времени Жуковскій принялъ горячее участіе въ судьбѣ «Пѣсни о купцѣ Калашниковѣ», которая была выслана Лермонтовымъ съ Кавказа въ 1837 году Краевскому для помѣщенія въ «Литер. Прибавл. къ Русскому Инвалиду». Цензура находила совершенно невозможнымъ напечатать стихотвореніе человѣка, только-что сосланнаго на Кавказъ. Краевскій обратился тогда къ Жуковскому, который, будучи въ восторгѣ отъ «Пѣсни», далъ Краевскому письмо къ министру народнаго просвѣщенія. Уваровъ разрѣшилъ печатаніе подъ своей отвѣтственностью, не позволивъ однако выставить имени Лермонтова: «Пѣсня» была подписана: «·—въ».

Къ этому же времени относится и сближеніе Лермонтова съ Краевскимъ. По словамъ Панаева, Лермонтовъ въ это время (и въ послѣдующіе годы своего пребыванія въ Петербургѣ) часто бывалъ у Краевскаго по утрамъ, привозя ему свои новыя стихотворенія. По словамъ Панаева, онъ съ шумомъ вбѣгалъ въ его кабинетъ, заставленный фантастическими столами, полками и полочками, на которыхъ были аккуратно разставлены и разложены книги, журналы и газеты, подходилъ къ столу, за которымъ, глубокомысленно погруженный въ корректуры, сидѣлъ редакторъ, разбрасывалъ эти корректуры и бумаги по полу и производилъ страшную кутерьму на столѣ и въ комнатѣ. Однажды онъ даже опрокинулъ ученаго редактора со стула и заставилъ его барахтаться на полу въ коррек-

турахъ. Краевскому, при его всегдашней солидности, при его наклонности къ порядку и аккуратности, такія шуточки и школьничьи выходки не должны были нравиться: но онъ поневолѣ переносилъ это отъ великаго таланта, съ которымъ былъ на «ты», и, полуморщась, полуулыбаясь, говорилъ:

— Ну, полно, полно... перестань, братецъ, перестань...

Когда Краевскій приходилъ въ себя, поправлялъ свои волосы и отряхалъ свои одежды, поэтъ пускался въ разсказы о своихъ свѣтскихъ похожденіяхъ, прочитывалъ свои новые стихи и уѣзжалъ. Посѣщенія его были очень непродолжительны...

Разъ утромъ Лермонтовъ пріѣхалъ къ Краевскому и привезъ ему свое стихотвореніе: «Есть рѣчи», прочелъ его и спросилъ:

— Ну, что, годится?

— Еще-бы! дивная вещь,—отвѣчалъ Краевскій,—превосходно; но тутъ есть въ одномъ стихѣ маленькій грамматическій промахъ, неправильность...

— Что такое?—спросилъ съ безпокойствомъ Лермонтовъ.

«Изъ пламя и свѣта
Рожденное слово».

— Это неправильно, не такъ, возразилъ Краевскій,—по настоящему, по грамматикѣ надо сказать изъ пламени и свѣта.

— Да если этотъ пламень не укладывается въ стихъ? Это вздоръ, ничего,—вѣдь поэты позволяютъ себѣ разныя поэтическія вольности—и у Пушкина ихъ много. Однако (Лермонтовъ на минуту задумался)... дай-ка я попробую передѣлать этотъ стихъ.

Онъ взялъ листокъ со стихами, подошелъ къ высокому фантастическому столу Краевскаго съ выемкой, обмакнулъ перо и задумался. Такъ прошло минутъ пять. Мы молчали. Наконецъ, Лермонтовъ бросилъ съ досадой перо и сказалъ:

— Нѣтъ, ничего нейдетъ въ голову. Печатай такъ, какъ есть. Сойдетъ съ рукъ...

Пріобрѣтя «Отечественныя Записки» и начавши издавать ихъ подъ своей редакціей съ 1-го января 1839 г., Краевскій не замедлилъ привлечь къ сотрудничеству и Лермонтова. Кромѣ нѣсколькихъ лирическихъ стихотвореній, во второй книжкѣ журнала былъ помѣщенъ разсказъ «Бэла», а въ четвертой «Фаталистъ».

ГЛАВА X.

Лермонтовъ въ Новгородѣ.—Переводъ въ прежній полкъ.—Разочарованіе въ великосвѣтскомъ обществѣ и современномъ поколѣніи.—Воспоминанія о Лермонтовѣ И. С. Тургенева.—Маскарадъ въ дворянскомъ собраніи въ ночь на 1 января 1840 г.—Новыя тучи сгущаются надъ головою поэта.—Дуэль съ Де-Барантомъ.—Заключеніе.—Свиданіе съ Бѣлинскимъ.—Судъ и новая ссылка на Кавказъ.

Въ концѣ февраля 1838 г. Лермонтовъ пріѣхалъ, наконецъ, въ Новгородъ, въ свой полкъ, и остановился на одной квартирѣ съ Краснокутскимъ. Послѣ столичныхъ развлеченій, въ захолустномъ Новгородѣ ему конечно пришлось испытать самую убійственную скуку, заставившую его увлечься азартною игрою съ товарищами и два раза проиграть значительныя суммы. Въ теченіе полутора мѣсяца дважды онъ ѣздилъ въ Петербургъ въ отпускъ на 8 дней. Между тѣмъ бабушка усиленно хлопотала черезъ гр. Бенкендорфа о переводѣ Лермонтова въ прежній л.-гв. гусарскій полкъ. Хлопоты эти увѣнчались успѣхомъ. Великій князь Михаилъ Павловичъ далъ свое согласіе, и 9-го апрѣля 1838 г. Лермонтовъ былъ переведенъ въ л.-гв. гусарскій полкъ.

Но возвращеніе къ прежней жизни, вращавшейся между Царскимъ Селомъ въ кружкѣ военныхъ товарищей и петербургскимъ бомондомъ, мало утѣшало Лермонтова. Жизнь эта утратила уже для него ту прелесть и поэзію, въ которыхъ до его ссылки на Кавказъ главную роль игралъ первый пылъ молодости. Та скука, которую испытывалъ Лермонтовъ въ Новгородѣ, не покидала его и въ Царскомъ Селѣ, отражаясь и на его художественной производительности. «Я здѣсь попрежнему скучаю,—пишетъ онъ 8-го іюня С. А. Раевскому,—ученье и маневры производятъ только усталость. Писать не пишу, печатать хлопотно, да и пробовалъ, но неудачно».

Начало претить Лермонтову и все петербургское общество во всѣхъ его слояхъ,—пустое, ничтожное, скучающее, чуждое какихъ-либо высшихъ интересовъ и руководящихъ идеаловъ. Съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе накипало у него противъ всѣхъ окружающихъ людей озлобленіе, заставлявшее его быть безпощадно-язвительнымъ и дерзкимъ. Плодомъ этого настроенія и была извѣстная «Дума», относящаяся какъ разъ къ этому времени, преисполнен-

ная того мрачнаго пессимизма, съ какимъ началъ смотрѣть поэтъ на все современное ему поколѣніе.

Петербургское великосвѣтское общество въ свою очередь съ каждымъ днемъ начало все болѣе и болѣе раздражаться отношеніемъ къ нему Лермонтова. Хотя Муравьевъ и говоритъ, что Лермонтовъ въ это время былъ въ модѣ и его чуть не носили на рукахъ, но очевидно онъ разумѣетъ здѣсь лишь наиболѣе просвѣщенныхъ людей, способныхъ цѣнить въ Лермонтовѣ генія. Но далеко не всѣ принадлежали къ этому числу. Положеніе поэта напоминало часто положеніе Пушкина въ придворныхъ кружкахъ. Много у него было ненавистниковъ, находившихъ, что, являясь въ высшихъ сферахъ, онъ «садился не въ свои сани», а дерзость его еще болѣе вооружала противъ него; и никакъ не могли простить, что молодой гвардейскій офицерикъ выказывалъ независимость характера и презрительность въ обращеніи съ людьми, требовавшими поклоненія и выраженія униженнаго почтенія. Не мало способствовало чувству непріязни къ поэту вниманіе, оказываемое ему женщинами, въ которыхъ былъ влюбленъ весь петербургскій бомондъ, каковы были графиня Мусина-Пушкина и княгиня Щербатова, урожденная Штеричъ. Общая и съ каждымъ днемъ возраставшая непріязнь къ Лермонтову въ мужскомъ полѣ свѣтскихъ салоновъ рельефно выразилась въ повѣсти «Большой свѣтъ», написанный гр. Соллогубомъ по желанію лицъ изъ высшихъ сферъ.

Вотъ какимъ представлялся Лермонтовъ въ это самое время И. С. Тургеневу, который говоритъ о немъ въ своихъ воспоминаніяхъ:

«Лермонтова я видѣлъ всего два раза: въ домѣ одной знатной петербургской дамы, княгини Ш—ой, и нѣсколько дней спустя на маскарадѣ въ Благородномъ собраніи подъ новый 1840 годъ. У княгини Ш—ой я, весьма рѣдкій, непривычный посѣтитель свѣтскихъ вечеровъ, лишь издали, изъ уголка, куда я забился, наблюдалъ за быстро вошедшимъ въ славу поэтомъ. Онъ помѣстился на низкомъ табуретѣ передъ диваномъ, на которомъ, одѣтая въ черное платье, сидѣла одна изъ тогдашнихъ столичныхъ красавицъ—бѣлокурая графиня М. П.—рано погибшее, дѣйствительно прелестное созданіе. На Лермонтовѣ былъ мундиръ лейбъ-гвардіи гусарскаго полка; онъ не снялъ ни сабли, ни перчатокъ—и, сгорбившись и насупившись, угрюмо посматривалъ на графиню. Она мало съ нимъ разговаривала и чаще обращалась къ сидѣвшему рядомъ съ нимъ графу Ш—у, тоже гусару. Въ наружности Лермонтова было что-то зловѣщее и трагическое; какой-то сумрачной и недоброй силой, задумчивой презрительностью и страстью вѣяло отъ его смуглаго лица, отъ его большихъ и неподвижно-темныхъ глазъ. Ихъ тяжелый взоръ странно не

согласовался съ выраженіемъ почти дѣтскихъ, нѣжныхъ и выдававшихся губъ. Вся его фигура, приземистая, кривоногая, съ большой головой на сутулыхъ широкихъ плечахъ, возбуждала ощущеніе непріятное; но присущую мощь тотчасъ сознавалъ всякій. Извѣстно, что онъ до нѣкоторой степени изобразилъ самого себя въ Печоринѣ. Слова: «Глаза его не смѣялись, когда онъ смѣялся» и т. д., дѣйствительно примѣнялись къ нему. Помнится, графъ Ш. и его собесѣдница внезапно засмѣялись чему-то и смѣялись долго; Лермонтовъ также засмѣялся, но въ то же время съ какимъ-то обиднымъ удивленіемъ оглядывалъ ихъ обоихъ. Несмотря на это, мнѣ все-таки казалось, что и графа Ш. онъ любилъ какъ товарища—и къ графинѣ питалъ чувство дружелюбное. Не было сомнѣнія, что онъ, слѣдуя тогдашней модѣ, напустилъ на себя извѣстнаго рода байроновскій жанръ, съ примѣсью другихъ, еще худшихъ капризовъ и чудачествъ. И дорого же онъ поплатился за нихъ! Внутренно Лермонтовъ вѣроятно скучалъ глубоко, онъ задыхался въ тѣсной сферѣ, куда его втолкнула судьба.

«На балѣ Дворянскаго собранія ему не давали покоя, безпрестанно приставали къ нему, брали его за руки: одна маска смѣнялась другою, а онъ почти не сходилъ съ мѣста и молча слушалъ ихъ писк, поочередно обращая на нихъ свои сумрачные глаза. Мнѣ тогда же почудилось, что я уловилъ на лицѣ его прекрасное выраженіе поэтическаго творчества. Быть можетъ ему приходили въ голову тѣ стихи:

«Когда касаются холодныхъ рукъ моихъ
Съ небрежной смѣлостью красавицъ городскихъ
Давно безтрепетныя руки... и т. д.

Этотъ самый маскарадъ въ Дворянскомъ собраніи въ ночь на 1 января 1840 года имѣлъ для Лермонтова роковое значеніе. Здѣсь онъ имѣлъ столкновеніе съ двумя высокопоставленными масками, явившимися въ маскарадъ инкогнито, и хотя не всѣмъ было извѣстно, кто онѣ такія, но тѣмъ не менѣе онѣ были окружены надлежащимъ почтеніемъ. Заинтересованныя молодымъ поэтомъ, проходя мимо него, онѣ что-то сказали ему. Лермонтовъ не остался въ долгу, онъ даже прошелся съ пышными домино, смущенно поспѣшившими искать убѣжища. Выходка молодого офицера была для нихъ совершенно неожиданной и казалось имъ до невѣроятія дерзновенною. Поведеніе Лермонтова являлось нарушеніемъ этикета, но обратить на это вниманіе и придать значеніе оказалось неудобнымъ, значило бы придавать гласности то, что прошло незамѣченнымъ для большинства публики. Тѣмъ не менѣе случай этотъ вооружилъ противъ Лермонтова и начальство, находившее, что поэтъ въ поведеніи своемъ заходитъ за границу дозволяемаго. Недавно возвращенный изъ ссылки и прощенный съ тѣмъ условіемъ, что онъ службою за-

гладитъ вину, онъ былъ обязанъ держать себя скромно, а не ровнею среди «благосклонно» допускавшаго его общества. Даже и заниматься литературою ему непреличествовало: «надо было служить, а не писать стиховъ». Еще недавно приказомъ отъ 6-го декабря 1839 года провинившагося офицера поощрили, произведя его въ чинъ поручика. Но онъ не хотѣлъ понимать, чего онъ него требовали. Неблагодарный, онъ рвался изъ службы, желалъ выйти въ отставку. Ему попрежнему настоятельно отсовѣтовали. Онъ просился въ годовой отпускъ—отказали, на 28 дней—отказали, на 14—тоже. Онъ просилъ о переводѣ на Кавказъ—не позволили. Послѣ же случая въ маскарадѣ даже и гр. Бенкендорфъ, прежде покровительствовавшій ему, сдѣлался его гонителемъ. Однимъ словомъ надъ головой поэта со всѣхъ сторонъ сгущались черныя тучи. Столкновеніе Лермонтова съ сыномъ французскаго посланника де-Барантомъ, помогло имъ разразиться.

Причина этого столкновенія заключалось въ томъ, что оба молодые люди ухаживали за кн. Щербатовой (къ ней относится піеса «На свѣтскія цѣпи»), но Лермонтовъ былъ осчастливленъ предпочтеніемъ. Раздраженный этимъ де-Барантъ, встрѣтивъ Лермонтова 16 февраля 1840 г. на балу графини Лаваль, обратился къ нему съ укоромъ за то, что тотъ будто-бы отозвался о немъ неодобрительно и колко въ присутствіи особы, за которой оба они ухаживали. Лермонтовъ объявилъ это клеветой и сплетнями. Де-Барантъ выразилъ недовѣріе къ словамъ Лермонтова и прибавилъ, что «если переданное ему справедливо, то Лермонтовъ поступилъ дурно».

— «Я ни совѣтовъ, ни выговоровъ не принимаю и нахожу поведеніе ваше смѣшнымъ и дерзкимъ (drôle et impertinent))»,—отвѣчалъ Лермонтовъ.

— «Если-бы я былъ въ своемъ отечествѣ,—замѣтилъ на это де-Барантъ,—то зналъ-бы какъ кончить дѣло!»

— «Повѣрьте, что въ Россіи слѣдуютъ правиламъ чести такъ же строго, какъ и вездѣ, и что мы русскіе не меньше другихъ позволяемъ оскорблять себя безнаказанно»—возразилъ Лермонтовъ. Тогда со стороны де-Баранта послѣдовалъ вызовъ. Лермонтовъ тутъ жена балѣ просилъ къ себѣ въ секунданты Столыпина. Секундантомъ де-Баранта былъ поручикъ гвардіи графъ Рауль д'Англесъ, французскій подданный. Такъ какъ де-Барантъ почиталъ себя обиженнымъ, то Лермонтовъ предоставилъ ему выборъ оружія. Когда же Столыпинъ пріѣхалъ къ де-Баранту поговорить объ условіяхъ, то молодой французъ объявилъ, что будетъ драться на шпагахъ. Это

удивило Столыпина. «Но Лермонтовъ, можетъ быть, не дерется на шпагахъ»,—замѣтилъ онъ.

— «Какъ-же это офицеръ не умѣетъ владѣть своимъ оружіемъ?»—возразилъ де-Барантъ. «Его оружіе—сабля, отвѣчалъ Столыпинъ,—какъ кавалерійскаго офицера, и если вы уже того хотите, то Лермонтову слѣдуетъ драться на саблях. У насъ въ Россіи не привыкли впрочемъ употреблять это оружіе на дуэляхъ, а дерутся на пистолетахъ, которые вѣрнѣе и рѣшительнѣе кончаютъ дѣло». Де-Барантъ поставилъ на своемъ. Положили на томъ, что дуэль будетъ на шпагахъ до первой крови, потомъ на пистолетахъ. Для примиренія противниковъ, по увѣренію Столыпина, были приняты всѣ мѣры, но тщетно, потому что де-Барантъ настаивалъ на извиненіи, а Лермонтовъ не хотѣлъ извиняться. Дуэль состоялась. Противники со своими секундантами съѣхались за Черной рѣчкой, близъ Парголовской дороги. Шпаги привезли де-Барантъ и д'Англесъ, пистолеты принадлежали Столыпину. Постороннихъ лицъ при этомъ не было. Въ самомъ началѣ дуэли у шпаги Лермонтова переломился конецъ, и де-Барантъ нанесъ ему рану въ грудь. Рана была поверхностная—царапина, шедшая отъ груди къ правому боку. По условію, взялись за пистолеты. Столыпинъ и графъ д'Англесъ зарядили ихъ, и противники были поставлены на разстояніи 20 шаговъ. Они должны были стрѣлять по сигналу вмѣстѣ; по слову «разъ»—приготовляться, «два»—цѣлить, «три»—выстрѣлить. По счету «два» Лермонтовъ поднялъ пистолетъ не цѣлясь. Барантъ цѣлился. По счету «три» оба спустили курки. Выстрѣлы послѣдовали такъ скоро одинъ за другимъ, что нельзя было опредѣлить, чей былъ сдѣланъ прежде.

По окончаніи поединка Лермонтовъ заѣхалъ къ Краевскому, который жилъ тогда у Измайловскаго моста. Здѣсь онъ обмылъ рану. По разсказу Краевскаго, онъ былъ сильно окровавленъ, но несмотря на представленія пріятеля, отказывался перевязать рану, а только переодѣлся въ чистое его бѣлье и попросилъ завтракать. Онъ былъ веселъ, шутилъ и сыпалъ остротами. Извѣстіе о дуэли быстро разнеслось по городу и дошло до полкового командира Лермонтова генералъ-маіора Плаутина, который потребовалъ отъ Лермонтова объясненій. Лермонтовъ отвѣчалъ письмомъ, въ которомъ выяснилъ обстоятельства дѣла. Его объясненіями не удовлетворились и поставили ему нѣсколько вопросныхъ пунктовъ. Лермонтовъ однако не оказался особенно откровеннымъ: на одни вопросы отвѣчалъ уклончиво, на другіе ничего не отвѣчалъ; въ особенности упорно

скрылъ имя особы, изъ-за которой была дуэль. Марта 10 Лермонтовъ былъ арестованъ и посаженъ въ ордонансъ-гаусъ...

Въ ордонансъ-гаусъ, по словамъ кузена Лермонтова, А. П. Шанъ-Гирея, къ Лермонтову никого не пускали.

«Бабушка, читаемъ мы въ его воспоминаніяхъ, лежала въ параличѣ и не могла выѣзжать; однако же, чтобы Мишѣ было не такъ скучно и чтобы имѣть о немъ ежедневный и достовѣрный бюллетень, она успѣла выхлопотать у тогдашняго коменданта или плацъ-маіора, не помню хорошенько, барона З***, чтобы онъ позволилъ впускать меня къ арестанту. Благородный баронъ сжалился надъ старушкой и разрѣшилъ мнѣ подъ своей отвѣтственностью свободный входъ; только у меня всегда отбирали на лѣстницѣ шпагу (меня тогда произвели и оставили въ офицерскихъ классахъ дослушивать курсъ). Лермонтовъ не былъ печаленъ; мы толковали про городскія новости, про новые французскіе романы, наводнявшіе тогда, какъ и теперь, наши будуары, играли въ шахматы, много читали, между прочимъ, Андре Шенье, Гейне и ямбы Барбье; послѣдніе ему не нравились. Здѣсь написана была пьеса «Сосѣдка», только съ маленькимъ прибавленіемъ. Она дѣйствительно была интересная сосѣдка,—я ее видѣлъ въ окно,—но рѣшетокъ у окна не было, и она была вовсе не дочь тюремщика, а вѣроятно дочь какого-нибудь чиновника, служащаго въ ордонасъ-гаузѣ, гдѣ и тюремщиковъ нѣтъ, а часовой съ ружьемъ точно стоялъ у двери; я всегда около него ставилъ свою шпагу».

Марта 17-го Лермонтова перевели въ арсенальную гауптвахту на Литейной, гдѣ нынѣ казенный гильзовый заводъ. Здѣсь уже былъ свободный доступъ къ Лермонтову посѣтителей, и его навѣщали многіе товарищи, родные, великосвѣтскіе знакомые м писатели. Въ это время видѣлся съ нимъ и извѣстный критикъ В. Гр. Бѣлинскій; передъ тѣмъ Бѣлинскій часто встрѣчался съ Лермонтовымъ у Краевскаго. Горячій поклонникъ его таланта, Бѣлинскій пробовалъ не разъ заводить съ поэтомъ серьезный разговоръ, но изъ этого никогда ничего не выходило. Лермонтовъ всегда отдѣлывался шуткой или просто прерывалъ его, а Бѣлинскій приходилъ въ смущеніе и жаловался потомъ на то, что Лермонтовъ нарочно щеголялъ свѣтскою пустотою: «Сомнѣваться въ томъ, что Лермонтовъ уменъ, было-бы довольно странно, но я ни разу не слыхалъ отъ него дѣльнаго и умнаго слова».

Узнавъ отъ Краевскаго объ арестѣ Лермонтова, Бѣлинскій рѣшился навѣстить его. «Я попалъ очень удачно,—разсказывалъ онъ Панаеву,—у него никого не было. Ну, батюшка, въ первый разъ я видѣлъ этого человѣка—настоящимъ человѣкомъ! Вы знаете

мою свѣтскость и ловкость: я вошелъ къ нему и сконфузился по обыкновенію, думаю себѣ: ну, зачѣмъ меня принесла къ нему нелегкая! Мы едва знакомы, общихъ интересовъ у насъ никакихъ, я буду его женировать, онъ меня... Что еще связываетъ насъ немного, такъ это любовь къ искусству, но онъ не поддается на серьезные разговоры... я, признаюсь досадовалъ на себя и рѣшился пробыть у него не болѣе четверти часа... Первыя минуты мнѣ было неловко, но потомъ у насъ завязался какъ-то разговоръ объ англійской литературѣ и Вальтеръ-Скоттѣ...—«Я не люблю Вальтеръ-Скотта», сказалъ мнѣ Лермонтовъ, «въ немъ мало поэзіи. Онъ сухъ»,—и началъ развивать эту мысль, постепенно одушевляясь. Я смотрѣлъ на него—и не вѣрилъ ни глазамъ, ни ушамъ своимъ. Лицо его приняло натуральное выраженіе, онъ былъ въ эту минуту самимъ собою... Въ словахъ его было столько истины, глубины и простоты! Я въ первый разъ видѣлъ настоящаго Лермонтова, какимъ я всегда желалъ его видѣть. Онъ перешелъ отъ Вальтеръ-Скотта къ Куперу и говорилъ о Куперѣ съ жаромъ, доказывалъ, что въ немъ несравненно болѣе поэзіи, чѣмъ въ Вальтеръ-Скоттѣ, и доказывалъ это съ тонкостью, съ умомъ—и, что удивило меня, даже съ увлеченіемъ .. Боже мой! Сколько эстетическаго чутья въ этомъ человѣкѣ! Какая нѣжная и тонкая поэтическая душа въ немъ!.. Не даромъ же меня такъ тянуло къ нему. Мнѣ, наконецъ, удалось-таки его видѣть въ настоящемъ свѣтѣ. А вѣдь чудакъ! Онъ, я думаю, раскаивается, что допустилъ себя хотя на минуту быть самимъ собою,—я увѣренъ въ этомъ».

Въ этой четырехчасовой бесѣдѣ Лермонтовъ открылъ Бѣлинскому свои литературные планы, и не удивительно, что впечатлительный Бѣлинскій, придя съ этого разговора прямо къ Панаеву, изображалъ на лицѣ своемъ все восхищеніе, вызванное имъ. Тогдато, должно быть, Лермонтовъ сообщилъ Бѣлинскому свой замыселъ, написать романическую трилогію, три романа изъ трехъ эпохъ жизни русскаго общества (вѣка Екатерины II-й, Александра I-го и современной ему эпохи). Эти романы должны были имѣть между собою связь и нѣкоторое единство, по примѣру Куперовской тетралогіи, начинавшейся «Послѣднимъ Могиканомъ», продолжающейся «Путеводителемъ въ пустыню», «Піонерами» и оканчивающейся «Степями».

«Недавно я былъ у Лермонтова въ заточеніи—пишетъ Бѣлинскій около того времени Боткину,—въ первый разъ поразговорился съ нимъ отъ души. Глубокій и могучій духъ! Какой глубокій и чисто

непосредственный вкусъ изящнаго. О, это будетъ русскій поэтъ съ Ивана Великаго! Чудная натура!»

Впослѣдствіи въ концѣ 1840 года и въ началѣ 1841-го Бѣлинскій видался не разъ съ Лермонтовымъ, но серьезныхъ разговоровъ съ нимъ болѣе не велъ.

Сидя на арсенальной гауптвахтѣ, Лермонтовъ написалъ пьесу «Журналистъ, читатель и писатель», помѣченную 21-го марта.

Дѣло Лермонтова между тѣмъ шло своимъ путемъ и принимало не дурной для него оборотъ, благодаря хлопотамъ бабушки и сильной протекціи родственниковъ. Да и самыя обстоятельства дѣла всѣ слагались въ пользу поэта. Онъ не вызывалъ, а былъ вызванъ, и дуэль принялъ какъ-бы для того, чтобы «поддержать честь русскаго офицера», по выраженію опредѣленія, составленнаго генералъ-ауди-торіатомъ. Выстрѣлилъ Лермонтовъ на воздухъ, слѣдовательно не желалъ убить де-Баранта, что въ юридическомъ смыслѣ имѣетъ большой вѣсъ. Выясненныя обстоятельства дѣла побуждали къ освобожденію Лермонтова отъ обвиненія въ намѣреніи убить противника, но показаніе Лермонтова, что онъ стрѣлялъ въ сторону, дошедши до де-Баранта, страшно возмутило послѣдняго: онъ вовсе не желалъ считать себя обязаннымъ великодушію противника, и заявилъ, что, распуская такіе слухи, Лермонтовъ лгалъ. Извѣщенный о томъ Лермонтовъ тотчасъ рѣшился попросить къ себѣ де-Баранта для личныхъ объясненій и написалъ письмо графу Браницкому, прося его передать Баранту желаніе свидѣться съ нимъ въ помѣщеніи арсенальной гауптвахты. Барантъ согласился, но онъ не могъ открыто явиться къ Лермонтову, такъ какъ оффиціально считался выбывшимъ заграницу и оставался въ Петербургѣ лишь инкогнито. Свиданіе поэтому должно было имѣть характеръ секретнаго.

Марта 22-го, въ 8 часовъ вечера, де-Барантъ подъѣхалъ къ арсенальной гауптвахтѣ верхомъ на лошади. Въ караулѣ тогда стояли прикомандированный къ гвардейскому экипажу мичманъ 28 экипажа Кригеръ, дежурнымъ по караулу былъ капитанъ-лейтенантъ гвардейскаго экипажа Эссенъ. Ни офицеры, ни нижніе чины (какъ они позднѣе показывали) не замѣтили выхода Лермонтова. Вотъ какъ самъ Лермонтовъ писалъ объ этомъ свиданіи.

«Въ 8 часовъ вечера я вышелъ въ корридоръ между офицерскою и солдатскою караульными комнатами, не спрашивая караульнаго офицера и безъ конвоя, который ведетъ и наверхъ въ коммиссію. Я спросилъ его (де-Баранта): «правда-ли, что онъ не доволенъ моимъ показаніемъ?» Онъ отвѣчалъ: «Дѣйствительно, я не знаю,

почему вы говорите, что стрѣляли на воздухъ, не цѣля». Тогда я отвѣтилъ, что говорю это по двумъ причинамъ: во-первыхъ потому, что это правда, а во-вторыхъ, что я не вижу нужды скрывать вещь, которая не должна быть ему непріятна, а мнѣ можетъ служить въ пользу, но что если онъ не доволенъ этимъ моимъ объясненіемъ, то когда я буду освобожденъ, и когда онъ возвратится, то я тогда буду вторично съ нимъ стрѣляться, если онъ того желаетъ. Послѣ того де-Барантъ, отвѣтивъ мнѣ, «что онъ драться не желаетъ, ибо совершенно удовлетворенъ моимъ объясненіемъ», уѣхалъ».

Неизвѣстно какимъ образомъ это тайное свиданіе двухъ соперниковъ дошло до свѣдѣнія начальства, но только это удовольствіе личнаго объясненія стоило Лермонтову новаго процесса, и его судили теперь за побѣгъ изъ-подъ ареста обманомъ, и за вторичный вызовъ на дуэль во время нахожденія подъ арестомъ.

Военный судъ 5-го апрѣля того же 1840 года приговорилъ Лермонтова къ лишенію чиновъ и правъ состоянія.

Съ этою сентенціею дѣло о Лермонтовѣ шло по инстанціямъ. Генералъ-аудиторіатъ, выслушавъ докладъ аудиторіатскаго департамента по этому дѣлу, составилъ слѣдующее опредѣленіе: «Подсудимый Лермонтовъ, за свои поступки, на основаніи законовъ, подлежитъ лишенію чиновъ и дворянскаго достоинства, съ записаніемъ въ рядовые; но принимая во вниманіе: а) то, что онъ, принявъ вызовъ де-Баранта, желалъ тѣмъ поддержать честь русскаго офицера; б) дуэль его не имѣла вредныхъ послѣдствій; в) выстрѣливъ въ сторону, онъ выказалъ тѣмъ похвальное великодушіе и г) усердную его службу, засвидѣтельствованную начальствомъ, генералъ-аудиторіатъ полагаетъ: 1) Лермонтову, вмѣнивъ въ наказаніе содержаніе его подъ арестомъ съ 10 марта, выдержать его еще подъ арестомъ въ крѣпости на гауптвахтѣ три мѣсяца и потомъ выписать въ одинъ изъ армейскихъ полковъ тѣмъ же чиномъ; 2) поступки Столыпина и графа Браницкаго передать разсмотрѣнію гражданскаго суда; 3) капитанъ-лейтенанту гвардейскаго экипажа дежурному по караулу Эссену, за допущеніе безпорядковъ на гауптвахтѣ, объявить замѣчаніе и 4) мичману Кригеру, бывшему также на караулѣ въ арсенальной гауптвахтѣ, въ уваженіе молодыхъ его лѣтъ, вмѣнить въ наказаніе содержаніе его подъ арестомъ».

Опредѣленіе генералъ-аудиторіата являлось даже мягкимъ сравнительно съ требованіями начальствующихъ лицъ. Въ этомъ случаѣ смягченіемъ приговора поэтъ былъ обязанъ великому князю Михаилу Павловичу, которому особенно понравилось, что молодой

офицеръ вступился передъ французомъ за честь русскаго воинства. Приговоръ былъ поданъ на высочайшую конфирмацію. Прочитавъ подробный докладъ о дуэли Лермонтова, государь императоръ Николай Павловичъ своею рукою на рѣшеніи генералъ-аудиторіата написалъ слѣдующую конфирмацію: «Поручика Лермонтова перевести въ Тенгинскій пѣхотный полкъ, тѣмъ же чиномъ, поручика же Столыпина и графа Браницкаго освободить отъ надлежащей отвѣтственности, объявивъ первому, что въ его званіи и лѣтахъ полезно служить, а не быть праздными. Въ прочемъ быть по сему. Николай.

Санктпетербургъ 1840 г. апрѣля 13 дня.»

На оберткѣ написано рукою государя: «исполнить сего же дня».

Однако отправка Лермонтова замѣшкалась; не знали, какъ привести въ исполненіе Высочайшее повелѣніе. Начальникъ штаба гвардейскаго корпуса генералъ-адъютантъ Веймарнъ объяснилъ военному министру графу Чернышеву, что генералъ-аудиторіатъ предполагалъ выдержать Лермонтова три мѣсяца въ крѣпости, и что изъ Высочайшей конфирмаціи не видно, слѣдуетъ-ли это исполнить.—Военный министръ отъ 19-го апрѣля послалъ отношеніе объ этомъ къ его высочеству, великому князю Михаилу Павловичу, какъ командиру гвардейскаго корпуса, съ извѣщеніемъ, что входилъ съ докладомъ о дѣлѣ семъ къ Его Величеству и что Государь изволилъ сказать, что переводомъ Лермонтова въ Тенгинскій полкъ желалъ ограничить наказаніе.

Но избѣгнувъ заключенія въ крѣпости, Лермонтовъ испыталъ еще одну напасть. Его потребовали къ гр. Бенкендорфу, и тотъ настоятельно требовалъ, чтобы Лермонтовъ написалъ письмо къ де-Баранту, въ которомъ заявилъ-бы, что несправедливо показалъ въ судѣ, что стрѣлялъ на воздухъ. Такое письмо могло навсегда уронить поэта во мнѣніи свѣта и сдѣлало-бы положеніе въ немъ невозможнымъ. Тогда Лермонтовъ рѣшился опять обратиться къ защитѣ великаго князя Михаила Павловича и написалъ ему письмо, въ коемъ, объяснивъ требованіе г. Бенкендорфа, говоритъ, что исполнить его не можетъ, потому что оно несовмѣстимо съ истиной и что, исполнивъ его, Лермонтовъ «невинно и невозвратно теряетъ имя благороднаго человѣка». Великій князь вполнѣ согласился съ необходимостью защитить «честь русскаго офицера», и поэтъ вновь избѣгнулъ великой опасности утратить свое доброе имя вслѣдствіе недостойной интриги.

Друзья и пріятели собрались въ квартирѣ Карамзиныхъ проститься съ юнымъ другомъ своимъ, и тутъ растроганный вниманіемъ къ себѣ и непритворною любовью собравшагося кружка, стоя въ окнѣ и глядя на тучи, онъ написалъ стихотвореніе «Тучки небесныя».

Софья Карамзина и нѣсколько человѣкъ гостей окружили поэта и просили прочесть только что набросанное стихотвореніе. Онъ оглянулъ всѣхъ грустнымъ взглядомъ выразительныхъ глазъ своихъ и прочелъ его. Когда онъ кончилъ, глаза были влажные отъ слезъ. Поэтъ двинулся въ путь прямо отъ Карамзиныхъ. Тройка, увозившая его, подъѣхала къ подъѣзду ихъ дома.

Піеской «Тучи» поэтъ заключилъ и первое изданіе своихъ стихотвореній, вышедшихъ въ концѣ 1840 года.

ГЛАВА XI.

Лермонтовъ въ Ставрополѣ.—Отправленіе въ дѣйствующую армію. — Походная жизнь.—Предводительство отрядомъ Дорохова.—Бой подъ Валерикомъ.—Отзывы сослуживцевъ.—Встрѣча съ французскою писательницею Гомперъ-де-Гель и тайное путешествіе въ Крымъ.

По пріѣздѣ на Кавказъ, въ Ставрополь, Лермонтовъ былъ назначенъ въ дѣйствующій противъ чеченцевъ отрядъ генерала Галафѣева на лѣвомъ флангѣ кавказской линіи. Смѣлыя дѣйствія Шамиля и попытка русскихъ обезоружить чеченцевъ взволновали къ этому времени все дикое населеніе Большой и Малой Чечни. Въ 1840 году рѣшено было перенести кубанскую линію на рѣку Лабу и затѣмъ заселить мѣстность между рѣками Кубанью и Лабой казачьими станицами. Для начала этого предпріятія должны были дѣйствовать два отряда: на правомъ флангѣ линіи—лабинскій отрядъ генералалейтенанта Засса, и на лѣвомъ—чеченскій отрядъ генералъ-лейтенанта Галафѣева. надъ обоими отрядами начальствовалъ генералъ адъютантъ П. Х. Граббе.

До отправленія на мѣсто военныхъ дѣйствій, Лермонтовъ проживалъ въ Ставрополѣ, среди очень интереснаго общества, сходившагося большею частью у капитана генер. штаба барона Ип. Ал. Вревскаго; здѣсь кромѣ Лермонтова и Монго-Столыпина можно было видѣть гр. Карла Ламберти, Сергѣя Трубецкого (брата Воронцовой-Дашковой), Льва Серг. Пушкина, Р. Н. Дорохова, Д. С. Бибикова, барона Россильена, доктора Майера и нѣсколькихъ декабристовъ,

изъ числа которыхъ Мих. Александр. Назимовъ являлся особенно излюбленною личностью. Къ Вревскому и Назимову Лермонтовъ относился съ уваженіемъ и «съ ними никогда не позволялъ себѣ тона легкой насмѣшки», которая зачастую отмѣчала его отношенія къ другимъ лицамъ. «Со мною, какъ съ младшимъ въ избранной средѣ упомянутыхъ лицъ, Лермонтовъ школьничалъ до предѣловъ возможнаго»—разсказываетъ г. Есаковъ—«а когда замѣчалъ, что теряю терпѣніе, онъ, бывало, ласковымъ словомъ или добрымъ взглядомъ тотчасъ уйметъ мой пылъ».

Въ половинѣ іюня Лермонтовъ отправился, наконецъ, въ отрядъ Галафѣева, въ крѣпость Грозную. 6-го же іюля отрядъ Галафѣева, выступилъ въ экспедицію на Малую Чечню, переправился черезъ рѣку Сунжу и прошелъ черезъ ущелье Ханъ-Калу.

Непріятель тамъ и сямъ показывался на пути отряда, но дѣло ограничивалось незначительными перестрѣлками. Лермонтовъ въ этомъ походѣ сблизился съ прапорщикомъ Р. Н. Дороховымъ, отчаяннымъ храбрецомъ и повѣсой, который за свои шалости и удалыя проказы чуть не три раза былъ разжалованъ въ солдаты. Этотъ Дороховъ составилъ команду человѣкъ во сто изъ казаковъ, татаръ, кабардинцевъ, словомъ—людей всѣхъ племенъ, были и такіе, что и сами забыли, откуда родомъ. Отчаянные удальцы-головорѣзы, закаленные въ схваткахъ съ горцами, они смотрѣли на войну, какъ на ремесло. Опасность, удальство, лишенія и разгулъ были ихъ лозунгомъ. Огнестрѣльное оружіе они презирали и рѣзались шашками и кинжалами, въ удалыхъ схваткахъ, въ рукопашную. Раненый во время экспедиціи, Дороховъ поручилъ отрядъ свой Лермонтову, который умѣлъ привязать къ себѣ людей, совершенно входя въ ихъ образъ жизни. Онъ спалъ на голой землѣ, ѣлъ съ ними изъ одного котла и раздѣлялъ всѣ трудности похода. Въ послѣдній пріѣздъ свой въ Петербургъ Лермонтовъ разсказывалъ объ этой своей командѣ А. А. Краевскому и подарилъ ему кинжалъ, служившій ему въ походѣ.

Въ оффиціальныхъ донесеніяхъ объ этой экспедиціи, при представленіи Лермонтова къ наградѣ, было сказано: «Ему была поручена конная команда изъ казаковъ-охотниковъ, которая, находясь всегда впереди отряда, первая встрѣчала непріятеля и, выдерживая его натиски, весьма часто обращала въ бѣгство сильныя партіи».

Боевой и весьма умный генералъ П. Хр. Граббе высоко цѣнилъ Лермонтова, какъ талантливаго, дѣльнаго и храбраго офицера. Но были у Лермонтова и враги. Такъ старшій офицеръ генеральнаго

штаба баронъ Л. В. Россильёнъ, сообщилъ г. Висковатову свои воспоминанія о Лермонтовѣ въ такомъ родѣ:

«Лермонтовъ былъ непріятный, насмѣшливый человѣкъ и хотѣлъ казаться чѣмъ то особеннымъ. Онъ хвасталъ своею храбростью, какъ будто на Кавказѣ, гдѣ всѣ были храбры, можно было кого-либо удивить ею?

«Лермонтовъ собралъ какую то шайку грязныхъ головорѣзовъ. Они не признавали огнестрѣльнаго оружія, врѣзывались въ непріятельскіе аулы, вели партизанскую войну и именовались громкимъ именемъ Лермонтовскаго отряда. Длилось это не долго впрочемъ, потому что Лермонтовъ нигдѣ не могъ усидѣть, вѣчно рвался куда-то и ничего не доводилъ до конца. Когда я его видѣлъ на Сулакѣ, онъ былъ мнѣ противенъ необычайною своею неопрятностью. Онъ носилъ красную канаусовую рубашку, которая, кажется, никогда не стиралась и глядѣла почернѣвшею изъ подъ вѣчно растегнутаго сюртука поэта, который носилъ онъ безъ эполетъ, что впрочемъ было на Кавказѣ въ обычаѣ. Гарцовалъ Лермонтовъ на бѣломъ, какъ снѣгъ, конѣ, на которомъ, молодецки заломивъ бѣлую холщевую шапку, бросался на чеченскіе завалы. Чистое молодечество! — ибо кто же кидался на завалы верхомъ? Мы надъ нимъ за это смѣялись».

Между прочимъ баронъ возмущался и тѣмъ, что Лермонтовъ ходилъ тогда небритымъ. На профильномъ портретѣ въ фуражкѣ, сдѣланномъ въ это время барономъ Паленомъ, дѣйствительно видно, что поэтъ въ походѣ отпустилъ баки и не брилъ волосъ и на подбородкѣ. Это было противъ формы, но растительность у Лермонтова на лицѣ была такъ бѣдна, что не могла возбудить серьезнаго вниманія строгихъ блюстителей уставовъ. Впрочемъ на Кавказѣ можно было дозволять себѣ отступленія. На другомъ портретѣ, писанномъ самимъ поэтомъ тоже на Кавказѣ (въ концѣ 1837 г.), видно, что и волосы на головѣ носилъ онъ длинные, не зачесывая ихъ на вискахъ, какъ по уставу полагалось.

Надо впрочемъ правду сказать, Лермонтовъ нерѣдко выказывалъ безумное и совершенно никому не нужное удальство, дѣйствительно словно какъ-бы лишь для того, чтобы порисоваться. Ему доставляло какъ будто особенное удовольствіе вызывать судьбу. Опасность или возможность смерти дѣлали его остроумнымъ, разговорчивымъ, веселымъ. Однажды вечеромъ, во время стоянки, онъ предложилъ нѣкоторымъ лицамъ въ отрядѣ: Льву Пушкину, Глѣбову, Палену, Сергѣю Долгорукову, декабристу Пущину, Баумгартену и другимъ, пойти поужинать за черту лагеря. Это было не безопасно и запрещалось. Непріятель охотно выслѣживалъ неосторожно удалявшихся отъ лагеря и либо убивалъ, либо увлекалъ въ

плѣнъ.—Компанія взяла съ собою нѣсколькихъ деньщиковъ, несшихъ запасы, и расположилась въ ложбинкѣ за холмомъ. Лермонтовъ, руководившій всѣмъ, увѣрялъ, что напередъ избравъ мѣсто, выставилъ для предосторожности часовыхъ и указывалъ на одного казака, фигура коего виднѣлась сквозь вечерній туманъ въ нѣкоторомъ отдаленіи. Съ предосторожностями былъ разведенъ огонь, причемъ особенно старались сдѣлать его незамѣтнымъ со стороны лагеря. Небольшая группа людей пила и ѣла, бесѣдуя о происшествіяхъ послѣднихъ дней и возможности нападенія со стороны горцевъ. Левъ Пушкинъ и Лермонтовъ сыпали остротами и комическими разсказами, причемъ не обошлось и безъ рѣзкихъ осужденій или скорѣе осмѣянія разныхъ, всѣмъ присутствующимъ извѣстныхъ лицъ. Особенно веселъ и въ ударѣ былъ Лермонтовъ. Отъ выходокъ его катались со смѣху, забывая всякую осторожность. На этотъ разъ все обошлось благополучно. Подъ утро, возвращаясь въ лагерь, Лермонтовъ признался, что виднѣвшійся часовой былъ не что иное, какъ поставленное имъ, наскоро сдѣланное чучело, прикрытое тонкою старой буркой.

Іюля 10-го подошли къ деревнѣ Гехи—близъ Гехинскаго лѣса, и, предавъ огню поля, стали лагеремъ. Непріятель пытался было подкрасться къ нему ночью, но былъ открытъ секретами и ретировался. На зарѣ 11-го іюля отрядъ выступилъ. Непріятель нигдѣ не показывался, и авангардъ вступилъ въ густой Гехинскій лѣсъ и пошелъ по узкой лѣсной дорогѣ. Нѣсколько выстрѣловъ въ боковой цѣпи только указывали, что непріятель не дремлетъ. Опасность ждала впереди... Приходилось пройти большую, окаймленную со всѣхъ сторонъ лѣсомъ, поляну. Впереди виднѣлся «Валерикъ», т. е. «рѣчка смерти», названная такъ старинными людьми въ память кровопролитной стычки на ней. «Валерикъ» протекалъ по самой опушкѣ лѣса, въ глубокихъ, совершенно отвѣсныхъ берегахъ. Воды въ рѣчкѣ, пересѣкавшей дорогу подъ прямымъ угломъ, было много. Правый берегъ ея, обращенный къ отряду, былъ совершенно открытъ, по лѣвому тянулся лѣсъ, вырубленный около дороги на небольшой ружейный выстрѣлъ. Тутъ было удобное мѣсто для устройства непріятельскихъ заваловъ. Они и были, какъ оказалось, имъ устроены изъ толстыхъ срубленныхъ деревьевъ. Какъ за брустверомъ крѣпости, стоялъ врагъ, защищаемый глубокимъ водянымъ рвомъ, образуемымъ рѣчкою.

Подойдя къ мѣсту на картечный выстрѣлъ, артиллерія открыла огонь. Ни одного отвѣтнаго выстрѣла; ни малѣйшаго движенія не

было замѣтно. Мѣстность казалась вымершею. Весь отрядъ двинулся еще впередъ и подошелъ къ лѣсу на ружейный или пистолетный выстрѣлъ; было рѣшено сдѣлать привалъ; пѣхота же должна была проникнуть въ лѣсъ и обезпечить переправу. Но едва артиллерія начала сниматься съ передковъ, какъ чеченцы внезапно со всѣхъ сторонъ открыли убійственный огонь.

Въ одно мгновеніе войска были двинуты впередъ съ обѣихъ сторонъ дороги. Добѣжавъ до лѣсу, они неожиданно остановлены были отвѣсными берегами рѣчки и срубами изъ бревенъ, приготовленными непріятелемъ за трое сутокъ впередъ. Отсюда-то онъ и производилъ убійственный огонь.—Били на выборъ офицеровъ и солдатъ, двигавшихся по открытой мѣстности. Войска поняли, что стрѣлять въ людей, прикрытыхъ деревьями, имѣвшими по аршину въ поперечникѣ—дѣло напрасное... кинулись впередъ черезъ рѣчку, помогая другъ другу по грудь въ водѣ. Все спасеніе было въ томъ, чтобы какъ можно скорѣе перебраться къ непріятелю. Начался упорный рукопашный бой, частью въ лѣсу, частью въ водахъ быстро текущаго «Валерика». Рѣзались нѣсколько часовъ. Кинжалъ и шашка уступили, наконецъ, штыку. Но долго още въ лѣсу слышались выстрѣлы... Дѣло было небольшое, но кровопролитное.

«Вообрази себѣ, пишетъ Лермонтовъ А. А. Лопухину,—что въ оврагѣ, гдѣ была потѣха, часъ послѣ дѣла еще пахло кровью». Въ томъ же письмѣ поэтъ говоритъ, что «въ русскомъ отрядѣ убыло 30 офицеровъ и 300 рядовыхъ. Чеченцевъ осталось на мѣстѣ 600 труповъ».

Послѣднее извѣстіе, конечно, переувеличено. Вѣроятно такъ говорили въ лагерѣ. Чеченцы находились за прикрытіями, и потери ихъ должны были быть меньше нашихъ. По крайней мѣрѣ въ офиціальномъ донесеніи Галафѣева говорится, что непріятель на мѣстѣ оставилъ 150 тѣлъ.

Хотя Лермонтовъ ни въ стихотвореніяхъ, ни въ письмахъ не упоминаетъ о роли, какую игралъ онъ лично въ бояхъ, но что онъ принималъ въ нихъ активное участіе и былъ не изъ послѣднихъ удальцевъ, видно изъ донесенія Галафѣева Граббе 8 октября 1840 г. Тамъ говорится такъ:

«Тенгинскаго пѣхотнаго полка Лермонтовъ, во время штурма непріятельскихъ заваловъ на рѣкѣ Валерикѣ, имѣлъ порученіе наблюдать за дѣйствіями передовой штурмовой колонны и увѣдомлять начальника отряда объ ея успѣхахъ, что было сопряжено съ величайшею для него опасностью отъ непріятеля, скрывавшагося въ лѣсу

за деревьями и кустами. Но офицеръ этотъ, не смотря ни на какія опасности, исполнялъ возложенное на него порученіе съ отличнымъ мужествомъ и хладнокровіемъ, и съ первыми рядами храбрѣйшихъ ворвался въ непріятельскіе завалы».

За дѣло подъ Валерикомъ для Лермонтова испрашивался орденъ Св. Владиміра 4 степени съ бантомъ, что въ тѣ времена для столь молодого человѣка являлось высокою наградою.

Экспедиція, длившаяся девять дней, окончилась, и 14 іюля отрядъ генерала Галафѣева вернулся въ Грозную. Отдыхъ продолжался однако не долго. Недобрыя вѣсти о дѣйствіяхъ Шамиля принуждаютъ отрядъ снова выйти въ походъ. Онъ двинулся черезъ крѣпость Внезапную къ Мятелинской переправѣ и, простоявъ здѣсь лагеремъ, направился къ Темиръ-Ханъ-Шурѣ. Серьезныхъ столкновеній не было. Горцы разсѣялись съ приближеніемъ нашихъ войскъ, и Галафѣевъ, окончивъ работы по укрѣпленію Герзель-аула, вернулся къ Грозной 9 августа.

Вскорѣ послѣ того Лермонтовъ уѣхалъ изъ отряда на отдыхъ въ Пятигорскъ. Здѣсь время онъ проводилъ очень весело въ ухаживаньи за разными женщинами. Такъ, сначала онъ ухаживалъ за нѣкоей дѣвицей Ребровой, которая была серьезно влюблена въ него. Затѣмъ онъ оставилъ Реброву въ покоѣ и увлекся пріѣхавшей на кавказскія воды красивой французской писательницей Гоммеръ-де-Гелль. Онъ до того заинтересовался ею, что отправился за нею съ Кавказа въ Крымъ, и повидимому тайкомъ отъ начальства безъ отпуска. Въ Ялтѣ онъ былъ въ двадцатыхъ числахъ октября. Изъ Ялты онъ и Гоммеръ-де-Гелль ѣздили въ Оріанду, Алупку, Мисхоръ и Кореизъ.

«На дорогѣ,—разсказываетъ Гоммеръ-де-Гелль въ своихъ воспоминаніяхъ, — я такъ увлеклась порывами его краснорѣчія, что мы отстали отъ нашей кавалькады. Проливной дождикъ настигъ насъ въ прекрасной рощѣ, называемой по татарски Кучукъ-Ламбадъ. Мы пріютились въ билліардномъ павильонѣ, принадлежащемъ повидимому генералу Бородину, къ которому мы ѣхали. Кіоскъ стоялъ одинокъ и пустъ; дороги къ нему заросли травой. Мы нашли билліардъ съ лузами, отыскали шары и выбрали кіи. Я весьма порядочно играю въ русскую партію. Затаившись въ павильонѣ и желая окончить затѣянную игру, мы спокойно смотрѣли, какъ насъ искали по рощѣ. Я, подойдя къ окну, замѣтила бѣгавшаго по всѣмъ направленіямъ Тетъ-Бу-де-Мариньи (одного изъ спутниковъ). Окончивъ преспокойно партію, когда люди стали приближаться къ павильону, Лермонтовъ вдругъ вскрикнулъ: «Они насъ захватятъ! Ай, ай, вашъ мужъ! Скройтесь живо подъ билліардомъ!» и выпрыгнувъ въ окно, въ виду собравшихся людей, сѣлъ на лошадь и ускакалъ въ лѣсъ. На меня

нашелъ столбнякъ; я ровно ничего не понимала. Мнѣ и въ умъ не приходило, что это была импровизованная сцена изъ водевиля. Тетъ-Ву-де-Маринъ объяснилъ это взбалмошнымъ характеромъ Лермонтова. Г-нъ-де-Гелль спокойно сказалъ, что Лермонтовъ очевидно школьникъ, но величайшій поэтъ, какихъ въ Россіи еще не бывало». Потомъ Лермонтовъ объяснилъ свою выходку. «Ему вдругъ, — говоритъ Гоммеръ-де-Гелль,—сдѣлалось противнымъ видѣть меня, сидящую рядомъ съ генераломъ Бородинымъ (куда они ѣхали на обѣдъ). Ему стало невыносимо скучно, что я буду сидѣть за обѣдомъ вдали отъ него. Онъ не могъ выносить приторныхъ ласкъ этого приторнаго франта временъ реставраціи. У него такое поэтическое воображеніе, что онъ все это видѣлъ въ билліардномъ павильонѣ, когда мы тамъ были вдвоемъ, и выпрыгнулъ въ окно, увидавъ своего венеціанскаго мавра. Его объясненіе очень мило... Я его слушала и задыхалась. Онъ... такъ ревнивъ, что становится смѣшно, если бы не было такъ жаль его...»

Послѣ этого Лермонтовъ заѣзжалъ не разъ изъ Ялты въ Мисхоръ, гдѣ на дачѣ, принадлежавшей Ольгѣ Нарышкиной, жила Гоммеръ-де-Гелль съ мужемъ. Поэтъ болталъ съ нею, шутилъ и смѣялся и между прочимъ написалъ ей французское стихотвореніе («Prés d'un bouleau qui balance»), очень звучное и которое Гоммеръ-де-Гелль ставила даже выше стиховъ, ранѣе для нея написанныхъ Альфредомъ де-Мюссе. Гоммеръ-де-Гелль передаетъ, что Лермонтовъ увѣрялъ ее вполнѣ серьезно, что только три свиданія съ обожаемой женщиной цѣнны: первое—для самого себя, второе—для удовлетворенія любимой женщины, а третье—для свѣта.

По словамъ Гоммеръ-де-Гелль Лермонтовъ очень боялся, чтобы въ Петербургѣ не узнали про то, что онъ съ Кавказа заѣзжалъ въ Крымъ: «его карьера отъ этого могла бы пострадать». Поэтому Гомеръ-де-Гелль писала своей подругѣ, чтобы та не упоминала объ этомъ Баранту (брату того, съ которымъ стрѣлялся поэтъ). Его знакомая, графиня В, бывшая въ это время въ Крыму, обѣщала Лермонтову о его пребываніи въ Ялтѣ не писать ни полслова въ Петербургъ. И дѣйствительно, пребываніе Лермонтова въ Крыму въ 1840 году осталось неизвѣстнымъ не только въ Петербургѣ въ то время, но даже и впослѣдствіи объ этомъ не зналъ ни одинъ изъ біографовъ и лицъ, писавшихъ о поэтѣ. Наконецъ, Гоммеръ-де-Гелль распрощалась съ Лермонтовымъ и уѣхала съ мужемъ на шкунѣ къ западному берегу Чернаго моря. Памятникомъ ея отношеній къ Лермонтову служатъ ея французскіе стихи въ «Journal d'Odessa» 1840, № 164. Вскорѣ, какъ надо полагать, вернулся изъ Ялты на Кавказъ и Лермонтовъ.

ГЛАВА XII.

Послѣдній пріѣздъ въ Петербургъ.—Свѣтскія развлеченія и литературныя занятія.—Начало сознательнаго отношенія къ своему призванію.—Мечты объ отставкѣ и основаніи журнала.—Новыя непріятности съ начальствомъ и внезапная высылка на Кавказъ.—Лермонтовъ въ Москвѣ.—Встрѣча съ поэтомъ Боденштедтомъ и воспоминанія послѣдняго о Лермонтовѣ.—Какъ Лермонтовъ попалъ въ Пятигорскъ.

Между тѣмъ какъ Лермонтовъ на Кавказѣ выказывалъ чудеса храбрости и ухаживалъ за русскими и иностранными красавицами, бабушка усиленно хлопотала если не объ отставкѣ внука, то хоть объ отпускѣ и дозволеніи ему пріѣхать въ столицу для свиданія съ нею. Хлопоты эти велись теперь уже не черезъ гр. Бенкендорфа, продолжавшаго относиться къ поэту съ непримиримою враждою, а черезъ военнаго министра и дежурнаго генерала Клейнмихеля, и увѣнчались успѣхомъ лишь въ началѣ 1841 года, Лермонтовъ же успѣлъ пріѣхать въ Петербургъ уже на масляницѣ.

Поѣздка въ столицу и свиданіе съ родными и друзьями оживили Лермонтова, прояснили и ободрили его духъ, разсѣявъ на время тучи хандры, и онъ съ возродившимся юношескимъ пыломъ закружился въ вихрѣ свѣтскихъ развлеченій.

«Три-четыре мѣсяца, говоритъ гр. Растопчинъ въ своихъ воспоминаніяхъ о поэтѣ, проведенные тогда Лермонтовымъ въ столицѣ, были, какъ полагаю, самые счастливые и самые блестящіе въ его жизни. Отлично принятый въ свѣтѣ, любимый и балованный въ кругу близкихъ, онъ утромъ сочинялъ какіе-нибудь прелестные стихи и приходилъ къ намъ читать ихъ вечеромъ. Веселое расположеніе духа проснулось въ немъ опять, въ этой дружественной обстановкѣ; онъ придумывалъ какую-нибудь шутку или шалость, и мы проводили цѣлые часы въ веселомъ смѣхѣ, благодаря его неисчерпаемой веселости.—Однажды онъ объявилъ, что прочитаетъ намъ новый романъ, подъ заглавіемъ «Штосъ», причемъ онъ расчиталъ, что ему понадобится по крайней мѣрѣ четыре часа для его прочтенія. Онъ потребовалъ, чтобы собрались вечеромъ рано, и чтобы двери были заперты для постороннихъ. Всѣ его желанія были исполнены, и избранники собрались, числомъ около тридцати. Наконецъ, Лермонтовъ входитъ съ огромною тетрадью подъ мышкой, принесли лампу, двери заперли, а затѣмъ началось чтеніе; спустя четверть часа оно было окончено. Неисправимый шутникъ заманилъ насъ первой главой какой-то ужасной исторіи, начатой имъ наканунѣ; написано было около двадцати страницъ, а остальное въ тетради была бѣлая бумага. Романъ на этомъ остановился, и никогда не былъ оконченъ.

Между тѣмъ талантъ Лермонтова видимо развивался, проявляясь съ каждымъ новымъ произведеніемъ съ большею силою и совершенствомъ. Ко времени пріѣзда Лермонтова въ Петербургъ появился въ свѣтъ въ отдѣльномъ изданіи «Герой нашего времени», въ 2-хъ частяхъ, и первое изданіе его лирическихъ произведеній. Замѣчательно, что названіе «Герой нашего времени» принадлежитъ Краевскому; Лермонтовъ же первоначально озаглавилъ романъ «Одинъ изъ героевъ нашего времени»,—и очень жалко, что онъ согласился на измѣненіе Краевскаго, такъ какъ первоначальное заглавіе болѣе соотвѣтствовало значенію въ жизни того времени Печорина, представлявшагося вовсе не такимъ всеобъемлющимъ типомъ, который олицетворялъ бы всю интеллигенцію 30-хъ годовъ, а былъ именно однимъ изъ ея героевъ.

Въ то же время, по возвращеніи въ Петербургъ, Лермонтовъ въ глазахъ всѣхъ своихъ литературныхъ знакомыхъ началъ обнаруживать гораздо большую степень сознательности къ своему призванію, чѣмъ прежде. Съ одной стороны въ немъ начало обнаруживаться стремленіе отрѣшиться отъ всякой подражательности западнымъ образцамъ и встать на вполнѣ самостоятельную почву; съ другой—созрѣвало рѣшеніе всецѣло посвятить себя литературной дѣятельности и выйти даже для этого въ отставку. Онъ мечталъ даже объ основаніи журнала и часто говорилъ съ Краевскимъ, не одобряя направленія «Отечественныхъ Записокъ».

«Мы,—говорилъ онъ Краевскому,—должны жить своею самостоятельною жизнью и внести свое самобытное въ общечеловѣческое. Зачѣмъ намъ все тянуться за Европою и за французскимъ. Я многому научился у азіатовъ, и мнѣ бы хотѣлось проникнуть въ таинства азіатскаго міросозерцанія, зачатки котораго и для самихъ азіатовъ, и для насъ еще мало понятны. Но, повѣрь, мнѣ—обращался онъ къ Краевскому,—тамъ на Востокѣ тайникъ богатыхъ откровеній». Хотя Лермонтовъ въ это время часто видался съ Жуковскимъ, но литературное направленіе и идеалы его не удовлетворяли юнаго поэта. «Мы въ своемъ журналѣ,—говорилъ онъ,—не будемъ предлагать обществу ничего переводнаго, а свое собственное. Я берусь къ каждой книжкѣ доставлять что-либо оригинальное, не такъ какъ Жуковскій, который все кормитъ переводами, да еще не говоритъ, откуда беретъ ихъ».

Но, къ сожалѣнію, поэту скоро пришлось убѣдиться, что на выходъ въ отставку надежды мало, что къ нему въ правящихъ сферахъ чрезвычайно не расположены. Изъ представленія къ наградѣ

за боевую службу во время экспедиціи 1840 года ничего не вышло. «Изъ Валерикскаго представленія меня здѣсь вычеркнули!» пишетъ поэтъ въ концѣ февраля. Напрасно генералъ-адъютантъ Граббе (отъ 5 марта 1841 года) еще разъ настойчиво ходатайствуетъ о награжденіи Лермонтова, на этотъ разъ, золотою саблей.

Къ довершенію всего Лермонтовъ, тотчасъ по пріѣздѣ въ Петербургъ, имѣлъ несчастіе раздражить противъ себя начальство. На масляной, на другой же день послѣ прибытія въ столицу, поэтъ участвовалъ на балу, данномъ гр. Воронцовой-Дашковой. Его армейскій мундиръ съ короткими фалдами сильно выдѣлялъ его изъ толпы гвардейскихъ мундировъ. Графъ Сологубъ хорошо помнилъ недовольный взглядъ великаго князя Михаила Павловича, пристально устремленный на молодого поэта, который крутился въ вихрѣ бала съ прекрасною хозяйкою вечера. Великій князь очевидно нѣсколько разъ пытался подойти къ Лермонтову, но тотъ несся съ кѣмъ либо изъ дамъ по залѣ, словно избѣгая грознаго объясненія. Наконецъ, графинѣ указали на недовольный видъ высокаго гостя, и она увела Лермонтова во внутренніе покои, а оттуда заднимъ ходомъ препроводила его изъ дому. Въ этотъ вечеръ поэтъ не подвергся замѣчанію. Хозяйка энергично заступалась за него передъ великимъ княземъ, принимала всю отвѣтственность на себя, говорила, что она зазвала поэта, что тотъ не зналъ ничего о балѣ, и, наконецъ, апеллировала къ правамъ хозяйки, стоящей на стражѣ неприкосновенности гостей своихъ. Не легко было затѣмъ выпросить у великаго князя забвеніе этому проступку Лермонтова.

Считалось въ высшей степени дерзкимъ и неприличнымъ, что офицеръ опальный, отбывающій наказаніе, смѣлъ явиться на балъ, на которомъ были члены императорской фамиліи. Къ тому же, кажется, только наканунѣ пріѣхавшій поэтъ не успѣлъ явиться «по начальству» всѣмъ, кому слѣдовало. На этотъ разъ вознегодовалъ на Лермонтова гр. Клейнмихель и все военное начальство. Но такъ какъ великій князь, строгій во всѣхъ дѣлахъ нарушенія уставовъ, молчалъ, то было неудобно привлечь Лермонтова къ отвѣтственности за посѣщеніе бала въ частномъ домѣ. Тѣмъ не менѣе этотъ промахъ былъ поставленъ ему на счетъ и повлекъ за собою распоряженіе начальства о скорѣйшемъ возвращеніи Лермонтова на мѣсто службы.

«Какъ-то вечеромъ,—разсказывалъ А. А. Краевскій,—Лермонтовъ сидѣлъ у меня и, полный увѣренности, что его, наконецъ, выпустятъ въ отставку, дѣлалъ планы своихъ будущихъ сочиненій. Мы

разстались въ самомъ веселомъ и мирномъ настроеніи. На другое утро часу въ десятомъ вбѣгаетъ ко мнѣ Лермонтовъ и, напѣвая какую-то невозможную пѣсню, бросается на диванъ. Онъ въ буквальномъ смыслѣ слова катался по нему въ сильномъ возбужденіи. Я сидѣлъ за письменнымъ столомъ и работалъ.—Что съ тобою?—спрашиваю Лермонтова. Онъ не отвѣчаетъ и продолжаетъ пѣть свою пѣсню, потомъ вскочилъ и выбѣжалъ. Я только пожалъ плечами. У него таки бывали странныя выходки—любилъ школьничать!..

Зная за нимъ совершенно необъяснимыя шалости, я и на этотъ разъ принялъ его поведеніе за чудачество. Черезъ полчаса Лермонтовъ снова вбѣгаетъ. Онъ рветъ и мечетъ, снуетъ по комнатѣ, разбрасываетъ бумаги и вновь убѣгаетъ. По прошествіи извѣстнаго времени онъ опять тутъ. Опять та же пѣсня и катаніе по широкому моему дивану. Я былъ занятъ; меня досада взяла: — Да скажи ты ради Бога, что съ тобою, отвяжись, дай поработать! Михаилъ Юрьевичъ вскочилъ, подбѣжалъ ко мнѣ и, схвативъ за борты сюртука, потрясъ такъ, что чутъ не свалилъ меня со стула. «Понимаешь-ли ты! мнѣ велятъ выѣхать въ 48 часовъ изъ Петербурга». Оказалось, что его разбудили рано утромъ. Клейнмихель приказывалъ покинуть столицу въ дважды двадцать четыре часа и ѣхать въ полкъ въ Шуру. Дѣло это вышло по настоянію гр. Бенкендорфа, которому не нравились хлопоты о прощеніи Лермонтова и выпускѣ его въ отставку».

Не ограничиваясь этимъ, гр. Бенкендорфъ успѣлъ убѣдить военнаго министра послать на Кавказъ предписаніе отъ 30 іюня 1841 г.,—поручика Лермонтова ни подъ какимъ видомъ не удалять изъ фронта полка, т. е. не прикомандировывать ни къ какимъ отрядамъ, назначаемымъ въ экспедицію противъ горцевъ. Такимъ образомъ поэтъ и не подозрѣвалъ, что ему отрѣзывается всякій путь къ выслугѣ. О предписаніи этомъ Лермонтовъ вѣроятно такъ и не узналъ, потому что, покуда оно пошло по инстанціямъ и прибыло къ мѣсту назначенія, Лермонтова не было уже въ живыхъ.

Нечего было дѣлать; надо было готовиться къ отъѣзду. Въ квартирѣ Карамзиныхъ еще разъ собрались друзья, какъ за годъ передъ тѣмъ, проститься съ поэтомъ. По свидѣтельству многихъ очевидцевъ, Лермонтовъ во время прощальнаго ужина былъ чрезвычайно грустенъ и говорилъ о близкой, ожидавшей его смерти. За нѣсколько дней передъ этимъ Лермонтовъ съ кѣмъ-то изъ товарищей посѣтилъ извѣстную тогда въ Петербургѣ ворожею, жившую у «Пяти Угловъ», и предсказавшую смерть Пушкину отъ «бѣлаго человѣка»; звали ее Александра Филипповна, почему она носила прозвище «Александра Македонскаго». Лермонтовъ, выслушавъ, что гадальщица сказала его товарищу, съ своей стороны спросилъ: будетъ-ли онъ выпущенъ въ отставку и останется-ли въ Петербургѣ? Въ от-

вѣтъ онъ услышалъ, что въ Петербургѣ ему вообще больше не бывать, не бывать и отставки отъ службы, а что ожидаетъ его другая отставка, «послѣ коей ужъ ни о чемъ просить не станешь». Лермонтовъ очень этому смѣялся, тѣмъ болѣе, что вечеромъ того же дня получилъ отсрочку отпуска и опять возмечталъ о вѣроятіи отставки. «Ужъ если даютъ отсрочку за отсрочкой, то и совсѣмъ выпустятъ»—говорилъ онъ. Но когда нежданно пришелъ приказъ поэту ѣхать, онъ былъ сильно пораженъ. Припомнилось ему предсказаніе. Грустное настроеніе стало еще замѣтнѣе, когда послѣ прощальнаго ужина Лермонтовъ уронилъ кольцо, взятое у Соф. Ник. Карамзиной, и, несмотря на поиски всего общества, изъ котораго многія лица слышали, какъ оно катилось по паркету, его найти не удалось.

Въ концѣ апрѣля или началѣ мая Лермонтовъ тронулся въ путь. Въ почтамтъ, откуда отправлялся маль-постъ въ Москву, Лермонтовъ, не терпѣвшій проводовъ, прибылъ съ Шанъ-Гиреемъ, который и принялъ отъ уѣзжающаго поэта послѣднее прости бабушкѣ и петербургскимъ друзьямъ. Отъѣзжающій поэтъ наружно былъ веселъ и шутилъ. Своему раздраженію противъ гр. Бенкендорфа поэтъ далъ волю, написавъ по его адресу восемь стиховъ.

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

На пути къ Кавказу Лермонтовъ не приминулъ заѣхать въ Москву, гдѣ сердечно принялъ его кругъ друзей, и поэтъ почувствовалъ себя хорошо.

«Я отъ здѣшняго воздуха потолстѣлъ въ два дня»—пишетъ онъ бабушкѣ (т. V, стр. 433)—«рѣшительно Петербургъ мнѣ вреденъ». Лермонтовъ проводилъ время у Розена, Анненковыхъ, у Мамоновой, Лопухиныхъ, видѣлся со Столыпиными. Въ кругу молодежи въ ресторанѣ встрѣтилъ его тогда и нѣмецкій поэтъ Боденштедтъ.

...«Мы были уже за шампанскимъ — говоритъ Боденштедтъ въ своихъ воспоминаніяхъ,—Снѣжная пѣна лилась черезъ край стакановъ, и черезъ край лились изъ устъ моихъ собесѣдниковъ то плохія, то мѣткія остроты.

— «А! Михаилъ Юрьевичъ!» вскричали двое-трое изъ моихъ собесѣдниковъ при видѣ только-что вошедшаго молодого офицера.

«Онъ привѣтствовалъ ихъ короткимъ «здравствуйте», слегка потрепалъ Олсуфьева по плечу и обратился къ князю (А. И. Васильчикову) со словами:

— «Ну, какъ поживаешь, умникъ?»

«У вошедшаго была гордая, непринужденная осанка, средній ростъ и замѣчательная гибкость движеній. Вынимая при входѣ носовой платокъ, чтобы обтереть мокрые усы, онъ выронилъ на полъ бумажникъ или сигарочницу и, при этомъ, нагнулся съ такою ловкостью, какъ будто былъ вовсе безъ костей, хотя плечи и грудь были у него довольно широки.

«Гладкіе, бѣлокурые, слегка вьющіеся по обѣимъ сторонамъ волосы оставляли совершенно открытымъ необыкновенно высокій лобъ. Большіе, полные мысли глаза вовсе не участвовали въ насмѣшливой улыбкѣ, игравшей на красиво очерченныхъ губахъ молодого человѣка.

«Одѣтъ онъ былъ не въ парадную форму: на шеѣ небрежно повязанъ черный платокъ; военный сюртукъ не новъ и не до верху застегнутъ, и изъ подъ него виднѣлось ослѣпительной свѣжести бѣлье. Эполетъ на немъ не было.

«Мы говорили до тѣхъ поръ по-французски, и Олсуфьевъ представилъ меня на томъ же діалектѣ вошедшему. Обмѣнявшись со мною нѣсколькими бѣглыми фразами, офицеръ сѣлъ съ нами обѣдать. При выборѣ кушаньевъ и въ обращеніи къ прислугѣ онъ употреблялъ выраженія, которыя въ большомъ ходу у многихъ—чтобъ не сказать у всѣхъ — русскихъ, но которыя въ устахъ новаго гостя непріятно поражали меня. Поражали потому, что гость этотъ былъ—Михаилъ Лермонтовъ.

«Во время обѣда я замѣтилъ, что Лермонтовъ не пряталъ подъ столъ своихъ нѣжныхъ, выхоленныхъ рукъ. Отвѣдавъ нѣсколько кушаньевъ и осушивъ два стакана вина, онъ сдѣлался очень разговорчивъ и, надо полагать, много острилъ, такъ какъ слова его были нѣсколько разъ прерываемы громкимъ хохотомъ. Къ сожалѣнію, для меня его остроты оставались непонятными, такъ какъ онъ нарочно говорилъ по-русски и къ тому же чрезвычайно скоро, а я въ то время недостаточно хорошо понималъ русскій языкъ, чтобы слѣдить за разговоромъ. Я замѣтилъ только, что остроты его часто переходили въ личности; но, получивъ раза два мѣткій отпоръ отъ Олсуфьева, онъ счелъ за лучшее упражняться только надъ молодымъ княземъ.

«Нѣкоторое время тотъ добродушно переносилъ шпильки Лермонтова; но, наконецъ и ему уже стало не въ мочь, и онъ съ достоинствомъ умѣрилъ его пылъ, показавъ, что при всей ограниченности ума, сердце у него тамъ же, гдѣ и у другихъ людей.

«Казалось Лермонтова искренно огорчило, что онъ обидѣлъ князя, своего товарища, и онъ всѣми силами старался помириться съ нимъ, въ чемъ скоро и успѣлъ.

«Я уже зналъ и любилъ тогда Лермонтова по собранію его стихотвореній, вышедшему въ 1840 г., но въ этотъ вечеръ онъ произвелъ на меня столь невыгодное впечатлѣніе, что у меня пропала всякая охота поближе сойтись съ нимъ. Весь разговоръ, съ самаго его прихода, звенѣлъ у меня въ ушахъ, какъ будто кто-нибудь скребъ по стеклу...

«У меня правило, говоритъ Боденштедтъ далѣе,—основывать свое мнѣніе о людяхъ на первомъ впечатлѣніи; но въ отношеніи

Лермонтова мое первое, непріятное впечатлѣніе вскорѣ совершенно изгладилось пріятнымъ. Не далѣе, какъ на слѣдующій же вечеръ, встрѣтивъ снова Лермонтова въ салонѣ г-жи М., я увидѣлъ его въ самомъ привлекательномъ свѣтѣ. Лермонтовъ вполнѣ умѣлъ быть милымъ».

Выѣхалъ Лермонтовъ изъ Москвы съ А. Ар. Столыпинымъ. Ѣхали до Ставрополя очень долго, по причинѣ скверной дороги. Въ Ставрополѣ Лермонтовъ представился генералу П. Х. Граббе, который вскорѣ выѣхалъ въ отрядъ за рѣку Лабу, а Лермонтовъ испросилъ позволенія остаться на нѣсколько дней въ Ставрополѣ, обѣщаясь догнать отрядъ за Лабой. Въ это время черезъ Ставрополь проѣзжалъ въ качествѣ ремонтера П. И. Магденко, который, проѣхавши затѣмъ отъ Ставрополя до Пятигорска по одному пути съ Лермонтовымъ и Столыпинымъ, нѣсколько разъ встрѣчалъ ихъ на разныхъ станціяхъ и оставилъ воспоминаніе объ этихъ встрѣчахъ. Изъ этихъ воспоминаній мы можемъ заключить, что Магденко послужилъ отчасти слѣпымъ орудіемъ судьбы Лермонтова, возбудивши въ немъ желаніе ѣхать въ Пятигорскъ, гдѣ его ожидала близкая смерть. Дѣло было на станціи, въ крѣпости Георгіевской.

«Вошедшій смотритель—говоритъ Магденко въ своихъ воспоминаніяхъ,—на приказаніе Лермонтова запрягать лошадей, отвѣчалъ предостереженіемъ въ опасности ночного пути. Лермонтовъ отвѣтилъ, что онъ старый кавказецъ, бывалъ въ экспедиціяхъ и его не запугаешь. Рѣшеніе продолжать путь не измѣнилось и отъ смотрительскаго разсказа, что позавчера въ семи верстахъ отъ крѣпости зарѣзанъ былъ черкесами проѣзжій унтеръ-офицеръ. Я съ своей стороны также сталъ уговаривать лучше подождать завтрашняго дня, утверждая, что-то въ родѣ того, что лучше же приберечь храбрость на время какой-либо экспедиціи, чѣмъ рисковать жизнію въ борьбѣ съ ночными разбойниками. Къ тому же разразился страшный дождь, и онъ то, кажется, сильнѣе доводовъ нашихъ подѣйствовалъ на Лермонтова, который рѣшился таки заночевать. Принесли, что у кого было съѣстнаго, явилось на столъ кахетинское вино, и мы разговорились. Они разспрашивали меня о цѣли моей поѣздки, объясняли, что сами ѣдутъ въ отрядъ за Лабу, чтобы участвовать въ «экспедиціяхъ противъ горцевъ». Я утверждалъ, что не понимаю ихъ влеченія къ трудностямъ боевой жизни, и противопоставилъ ей удовольствія, которыя ожидаются отъ кратковременнаго пребыванія въ Пятигорскѣ, въ хорошей квартирѣ, съ удобствами жизни и разными затѣями, которыя имъ въ отрядѣ доступны не будутъ...»

На другое утро, Лермонтовъ, входя въ комнату, въ которой я со Столыпинымъ сидѣлъ уже за самоваромъ, обратясь къ послѣднему, сказалъ: «Послушай, Столыпинъ, а вѣдь теперь въ Пятигорскѣ хорошо (онъ назвалъ нѣсколько именъ); поѣдемъ въ Пятигорскъ». Столыпинъ отвѣчалъ, что это невозможно. «Почему?»—быстро спросилъ Лермонтовъ,—тамъ комендантъ старый Ильяшенко и явиться къ нему

нечего, ничто намъ не мѣшаетъ. Рѣшайся, Столыпинъ, ѣдемъ въ Пятигорскъ!» Съ этими словами Лермонтовъ вышелъ изъ комнаты. На дворѣ лилъ проливной дождь. Надо замѣнить, что Пятигорскъ стоитъ отъ Георгіевскаго на разстояніи 40 верстъ, по тогдашнему—одинъ перегонъ.

— Столыпинъ сидѣлъ задумавшись.—Ну что, спросилъ я его—рѣшаетесь, капитанъ? «Помилуйте, какъ намъ ѣхать въ Пятигорскъ, вѣдь мнѣ поручено везти его въ отрядъ. Вонъ,—говорилъ онъ, указывая на столъ,—наша подорожная, а тамъ инструкція—посмотрите». Я поглядѣлъ на подорожную, которая лежала раскрытою, а развернуть сложенную инструкцію посовѣстился и, признаться, очень о томъ сожалѣю.

— Дверь отворилась, быстро вошелъ Лермонтовъ, сѣлъ къ столу и, обратясь къ Столыпину произнесъ повелительнымъ тономъ:

— «Столыпинъ, ѣдемъ въ Пятигорскъ!» Съ этими словами вынулъ онъ изъ кармана кошелекъ съ деньгами, взялъ изъ него монету и сказалъ: «вотъ, послушай, бросаю полтинникъ, если упадетъ кверху орломъ—ѣдемъ въ отрядъ; если рѣшеткой—ѣдемъ въ Пятигорскъ. Согласенъ?»

«Столыпинъ молча кивнулъ головой. Полтинникъ былъ брошенъ и къ нашимъ ногамъ упалъ рѣшеткою вверхъ. Лермонтовъ вскочилъ и радостно закричалъ: «въ Пятигорскъ, въ Пятигорскъ! позвать людей, намъ уже запрягли!» Люди, два дюжихъ татарина (грузина?), узнавъ въ чемъ дѣло, упали передъ господами и благодарили ихъ, выражая непритворную радость. Вѣрно,—думалъ я—нелегка пришлась-бы имъ жизнь въ отрядѣ».

Вотъ такими судьбами попалъ Лермонтовъ въ злополучный для него Пятигорскъ.

ГЛАВА XIII.

Жизнь Лермонтова въ Пятигорскѣ. — Тоска, предчувствіе смерти и вмѣстѣ съ тѣмъ школьническія шалости. — Городъ раздѣляется на двѣ партіи. — Интрига враговъ. — Личность Мартынова. — Столкновеніе съ нимъ поэта.—Дуэль.—Смерть и похороны.

Внезапное рѣшеніе Лермонтова отправиться въ Пятигорскъ было поступкомъ самовольнымъ, и первымъ дѣломъ поэта по пріѣздѣ было оформить пребываніе въ Пятигорскѣ. Съ этою цѣлью онъ подалъ въ комендатское управленіе рапортъ о болѣзни, вслѣдствіе котораго была немедленно образована особая комисія подъ предсѣдательствомъ главнаго врача. Комисія освидѣтельствовала Лермонтова въ конторѣ пятигорскаго военнаго госпиталя и признала его дѣйствительно больнымъ и «подлежащимъ лѣченію минеральными водами». Эта оговорка была очень важна, такъ какъ безъ нея

Лермонтову пришлось-бы отправиться въ георгіевскій военный госпиталь. Хотя ставропольскій и тифлисскій штабы сначала и не утвердили этого распоряженія, но послѣ письма, написаннаго Лермонтовымъ къ главному начальнику Кавказскаго края, генералу Е. А. Головину, поэту окончательно было позволено остаться въ Пятигорскѣ.

Написавъ первый рапортъ свой о болѣзни, Лермонтовъ въ тотъ же день переселился изъ гостиницы Вастаки, гдѣ первоначально остановился, въ домъ Челяева, находившійся на краю города, на верхней площадкѣ, недалеко отъ подошвы Машука. Наружность домика была самая незатѣйливая, походя на казацкіе домики въ слободкахъ Пятигорска. Стѣны его снаружи были вымазаны глиной и выбѣлены; надъ тростниковой крышей возвышалась единственная труба. Внутри были четыре комнаты, изъ которыхъ двѣ занялъ Столыпинъ, одну Лермонтовъ, а четвертая была общая. Видъ квартира имѣла болѣе чѣмъ скромный. Низенькія комнатки съ выбѣленными досчатыми потолками и крашеными разноцвѣтною краскою стѣнами были обставлены сборною мебелью разной обивки и дерева, по большей части окрашеннаго темной масляной краской. Впереди были два окна на площадь и палисадникъ, обнесенный деревянной рѣшеткой. Изъ заднихъ оконъ и балкончика открывался великолѣпный видъ: гирлянды садовъ и виноградныхъ кустарниковъ и силуэтъ всего Кавказскаго хребта на голубомъ чистомъ небѣ; справа высился стройный очеркъ Машука, слѣва Бештау.

По сосѣдству отъ дома, въ которомъ поселился Лермонтовъ, находился домъ бывшаго наказного атамана всѣхъ кавказскихъ казаковъ, генералъ-лейтенанта П. С. Верзилина. Имѣя дочь отъ перваго брака Аграфену Петровну, Верзилинъ женился на вдовѣ полковника Маріи Ивановнѣ Клингенбергъ, имѣвшей дочь Эмилію Александровну. Отъ этого брака родилась еще дочь, Надежда Петровна. Хлѣбосольный хозяинъ, радушная хозяйка и три красивыя, веселыя дѣвушки привлекали въ домъ молодыхъ людей. Веселье, смѣхъ, музыка и танцы часто слышались сквозь открытыя окна гостепріимнаго дома. Садъ его соприкасался съ домомъ Челяева, а рядомъ находился другой домъ Верзилиныхъ, въ которомъ жили: корнетъ М. Глѣбовъ и Н. С. Мартыновъ. Передній домъ Челяева занималъ состоявшій при ревизующемъ сенаторѣ Ганѣ тит. сов. князь Александръ Иларіоновичъ Васильчиковъ. Такимъ образомъ Столыпинъ и Лермонтовъ находились въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ хорошими знакомыми и товарищами по школѣ гвардейскихъ юнкеровъ. Черезъ Глѣбова и Мартынова познакомились они съ семьей Верзилиныхъ. Менѣе часто

бывалъ тамъ князь Васильчиковъ, еще рѣже Столыпинъ. Изъ прочихъ постоянныхъ посѣтителей назовемъ Л. С. Пушкина, брата поэта, весьма юнаго, еще недавно произведеннаго въ офицеры, Лисаневича, полковника Зельмицъ, поручика Раевскаго, юнкера Бенкендорфа, князя С. Трубецкаго и др.

Понятно, что молодежь ухаживала за барышнями въ домѣ Верзилиныхъ, въ особенности за Эмиліей Александровной, носившей названіе «Розы Кавказа», и младшей изъ сестеръ Надеждой Петровной, главными поклонниками коей были Мартыновъ и Лисаневичъ. Старшая, Аграфена Петровна, была просватана за пристава трухменскихъ народовъ, Дикова, — ее называли трухменской царицей. — Лермонтовъ написалъ шуточное шестистишіе, въ которомъ изображаетъ трехъ дѣвушекъ и ухаживавшую за ними молодежь:

Предъ дѣвицей Emilie
Молодежь *лежитъ въ пыли*,
У дѣвицы же Nadine
Былъ *поклонникъ* не одинъ;
А у Груши цѣлый вѣкъ
Былъ лишь дикій человѣкъ.

Предводителемъ всей этой молодежи былъ Лермонтовъ. Иногда его веселость и болтливость доходили до бѣшенства. Времяпрепровожденіе бывало полно дѣтской незатѣйливости. «Бѣгали въ горѣлки, играли въ кошку-мышку, въ серсо»,—разсказываетъ Эмилія Александровна,—«потомъ все это изображалось въ карикатурахъ, что насъ смѣшило. Однажды сестра (Надя) просила его написать что-нибудь ей въ альбомъ. Какъ ни отговаривался Лермонтовъ, его не слушали, окружили толпой, положили передъ нимъ альбомъ, дали перо въ руки и говорятъ: пишите. Лермонтовъ посмотрѣлъ на Над. Петровну... Въ этотъ день она была причесана небрежно, а на поясѣ у нея былъ небольшой кинжальчикъ. На это-то и намекалъ поэтъ когда набросалъ ей экспромтъ:

Надежда Петровна,
Зачѣмъ такъ неровно
Разобранъ вашъ рядъ,
И локонъ небрежный
Надъ шейкою нѣжной;
На поясѣ ножъ—
C'est un vers qui cloche...»

Эта веселая жизнь «Лермонтовской банды», какъ называли молодежь, которою онъ руководилъ, возбуждала зависть въ однихъ, непріязнь въ другихъ. Вновь пріѣзжіе, мало знакомые съ Кавказомъ,

особенно петербуржцы высшаго общества, поражались отсутствіемъ сдержанности въ мѣстномъ обществѣ, его незатѣйливымъ, полнымъ провинціальной простоты и непринужденной, а подчасъ и необузданной веселости, гуляньямъ, пикникамъ, кавалькадамъ, импровизованнымъ баламъ и другимъ увеселеніямъ. Они были вѣжливы, но держались вдалекѣ отъ кавказцевъ; удивлялись тѣмъ изъ своихъ товарищей, которые могли вести съ ними постоянное общеніе, и въ интимномъ кругу называли это «s'encanailler». Лермонтовъ съ своей стороны, ненавидя людей занятыхъ собою, платилъ имъ презрѣніемъ, сердилъ ихъ, острилъ надъ ними, выставляя ихъ въ смѣшномъ видѣ, и выводилъ ихъ порою изъ себя своими школьническими выходками, выходившими иногда изо всякихъ границъ.

Вообще день его рѣзко раздѣлялся на двѣ половины. Утромъ онъ работалъ въ своей комнатѣ, при открытомъ окнѣ, любя свѣжій воздухъ; въ окно глядѣли изъ садика вишневыя вѣтви, и работая, поэтъ протягивалъ руку къ самымъ вишнямъ и лакомился ими. Но чѣмъ больше и серьезнѣе онъ работалъ, тѣмъ повидимому чувствовалъ большую потребность дурачиться и выкидывать чудачества и шалости, какія могутъ придти въ голову развѣ только 15-ти лѣтнему мальчику; напр., когда къ обѣду подавали блюдо, которое онъ любилъ, то онъ съ громкимъ крикомъ и смѣхомъ бросался на блюдо, вонзалъ свою вилку въ лучшіе куски, опустошалъ все кушанье и часто оставлялъ всѣхъ безъ обѣда.

Разъ какой-то пріѣзжій стихотворецъ пришелъ къ нему съ толстой тетрадью своихъ произведеній и началъ ихъ читать; но въ разговорѣ, между прочимъ, сказалъ, что онъ ѣдетъ изъ Россіи и везетъ съ собой боченокъ свѣжепросольныхъ огурцевъ, большой рѣдкости на Кавказѣ; тогда Лермонтовъ предложилъ ему придти на его квартиру, чтобы внимательнѣе выслушать его прекрасную поэзію, и на другой день, придя къ нему, намекнулъ на огурцы, которые благодушный хозяинъ и поспѣшилъ подать. Затѣмъ началось чтеніе, и покуда авторъ все болѣе и болѣе углублялся въ свою поэзію, его слушатель, Лермонтовъ, скушалъ половину огурчиковъ, другую половину набилъ себѣ въ карманы и, окончивъ свой подвигъ, бѣжалъ безъ прощанья отъ неумолимаго чтеца-стихотворца.

Обѣдая въ Пятигорской гостиницѣ, онъ выдумалъ еще слѣдующую проказу: собирая столовыя тарелки, онъ ударомъ въ голову слегка ихъ надламывалъ, но такъ, что образовалась только едва замѣтная трещина, и тарелка держалась крѣпко, покуда не попадала при мытьѣ въ горячую воду; тутъ она разомъ разлеталась, и

несчастные служители вынимали изъ лахани вмѣсто тарелокъ груды лома и черепковъ. Разумѣется, что эта шутка не могла продолжаться долго. Лермонтовъ поспѣшилъ самъ заявить хозяину о своей виновности и невинности прислуги, и расплатился щедро за свою забаву.

Но этотъ весельчакъ и школьникъ по наружности скрывалъ въ себѣ бездну мрака, разочарованія и горькаго отчаянія. Въ то же время его неотступно преслѣдовала тягота жизни и предчувствіе близкой смерти.

На всѣхъ стихотвореніяхъ его послѣднихъ двухъ лѣтъ, преисполненныхъ трагическаго колорита, лежитъ печать этого предчувствія, которое онъ неоднократно высказывалъ своимъ друзьямъ. Такъ, товарищъ его А. Меринскій разсказываетъ въ своихъ воспоминаніяхъ, что 8-го іюля (за недѣлю до смерти Лермонтова) онъ встрѣтился съ нимъ довольно поздно на пятигорскомъ бульварѣ, Ночь была тихая и теплая. Они пошли ходить. Лермонтовъ былъ въ странномъ расположеніи духа,—то грустилъ, то вдругъ становился желчнымъ и съ сарказмомъ отзывался о жизни и обо всемъ его окружающемъ. Между прочимъ, въ разговорѣ онъ сказалъ: «Чувствую—мнѣ очень мало осталось жить».

Подъ вліяніемъ такого мрачнаго настроенія духа въ послѣднее время въ Лермонтовѣ еще въ большей степени усилилась страсть издѣваться надъ людьми и донимать ихъ злыми сарказмами. Представители петербургскаго бомонда въ Пятигорскѣ и примыкавшіе къ нимъ и тянувшіеся за знатью аристократствующіе мѣщане, какъ мы сказали выше, наиболѣе возбуждали желчь поэта и служили мишенью для его остротъ и выходокъ. Это повело къ тому, что все пятигорское общество раздѣлилось на двѣ партіи. Когда мѣстные обыватели съ «Лермонтовскою бандою» во главѣ затѣвали какой нибудь импровизованный балъ подъ открытымъ небомъ, аристократы презрительно насмѣхались надъ затѣею и не удостоивали ее своимъ участіемъ; а затѣмъ въ пику неприличнымъ кавказцамъ устраивали свой собственный вечеръ, стараясь затмить балъ кавказцевъ роскошью и свѣтскимъ шикомъ, причемъ кавказцы конечно ужъ не приглашались.

Взаимный антагонизмъ между двумя партіями при такихъ условіяхъ все болѣе и болѣе обострялся. Дошло дѣло до того, что Лермонтовъ съ своими товарищами положительно не давалъ прохода представительницамъ непріятельскаго лагеря, осыпая послѣднихъ, при встрѣчахъ на улицахъ съ ними, насмѣшками, шуточными прозвищами и т. п. Нѣкоторыя изъ вліятельныхъ личностей этого лагеря, желая наказать «*несноснаго выскочку и задиру*», ожидали

случая, когда кто-нибудь, выведенный изъ терпѣнія, «*проучитъ ядовитую гадину*», какъ они выражались. Другіе же, не ограничиваясь однимъ ожиданіемъ, начали искать подставное лицо, которое, само того не подозрѣвая, явилось-бы исполнителемъ задуманной интриги. Такъ, узнавъ о насмѣшкахъ Лермонтова надъ молодымъ Лисаневичемъ, однимъ изъ поклонниковъ Надежды Петровны Верзилиной, ему черезъ нѣкоторыхъ услужливыхъ лицъ было сказано, что терпѣть насмѣшки Лермонтова не согласуется съ честью офицера. Лисаневичъ указывалъ на то, что Лермонтовъ расположенъ къ нему дружественно и, въ случаяхъ, когда увлекался и заходилъ въ шуткахъ слишкомъ далеко, первый извинялся передъ нимъ и старался исправить свою неловкость. Къ Лисаневичу приставали, уговаривали вызвать Лермонтова на дуэль—проучить. «Что вы, возражалъ Лисаневичъ, чтобы у меня поднялась рука на такого человѣка!»

Безъ сомнѣнія, тѣ же лица, которымъ не удалось подстрекнуть на недоброе дѣло Лисаневича, обратились къ другому поклоннику Надежды Петровны, Н. С. Мартынову. Нѣкогда это былъ очень красивый молодой гвардейскій офицеръ, блондинъ, со вздернутымъ немного носомъ и высокаго роста; былъ всегда очень любезенъ, веселъ, порядочно пѣлъ подъ фортепіано романсы и полонъ надеждъ на свою будущность: онъ все мечталъ о чинахъ и орденахъ и думалъ не иначе, какъ дослужиться на Кавказѣ до генеральскаго чина.

Послѣ онъ уѣхалъ въ Гребенской казачій полкъ, куда онъ былъ прикомандированъ, и въ 1841 году проживалъ въ Пятигорскѣ. Но въ какомъ положеніи! Вмѣсто генеральскаго чина онъ былъ уже въ отставкѣ всего майоромъ, не имѣлъ никакого ордена и изъ веселаго и свѣтскаго изящнаго молодого человѣка сдѣлался какимъ-то дикаремъ; отростилъ огромныя бакенбарды, въ простомъ черкесскомъ костюмѣ, съ огромнымъ кинжаломъ, въ нахлобученной бѣлой папахѣ, мрачный и молчаливый. Нося форму Гребенскаго казачьяго полка, Мартыновъ, какъ находившійся въ отставкѣ, дѣлалъ разныя вольныя къ ней добавленія, мѣняя цвѣта и прилаживая ихъ согласно погодѣ, случаю или вкусу своему. По большей части онъ носилъ бѣлую черкеску и черный бархатный или шелковый бешметъ, или наоборотъ: черную черкеску и бѣлый бешметъ. Въ послѣднемъ случаѣ—это бывало въ дождливую погоду—онъ надѣвалъ черную папаху вмѣсто бѣлой, въ которой являлся на гуляньѣ. Рукава черкески онъ обыкновенно засучивалъ, что придавало всей его фигурѣ смѣлый и вызывающій видъ. Онъ былъ фатоватъ и, сознавая свою красоту, высокій ростъ и прекрасное сложеніе, любилъ щеголять

передъ нѣжнымъ поломъ и производить эффектъ своимъ появленіемъ. Охотно напускалъ онъ на себя мрачный видъ, щеголяя «модным байронизмомъ». Не удивительно, что Лермонтовъ, не выносившій фальши и заносчивости, при всемъ дружественномъ расположеніи къ Мартынову, нещадно преслѣдовалъ его своими насмѣшками, эпиграммами и массою каррикатуръ, которыя помѣщались въ альбомѣ, составлявшемся молодежью. Между прочимъ, онъ прозвалъ Мартынова, по поводу страсти его носить непомѣрно-длинный кинжалъ, Monlagnard au grand poignard, и это прозвище особенно раздражало Мартынова.

При этихъ условіяхъ враги Лермонтова нашли въ Мартыновѣ человѣка совершенно для себя подходящаго. Мелко самолюбивый и тщеславный неудачникъ и самъ по себѣ съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе раздражался противъ безпощаднаго насмѣшника, котораго въ душѣ считалъ ниже себя и по «карьерѣ» и по «салоннымъ» талантамъ, а интриганы, безъ сомнѣнія, още болѣе подливали масла въ огонь,—и все такимъ образомъ вело къ ужасной катастрофѣ.

Въ воскресенье, 13 іюля, на журъ-фиксѣ у Верзилиныхъ собралось немного близкихъ знакомыхъ и обычныхъ посѣтителей: полковникъ Зельмицъ съ дочерьми, Лермонтовъ, Мартыновъ, Трубецкой, Глѣбовъ, Васильчиковъ, Левъ Пушкинъ и еще нѣкоторые. Въ этотъ вечеръ Мартыновъ былъ особенно мраченъ и танцовалъ мало. Лермонтовъ, на котораго сердилась Эмилія Александровна за постоянное поддразниванье, приставалъ къ ней, прося «сдѣлать съ нимъ хоть одинъ туръ». Только подъ конецъ вечера, когда онъ усилилъ свои настойчивыя требованія, и, измѣнивъ тонъ насмѣшки, сказалъ: M-lle Эмили, пожалуйста, только одинъ туръ, въ послѣдній разъ въ мою жизнь!» она съ нимъ провальсировала. Затѣмъ Лермонтовъ усадилъ Эмилію Александровну около ломбернаго стола, и самъ помѣстился возлѣ. Съ другой стороны занялъ мѣсто Левъ Пушкинъ. «Оба они,—разсказываетъ Эмилія Алексеандровна, отличались злоязычіемъ и принялись въ запуски острить. Собственно обидно-злого въ томъ, что они говорили, ничего не было, но я очень смѣялась неожиданнымъ оборотамъ и анекдотическимъ разсказамъ, въ которые вмѣшали и знакомыхъ намъ людей. Конечно досталось больше всего водяному обществу, къ намъ мало расположенному; затронуты были и нѣкоторые пріятели наши. При этомъ Лермонтовъ, приподнимая одной рукой крышку ломбернаго стола, другой чертилъ мѣломъ иллюстраціи къ своимъ разсказамъ». Въ

это время танцы прекратились, и общество разбрелось группами по комнатамъ и угламъ залы. Князь Трубецкой сидѣлъ за роялемъ, и игралъ что-то очень шумное. Подругую сторону Надежда Петровна разговаривала еъ Мартыновымъ, который стоялъ въ обыкновенномъ своемъ костюмѣ—онъ и во время танцевъ не снялъ длиннаго своего кинжала—и часто перемѣнялъ позы, изъ которыхъ одна была изысканнѣе другой. Лермонтовъ это замѣтилъ и, обративъ вниманіе собесѣдниковъ, сталъ что-то говорить по адресу Мартынова. а затѣмъ мѣломъ, двумя-тремя штрихами, иллюстрировалъ позу Мартынова съ большимъ его кинжаломъ на поясѣ. Но Мартыновъ, поймавъ два-три обращенные на него взгляда, подозрительно и сердито посмотрѣлъ на сидѣвшихъ съ Лермонтовымъ. «Перестаньте, Михаилъ Юрьевичъ! Вы видите—Мартыновъ сердится», сказала Эмилія Александровна. Подъ шумные звуки фортепіано говорили не совсѣмъ тихо, а скорѣе сдержаннымъ только голосомъ. На замѣчаніе Эмиліи Александровны Лермонтовъ что-то отвѣчалъ, улыбаясь, но въ это время какъ нарочно, Трубецкой, взявъ сильный аккордъ, оборвалъ свою игру. Слево poignard отчетливо раздалось въ устахъ Лермонтова. Мартыновъ поблѣднѣлъ, глаза сверкнули, губы задрожали и, выпрямившись, онъ быстрыми шагами подошелъ къ Лермонтону и, гнѣвно сказавъ: «сколько разъ я просилъ васъ оставить свои шутки, особенно въ присутствіи дамъ!» отошелъ на прежнее мѣсто. «Это совершилось такъ быстро,—замѣтила Эмилія Александровна — что Лермонтовъ могъ только опустить крышку ломбернаго стола, но отвѣтить не успѣлъ. Меня поразилъ тонъ Мартынова и то, что онъ, бывшій *на ты* съ Лермонтовымъ, произнесъ слово *вы* съ особеннымъ удареніемъ. «Языкъ мой, врагъ мой!» сказала я Михаилу Юрьевичу. Ce n'est rien; demain nous serons bons amis!» — отвѣчалъ онъ спокойно.

Никто изъ прочихъ присутствовавшихъ не замѣтилъ этого короткаго объясненія. Скоро стали расходиться. Выходя изъ воротъ дома, Мартыновъ остановилъ за рукавъ Лермонтова и, оставшись позади товарищей, сказалъ ему сдержаннымъ голосомъ по-французски:

— Вы знаете, Лермонтовъ, что я очень долго выносилъ ваши шутки, продолжающіяся, несмотря на неоднократное мое требованіе, чтобы вы ихъ прекратили.

— Что же, ты обидѣлся? спросилъ Лермонтовъ.

— Да, конечно, обидѣлся.

— Не хочешь-ли требовать удовлетворенія?

— Почему-же нѣтъ?

Тутъ Лермонтовъ перебилъ его словами:

— Меня изумляютъ и твоя выходка, и твой тонъ... Впрочемъ, ты знаешь, вызовомъ меня испугать нельзя... хочешь драться—будемъ драться.

— Конечно, хочу— отвѣчалъ Мартыновъ,—и потому разговоръ этотъ можетъ считаться вызовомъ.

Подойдя къ домамъ своимъ, они молча раскланялись и вошли въ свои квартиры. Вернувшись домой, Мартыновъ обратился къ своему сожителю Глѣбову и просилъ его быть секундантомъ. Глѣбовъ тщетно старался успокоить Мартынова и склонить на примиреніе. Особенное участіе въ дѣлѣ принимали ближайшіе къ сторонамъ молодые люди: Столыпинъ, кн. Васильчиковъ и Глѣбовъ. Такъ какъ Мартыновъ никакихъ представленій не принималъ, то рѣшили просить Лермонтова временно удалиться и дать Мартынову успокоиться. Лермонтовъ согласился уѣхать на двое сутокъ въ Желѣзноводскъ. Въ отсутствіи его друзья думали дѣло уладить.

Но попытки ихъ не увѣнчались успѣхомъ. Подстрекаемый-ли другими или изъ личнаго упрямства, Мартыновъ не уступалъ. Его тѣшила роль непреклоннаго; онъ даже повеселѣлъ и не разъ подсмѣивался надъ «путешествующимъ противникомъ своимъ». Пришлось предоставить дуэли осуществиться. Но все же никто изъ участвующихъ не вѣрилъ въ ея серьезность, въ убѣжденіи, что противники, обмѣнявшись выстрѣлами, помирятся, и все закончится веселою пирушкой. Самъ Лермонтовъ говорилъ, что у него рука не подымется на Мартынова и что онъ выстрѣлитъ въ воздухъ.

Іюля 15-е было назначено днемъ для поединка. Дали знать Лермонтому въ Желѣзноводскъ. Ему приходилось ѣхать черезъ нѣмецкую колонію Каррасъ. Тамъ должны были встрѣтить его товарищи. Мѣстомъ же дуэли было назначено подножіе Машука на половинѣ дороги между колоніей и Пятигорскомъ. Нѣкоторые надѣялись, что въ Каррасѣ удастся помирить противниковъ. Поэтому Лермонтовъ долженъ былъ тамъ обѣдать; привезли туда и Мартынова. Противники раскланялись, но вмѣсто словъ примиренія Мартыновъ напомнилъ о томъ, что пора бы дать ему удовлетвореніе, на что Лермонтовъ выразилъ всегдашнюю свою готовность. Около 6 [illegible]овъ прибыли на мѣсто поединка. Оставивъ лошадей у проводника, Лермонтовъ со своими секундантами (секундантами были Столыпинъ, Глѣбовъ, Трубецкой и Васильчиковъ, но съ которой изъ сторонъ, кто изъ нихъ былъ, осталось невыясненнымъ) пошли вверхъ къ полянкѣ между двумя кустами. Мартыновъ былъ уже тамъ. Докто-

ровъ не было, такъ какъ дуэли не придавали серьезнаго значенія, не было даже приготовлено экипажа на случай, что кто-нибудь будетъ раненъ.

Мартыновъ стоялъ мрачный, со злымъ выраженіемъ лица. Столыпинъ обратилъ на это вниманіе Лермонтова, который только пожалъ плечами. На губахъ его показалась презрительная усмѣшка. Кто-то изъ секундантовъ воткнулъ въ землю шашку, сказавъ: «вотъ барьеръ». Глѣбовъ бросилъ фуражку въ десяти шагахъ отъ шашки, но длинноногій Столыпинъ, дѣлая большіе шаги увеличилъ пространство. «Я помню — говорилъ князь Васильчиковъ, — какъ онъ ногою отбросилъ шапку, и она откатилась еще на нѣкоторое разстояніе. Отъ крайнихъ пунктовъ барьера Столыпинъ отмѣрилъ еще по 10 шаговъ, и противниковъ развели по краямъ. Заряженные въ это время пистолеты были вручены имъ. Они должны были сходиться по командѣ: «сходись!» Особеннаго права на первый выстрѣлъ по условію никому не было дано. Каждый могъ стрѣлять, стоя на мѣстѣ или подойдя къ барьеру, или на ходу, но непремѣнно между командою: *два* и *три*. Противниковъ поставили на скатѣ, около двухъ кустовъ: Лермонтова лицомъ къ Бештау, слѣдовательно выше; Мартынова ниже, лицомъ къ Машуку. Лермонтову приходилось цѣлить внизъ, Мартынову вверхъ, что давало послѣднему нѣкоторое преимущество. Командовалъ Глѣбовъ... «Сходись!» — крикнулъ онъ. Мартыновъ пошелъ быстрыми шагами къ барьеру, тщательно наводя пистолетъ. Лермонтовъ остался неподвиженъ. Взведя курокъ, онъ поднялъ пистолетъ дуломъ вверхъ, и, помня наставленія Столыпина, заслонился рукой и локтемъ, «по всѣмъ правиламъ опытнаго дуэлиста». «Въ эту минуту, — пишетъ князь Васильчиковъ, — я взглянулъ на него и никогда не забуду того спокойнаго, почти веселаго выраженія, которое играло на лицѣ поэта передъ дуломъ уже направленнаго на него пистолета». Вѣроятно, видъ торопливо шедшаго и цѣлившаго въ него Мартынова вызвалъ въ поэтѣ новое ощущеніе. Лицо приняло презрительное выраженіе, и онъ, все не трогаясь съ мѣста, вытянулъ руку къ верху, попрежнему къ верху же направляя дуло пистолета. «Разъ»... «Два»... «Три!» командовалъ между тѣмъ Глѣбовъ. Мартыновъ уже стоялъ у барьера. «Я отлично помню, — разсказывалъ далѣе князь Васильчиковъ, — какъ Мартыновъ повернулъ пистолетъ, куркомъ въ сторону, что онъ называлъ стрѣлять по-французски. Въ это время Столыпинъ крикнулъ «стрѣляйте! или я разведу васъ!»... Выстрѣлъ раздался, и Лермонтовъ упалъ, какъ подкошенный, не успѣвъ даже

схватиться за больное мѣсто, какъ это дѣлаютъ обыкновенно ушибленные или раненые». «Мы подбѣжали... Въ правомъ боку дымилась рана, въ лѣвомъ сочилась кровь... Неразряженный пистолетъ оставался въ рукѣ... «Черная туча, медленно поднимавшаяся на горизонтѣ, разразилась страшной грозой, и перекаты грома пѣли вѣчную память новопреставленному рабу Михаилу»..

Друзья обступили трупъ, далекіе еще отъ сознанія, что Лермонтова уже не стало. Мартыновъ тотчасъ послѣ выстрѣла бросился къ упавшему съ крикомъ испуга и сожалѣнія: «Миша, прости меня!... Затѣмъ онъ поѣхалъ въ Пятигорскъ доложить о случившемся коменданту и отдать себя въ руки правосудія.

Глѣбовъ сѣлъ на землю и положилъ голову поэта себѣ на колѣни. Тѣло быстро холодѣло. Васильчиковъ поѣхалъ за докторомъ, но онъ никого не успѣлъ уговорить ѣхать на мѣсто поединка, по случаю страшной грозы и ливня, продолжавшихъ бушевать. Дороги всѣ размокли. Съ большимъ трудомъ и за большія деньги удалось Столыпину достать экипажъ для перевозки тѣла въ городъ. До одиннадцати часовъ вечера пролежало оно подъ проливнымъ дождемъ, покрытое шинелью Глѣбова и покоясь головою на его колѣняхъ. Когда Глѣбовъ хотѣлъ спустить голову, чтобы поправиться, изъ раскрытыхъ устъ Лермонтова вырвался не то вздохъ, не то стонъ. Друзья подумали, что онъ былъ еще живъ, но это лишь спертый воздухъ вышелъ изъ груди трупа. Наконецъ, въ 11 часовъ дроги прибыли и тѣло повезли въ городъ.

Между тѣмъ добрякъ комендантъ Ильяшенко, узнавъ о катастрофѣ, бѣгалъ по комнатѣ и, схватившись за голову плакался: «Мальчишки, мальчишки, что вы со мною сдѣлали!»—Мартыновъ тотчасъ былъ арестованъ. Растерянный комендантъ, еще не зная, убитъ или раненъ Лермонтовъ, приказалъ, чтобы, какъ только привезутъ, его помѣстили на гауптвахту. Той порой тѣло прибыло въ Пятигорскъ. Разумѣется, на гауптвахту его сдать нельзя было и, постоявъ передъ нею нѣсколько минутъ, пока выяснилось, что Лермонтовъ мертвъ, его повезли дальше. Кто-то именемъ коменданта опять-таки остановилъ поѣздъ передъ церковью, сообщивъ, что домой его везти нельзя. Опять замедленіе. Наконецъ, смоченный кровью и омытый дождемъ трупъ былъ привезенъ на квартиру и положенъ на диванъ въ столовую. Глѣбовъ раньше, потомъ Васильчиковъ были арестованы и подъ конвоемъ проведены къ мѣсту заключенія. Было за полночь, когда прибыла, наконецъ, давно ненужная медицинская помощь.

Блѣдный, съ улыбкою презрѣнія на устахъ, въ канаусовой рубашкѣ, смоченной кровью, лежалъ трупъ на диванѣ въ столовой. Вокругъ ходила молодежь, растерявшаяся и пораженная.

Вѣсть быстро разнеслась по городу, и еще вечеромъ приходили пріятели и знакомые въ квартиру Лермонтова.

На другое утро тѣло было обмыто. Окостенѣлые члены трудно было распрямить: сведенныхъ же рукъ расправить такъ и не удалось, и онѣ были покрыты простыней. Въ чистой бѣлой рубашкѣ лежалъ трупъ на постели въ своей небольшой комнатѣ. Художникъ Шведе снималъ съ него портретъ масляными красками.

Начались обычные хлопоты о погребеніи. Ординарный врачъ Пятигорскаго военнаго госпиталя, Барклай-де-Толли, выдалъ свидѣтельство, въ которомъ говорилось, что «Тенгинскаго пѣхотнаго полка поручикъ М. Ю. Лермонтовъ застрѣленъ на полѣ, близъ горы Машука, 15 числа сего мѣсяца, и, по освидѣтельствованіи имъ, тѣло можетъ быть предано землѣ по христіанскому обряду». Но протоіерей Павелъ Александровскій не рѣшался этого сдѣлать. Нѣсколько вліятельныхъ личностей, враждебныхъ поэту, старались повліять и на коменданта, и на отца протоіерея въ смыслѣ отказа какъ въ отданіи послѣднихъ почестей, такъ и въ христіанскомъ погребеніи праху *ядовитаго покойника*, какъ одинъ изъ нихъ выразился объ умершемъ. Они говорили, что убитый на дуэли—тотъ же самоубійца, и что на похороны самоубійцы по обряду христіанскому едва ли взглянетъ начальство снисходительно.

Противъ этихъ интригъ стали дѣйствовать друзья поэта. Они уговаривали протоіерея, представляли ему значительность связей бабки покойнаго и друзей его, обѣщали богатое вознагражденіе. Но онъ колебался. Напрасно говорили ему, что князь Васильчиковъ честью ручается, что отецъ Павелъ за исполненіе обряда отвѣчать не будетъ. Тщетно обращались къ содѣйствію жены его, стараясь задобрить и ее. Напуганная, она говорила батюшкѣ: «не забывай, что у тебя семейство».

Ильяшенко, на котораго напирали съ двухъ противоположныхъ сторонъ, самъ не зналъ, какъ поступить, и не рѣшался категорически разрѣшить протоіерею предать землѣ убитаго по отряду церковному. По счастью въ это самое время пріѣхалъ въ Пятигорскъ начальникъ штаба полковникъ Траскинъ, который одинъ только своимъ авторитетомъ могъ подѣйствовать на протоіерея. Похороны поэта состоялись 17-го іюля около 6 часовъ вечера. Воинскія почести разрѣшены не были, и гробъ былъ донесенъ до пятигорскаго

кладбища на плечахъ товарищей. Весь Пятигорскъ участвовалъ на похоронахъ. Были представители всѣхъ полковъ, въ которомъ служилъ Лермонтовъ. Мартыновъ просилъ проститься съ покойнымъ, но ему этого не позволили, въ виду разраженія противъ него. Плацъ-маіору Унтилову приходилось еще наканунѣ нѣсколько разъ выходить изъ квартиры Лермонтова къ собравшимся на дворѣ и на улицѣ, успокоивать и говорить, что это не убійство, а честный поединокъ. Были горячія головы, которыя выражали желаніе мстить за убійство и вызвать Мартынова. Возбужденіе вызвало затѣмъ и усиленную высылку молодежи изъ Пятигорска, по распоряженію Траскина.

Января 3-го 1842 г. состоялось по дѣлу о смертельной дуэли Лермонтова высочайшее повелѣніе: «Маіора Мартынова посадить въ Кіевскую крѣпость на гауптвахту на три мѣсяца и предать церковному покаянію. Титулярнаго совѣтника князя Васильчикова и корнета Глѣбова простить, перваго во вниманіе къ заслугамъ отца, а второго по уваженію полученной тяжкой раны».

Въ январѣ же послѣдовало Высочайшее соизволеніе на перевозъ тѣла поэта изъ Пятигорска въ пензенское имѣніе Арсеньевой, село Тарханы, для погребенія на фамильномъ кладбищѣ.

Бабушкѣ долго не рѣшались сообщить о смерти внука. Узнавъ о томъ, она, несмотря на всѣ предосторожности и приготовленія, вынесла апоплексическій ударъ отъ котораго медленно оправилась. Вѣки глазъ ея впрочемъ уже не подымались. Отъ слезъ они закрылись. Всѣ вещи, всѣ сочиненія внука, тетради, платья, игрушки—все, что старушка берегла—все она роздала, не будучи въ состояніи терпѣть около себя что-либо, до чего касался поэтъ. Скончалась она въ 1845 г. Мартыновъ отбылъ церковное покаяніе въ Кіевѣ съ полнымъ комфортомъ. Богатый человѣкъ, онъ занималъ отличную квартиру въ одномъ изъ флигелей лавры. Кіевскія дамы были очень имъ заинтересованы. Онъ являлся изысканно одѣтымъ на публичныхъ гуляньяхъ и подыскивалъ себѣ дамъ замѣчательной красоты, желая поражать гуляющихъ какъ своею особою, такъ и прекрасною спутницею. Всѣ разсказы о его тоскѣ и молитвахъ, о «ежегодномъ» навѣщаніи могилы поэта въ Тарханахъ—изобрѣтенія пріятелей и защитниковъ. Въ Тарханахъ на могилѣ Лермонтова Мартыновъ былъ всего одинъ разъ проѣздомъ.

Тѣло Михаила Юрьевича было вырыто изъ кавказской земли и привезено въ Тарханы 21 апрѣля 1842 года. Черезъ два дня оно было положено въ землю родимаго села рядомъ съ прахомъ матери.

ГЛАВА XIV.

Общая характеристика Лермонтова, какъ человѣка и поэта.

На первый взглядъ Лермонтовъ, по сравненію со всѣми прочими русскими писателями, жившими въ его время и послѣ, производитъ странное впечатлѣніе чего-то совершенно какъ-бы изолированнаго, стоящаго всѣ звеньевъ неразрывной цѣпи постепеннаго развитія и усовершенствованія русской литературы. Когда говорятъ объ этомъ развитіи, то ставятъ обыкновенно на видъ, какъ Жуковскій и Батюшковъ взамѣнъ отжившаго псевдоклассицизма насаждали у насъ романтизмъ; какъ затѣмъ Пушкинъ, начавши свою литературную дѣятельность на почвѣ романтизма, къ концу ея постепенно перевелъ русскую литературу на реальную почву, и прямымъ его продолжателемъ. утвердителемъ литературы на этой самой реальной почвѣ является Гоголь. Лермонтовъ же остается какъ-бы совершенно въ сторонѣ отъ этой преемственности. Онъ представляется словно какимъ-то непредвидѣннымъ метеоромъ, внезапно пронесшимся по небу яркою звѣздою, неизвѣстно откуда взявшеюся и исчезнувшею безъ слѣда. Можно подумать даже, что правильный ходъ развитія литературы ни мало не измѣнился-бы, не потерпѣлъ-бы, еслибы Лермонтова совсѣмъ не было. Представляется даже такъ, какъ будто Лермонтовъ въ своей литературной дѣятельности сдѣлалъ шагъ назадъ, такъ какъ въ то самое время, какъ Гоголь продолжалъ работу Пушкина на почвѣ реализма и устремлялъ литературу на плодотворный трудъ изображенія обыденной жизни, Лермонтовъ снова воскресилъ романтическіе эффекты и байронизмъ, отъ котораго Пушкинъ успѣлъ отрѣшиться уже въ половинѣ двадцатыхъ годовъ.

Если же заводятъ рѣчь о ходѣ развитія различныхъ идей въ обществѣ, философскихъ, политическихъ и т. п., то Лермонтовъ тѣмъ болѣе остается въ сторонѣ, о немъ совсѣмъ и не упоминаютъ при этомъ, потому что какія же идеи выражалъ Лермонтовъ въ своихъ произведеніяхъ, къ какому лагерю принадлежалъ, какое ученіе проповѣдывалъ? Не былъ онъ ни славянофиломъ, ни западникомъ, ни либераломъ, ни консерваторомъ, ни прогрессистомъ, ни обскурантомъ.

Вслѣдствіе всего этого у большинства русскихъ людей, не исключая и самыхъ горячихъ поклонниковъ его поэзіи, мы видимъ крайне смутное представленіе о роли и значеніи Лермонтова въ русской литературѣ, равно и о преобладающемъ характерѣ его

произведеній. Берутъ обыкновенно одинъ какой-нибудь элементъ его поэзіи и этимъ элементовъ исключительно опредѣляютъ ее всю, представляя такимъ образомъ любимаго поэта въ крайне одностороннемъ видѣ и упорно закрывая глаза на всѣ прочіе элементы. Одни, напримѣръ, видятъ въ Лермонтовѣ только подражателя Байрона и дѣлаютъ ему большую честь, когда находятъ, что байронизмъ, пересаживаемый поэтомъ на русскую почву, во всякомъ случаѣ является байронизмомъ самобытнымъ, видоизмѣненнымъ сообразно особенностямъ русской натуры и жизни. Другіе, принимая во вниманіе обстоятельства жизни его, стихотвореніе на смерть Пушкина и нѣкоторыя другія стихотворенія и поэмы, готовы видѣть въ немъ перваго отважнаго протестанта противъ стѣснительныхъ условій общественной жизни. Третьи, наконецъ, на первомъ планѣ ставятъ разочарованіе поэта во всемъ земномъ, тяготу земною, тѣлесною жизнью и постоянныя порыванія къ небесному, тоску безсмертнаго духа, плѣненнаго въ оковы земной жизни, рвущагося на безконечный просторъ и вѣчное сіяніе потеряннаго рая.

Въ каждомъ изъ этихъ сужденій вы найдете свою долю правды, но каждое изъ нихъ въ равной степени страдаетъ односторонностью и далеко не обнимаетъ всѣхъ сложныхъ элементовъ музы Лермонтова. Вся загадка пониманія Лермонтова во всемъ его объемѣ и со всѣми его особенностями заключается въ томъ, что по самой натурѣ своей это былъ вполнѣ геніальный человѣкъ. Геніальные же люди прежде всего отличаются отъ обыкновенныхъ смертныхъ тѣмъ, что они никогда не бываютъ и не могутъ быть односторонними; въ этомъ и заключается сущность всякой геніальности, въ то время какъ всякая односторонность есть по самому существу своему ограниченность и слѣдовательно нѣчто исключающее геніальность.

Геніальная личность прежде всего совмѣщаетъ въ себѣ всѣ не только положительные, доблестные элементы своей современности, но и ея недостатки и пороки. Обладая громадными запасами силъ, геніальные люди спѣшатъ взять отъ современной имъ жизни все, что въ ней заключается, всѣмъ что въ ней есть насладиться и всѣмъ перестрадать. Но этимъ не ограничивается еще ихъ геніальность: будучи вполнѣ дѣтьми своего вѣка, раздѣляя съ современниками своими всѣ ихъ положительныя и отрицательныя качества, они выдѣляются отъ нихъ, возвышаются надъ ними отъ всего относительнаго, преходящаго, принадлежащаго данному вѣку и составляющаго злобу дня въ область необъятнаго, безотносительнаго, общенароднаго или общечеловѣческаго, дѣлающаго ихъ творенія

достояніемъ многихъ вѣковъ или многихъ народовъ, смотря по степени ихъ геніальности и общечеловѣчности.

Все это мы замѣчаемъ у Лермонтова. Такъ, прежде всего онъ поражалъ всѣхъ своихъ друзей и знакомыхъ соединеніемъ самыхъ повидимому непримиримо противорѣчащихъ другъ другу качествъ. Человѣкъ, повидимому глубоко разочарованный, не вѣрящій въ земное счастье, томящійся, не находящій мѣста на землѣ и жаждущій смерти, какъ избавленія отъ «пустой и глупой шутки», называемой жизнью,—Лермонтовъ въ то же время беззавѣтно наслаждался всѣми благами жизни, какъ эллинъ эпохи Перикла, и вся жизнь его представляла собой веселый праздникъ свѣтскаго бонвивана. Человѣкъ, съ презрѣніемъ смотрѣвшій на безсмысленно пошлую и пустую суету большого свѣта, готовый «дерзко бросить въ глаза всѣмъ его представителямъ желѣзный стихъ, облитый горечью и злостью», онъ въ то же время употреблялъ недостойныя его уловки, чтобы быть въ этомъ самомъ свѣтѣ замѣченнымъ, принятымъ и имѣть въ немъ успѣхъ. Въ одно и то же время однихъ и тѣхъ же людей онъ поражалъ невыносимостью своего заносчиваго высокомѣрія и дерзкой насмѣшливости, доходившей до страсти къ мучительству ближнихъ, неспособныхъ отгрызаться, и вмѣстѣ съ тѣмъ теплымъ, отзывчивымъ сердцемъ, жаждущимъ любви и ласки и способнымъ всецѣло отдаваться; трагическія предчувствія близкой смерти не мѣшали ему предаваться ребяческому школьничеству.

Въ этихъ противорѣчіяхъ онъ былъ вполнѣ человѣкомъ своего вѣка, будучи преисполненъ того нравственнаго разлада и раздвоенія, которые были присущи всѣмъ людямъ того времени, завися отъ полной противоположности унаслѣдованныхъ на почвѣ крѣпостного права барскихъ привычекъ съ новыми, европейскими идеями гуманности и братства, гнетущихъ общественныхъ условій съ романическими порывами къ свободѣ и гордой независимости. Различіе между нимъ и прочими людьми его вѣка заключалось лишь въ томъ, что въ то время, какъ послѣдніе уживались и мирились путемъ различныхъ компромиссовъ и съ общественными условіями, и съ своимъ собственнымъ душевнымъ разладомъ, Лермонтовъ не могъ помириться ни съ тѣмъ, ни съ другимъ. Стремясь ничего не упустить, что представлялось ему въ жизни въ какомъ-бы то ни было отношеніи заманчиво, все пережить, всѣмъ насладиться, онъ въ то же время ни въ чемъ не могъ найти полнаго удовлетворенія, примиренія ни съ людьми, ни съ жизнью, ни съ самимъ собою. Онъ тотчасъ же постигалъ тщету и суету всего, къ чему жадно стре-

мился, его возмущала пошлость и рабская низость окружающихъ его людей; душа его стремилась отъ всего этого въ такой-то таинственный міръ великаго и необъятнаго. Отсюда и пристекала его страсть къ величественной природѣ Кавказа и къ непосредственно-свободной и независимой жизни воинственныхъ и полудикихъ горцевъ, не успѣвшихъ еще развратиться тлетворною цивилизаціею; отсюда, наконецъ, и всѣ его порывы отъ преходящаго и тлѣннаго, земного— къ вѣчному, небесному.

Каковъ онъ былъ въ жизни, таковъ былъ онъ и въ своей поэзіи, до такой степени субъективный, что вы не найдете у него ни одного мелкаго или крупнаго произведенія, которое не относилось-бы такъ или иначе къ личности и жизни поэта.

Здѣсь опять-таки намъ прежде всего бросается въ глаза одинъ изъ несомнѣнныхъ признаковъ геніальности поэта. Невольно поражаетъ насъ полное отсутствіе въ развитіи поэтическаго дара Лермонтова какихъ-либо періодовъ и переходовъ. Съ первыхъ же дѣтскихъ проявленій своего творчества Лермонтовъ сразу является передъ нами тѣмъ самымъ, какимъ былъ онъ въ продолженіе всей своей поэтической дѣятельности, съ тѣмъ же характеромъ поэзіи, мотивами, образами, чувствами. Развитіе таланта его заключалось лишь въ болѣе художественномъ выраженіи того содержанія его поэзіи, какое ему было словно внушено сразу, отъ рожденія.

Въ поэзіи Лермонтова мы видимъ ту же присущую всѣмъ геніальнымъ людямъ двойственность, какую наблюдаемъ и въ жизни его. Здѣсь онъ также является прежде всего поэтомъ своего вѣка, идущимъ въ своемъ умственномъ развитіи рука объ руку со всѣми своими лучшими современниками. Такъ, несмотря на то, что онъ не принадлежалъ къ кружку Станкевича и не былъ знакомъ съ членами его, вы замѣчаете у него то же романтическое прекраснодушіе, что и у Бѣлинскаго, то же увлеченіе Шиллеромъ, Гете, Шекспиромъ и Байрономъ, однимъ словомъ,—то же пристрастіе къ тевтонской музѣ, соединенное съ галлофобіею, сказавшеюся въ «Послѣднемъ новосельѣ» и нѣкоторыхъ другихъ стихотвореніяхъ, въ которыхъ Лермонтовъ смотритъ на французовъ, какъ «на жалкій и пустой народъ».

Раздѣляя вмѣстѣ съ современниками муки неисходныхъ противорѣчій и непримиримой раздвоенности, Лермонтовъ не упустилъ выразить эти муки въ рядѣ стихотвореній, преисполненныхъ горькихъ сѣтованій, причемъ наиболѣе выдающимся стихотвореніемъ въ этомъ родѣ является, конечно, знаменитая «Дума» («Печально я гляжу»)... То же раздвоеніе выражено имъ и въ рядѣ типовъ

современныхъ героевъ, въ родѣ Арбенина и Печорина, въ которыхъ подъ байроновской оболочкой очень легко разглядѣть всѣ нравственные недуги русскихъ передовыхъ людей 30-хъ годовъ.

Вообще Лермонтова можно назвать вполнѣ представителемъ тридцатыхъ годовъ, чѣмъ онъ и отличается отъ Пушкина, который въ свою очередь всецѣло является поэтомъ 20-хъ годовъ.

Въ самомъ дѣлѣ, несмотря на то, что произведенія Пушкина, написанныя въ теченіе тридцатыхъ годовъ, отличаются наибольшею зрѣлостью и совершенствомъ, онъ все-таки по многимъ чертамъ своего характера остается человѣкомъ двадцатыхъ годовъ, однимъ изъ уцѣлѣвшихъ обломковъ разбитаго корабля. Способность Пушкина примиряться съ жизнью, наклонность къ олимпійски-объективному, благодушно-оптимистическому созерцанію обусловливаются конечно тѣмъ, что Пушкинъ воспитался подъ вліяніемъ болѣе мягкихъ условій начала прошлаго столѣтія. Совершенно не таковы были условія, подъ гнетомъ которыхъ выросъ Лермонтовъ. Этимъ обусловливается въ значительной степени тотъ пессимизмъ, которымъ преисполнена поэзія Лермонтова. Лермонтовъ никогда не былъ политическимъ поэтомъ и выразителемъ какихъ-либо сознательныхъ и предвзятыхъ тенденцій. Тѣмъ не менѣе, въ каждомъ стихотвореніи его слышатся вамъ слезы тяжкой обиды, глубоко затаеннаго и тѣмъ болѣе разъѣдающаго оскорбленія. И еще-бы: чего стоило вынести одну смерть Пушкина! И что же такое были стихи Лермонтова на смерть Пушкина, какъ не горькій, отчаянный крикъ оскорбленія, который не могъ не отозваться въ сердцѣ каждаго интеллигентнаго человѣка того времени. Отсутствіе сознательной и предвзятой тенденціозности въ Лермонтовѣ придавало тѣмъ болѣе цѣны ему въ глазахъ современниковъ, что они видѣли въ немъ протестанта не по какимъ-либо внушеннымъ ученіямъ, а по самой своей природѣ. Разъѣдающія слезы, какими преисполнены стихотворенія Лермонтова, являлись совершенно естественными, непроизвольными; въ нихъ слышалось нѣчто стихійное; представлялась чаша страданій, которая не могла не выливаться черезъ край именно потому, что была переполнена, а не потому, чтобы кто-нибудь нарочно наклонялъ ее на бокъ.

Но будучи такимъ образомъ поэтомъ своего вѣка, Лермонтовъ въ то же время далеко оставлялъ сзади себя всѣхъ своихъ современниковъ, такъ какъ поэзія его заключала въ себѣ такіе народные элементы, которые присущи не тому или другому вѣку или десятилѣтію, а составляютъ одинъ изъ общихъ элементовъ русскаго духа

Замѣчательно, что, будучи еще только пятнадцатилѣтнимъ мальчикомъ, въ годы наибольшаго подчиненія Байрону, Лермонтовъ чувствовалъ и сознавалъ, что онъ не Байронъ, а что душа у него чисто русская. И дѣйствительно, воспринявши отъ Байрона англійскій пессимизмъ, Лермонтовъ придалъ ему совершенно русскій, народный характеръ; превратилъ въ тотъ своеобразный пессимизмъ, который скрывается глубоко въ нѣдрахъ русской натуры и присущъ ей былъ во всѣ историческія времена.

Вы не найдете у Лермонтова и слѣда того разъѣдающаго скептицизма, который составлялъ суть міросозерцанія британскаго поэта, воспитаннаго на философіи XVIII вѣка, ни той холодной, ледяной иронiи, которая является народною чертою англійскаго племени и которую вы найдете и у Шекспира, и у Свифта, ни, наконецъ, той пресыщенности, или нравственнаго изнеможенія, какія были присущи Европѣ въ эпоху реставраціи послѣ потрясающихъ событій конца восемнадцатаго и начала девятнадцатаго столѣтія.

Вмѣсто всего этого, васъ поражаетъ въ поэзіи Лермонтова то забубенное презрѣніе къ жизни, то удалое равнодушіе къ ней, которое заставляетъ русскаго человѣка восклицать «все на свѣтѣ трынъ трава и жизнь не стоитъ выѣденнаго яйца», — и очертя голову бросаться въ пропасть безъ всякой уважительной цѣли, изъ одного молодечества. Въ то же время вся поэзія Лермонтова проникнута тою глубокою, безъисходною тоскою, и вмѣстѣ съ тѣмъ безпечною удалью и могучимъ, отважнымъ порывомъ на какой-то безграничный и безбрежный просторъ, какіе вы слышите въ каждой народной русской пѣснѣ. Въ этомъ отношеніи изъ Лермонтова готовился выработаться не только поэтъ русской интеллигенціи 30-годовъ, но и великій общенародный пѣвецъ. Къ сожалѣнію, онъ умеръ въ такую пору, когда его молодой геній только что расправлялъ свои могучія крылья и сбылись пророческія слова пятнадцатилѣтняго мальчика.

Я рано началъ, кончу рано,
Мой умъ не много совершитъ;
Въ душѣ моей, какъ въ океанѣ,
Надеждъ разбитыхъ грузъ лежитъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

стр.

I. Рожденіе и дѣтскіе годы Лермонтова. Поѣздка на Кавказъ 5

II. Воспитаніе Лермонтова.—Поступленіе въ Московскій благородный пансіонъ.—Первые поэтическіе опыты . 12

III. Борьба бабушки съ отцомъ Лермонтова, и какъ эта борьба отразилась на всей жизни поэта 17

IV. Сердечныя увлеченія Лермонтова и ухаживанія за кузинами въ отроческомъ возрастѣ 22

V. Пребываніе Лермонтова въ Московскомъ университетѣ 26

VI. Пребываніе Лермонтова въ школѣ гвардейскихъ юнкеровъ 33

VII. Лермонтовъ-офицеръ.—Лагерная жизнь и свѣтскія развлеченія.—Эпизодъ съ Кат. Ал. Сушковой 39

VIII. Литературныя занятія и знакомства.—Стихи на смерть Пушкина и дѣло о нихъ 44

IX. Первая ссылка на Кавказъ.—Переводъ въ Гродненскій полкъ. — Странствія. — Знакомство съ декабристами и отзывъ о Лермонтовѣ декабриста Назимова. — Пріѣздъ въ Петербургъ.—Успѣхи въ свѣтѣ и популярность.—Литературные труды и цензурныя непріятности.—Знакомство съ Жуковскимъ.—Сближеніе съ Краевскимъ 50

X. Лермонтовъ въ Новгородѣ.—Переводъ въ прежній полкъ.—Разочарованіе въ великосвѣтскомъ обществѣ и современномъ поколѣніи.—Воспоминанія о Лермонтовѣ И. С. Тургенева.—Маскарадъ въ Дворянскомъ собраніи въ ночь на 1-е января 1840 г.—Новыя тучи сгущаются надъ головой поэта.—Дуэль съ де-Барантомъ.—Заключеніе.—Свиданіе съ Бѣлинскимъ.—Судъ и новая ссылка на Кавказъ 56

стр.

XI. Лермонтовъ въ Ставрополѣ—Отправленіе въ дѣйствующую армію.—Походная жизнь.—Предводительство отрядомъ Дорохова.—Бой подъ Валерикомъ.—Отзывы сослуживцевъ. — Встрѣча съ французскою писательницею Гоммеръ-де-Гелль и тайное путешествіе въ Крымъ 66

XII. Послѣдній пріѣздъ въ Петербургъ.—Свѣтскія развлеченія и литературныя занятія.—Начало сознательнаго отношенія къ своему призванію.—Мечты объ отставкѣ и основаніи журнала.—Новыя непріятности съ начальствомъ и внезапная высылка на Кавказъ.—Лермонтовъ въ Москвѣ.—Встрѣча съ поэтомъ Боденштедтомъ и воспоминанія послѣдняго о Лермонтовѣ. Какъ Лермонтовъ попалъ въ Пятигорскъ 73

XIII. Жизнь Лермонтова въ Пятигорскѣ.—Тоска, предчувствіе смерти и вмѣстѣ съ тѣмъ школьническія шалости. — Городъ раздѣляется на двѣ партіи.—Интрига враговъ. — Личность Мартынова. — Столкновеніе съ нимъ поэта.—Дуэль.—Смерть и похороны 88

XIV. Общая характеристика Лермонтова, какъ человѣка и поэта. 93